

СОВРЕМЕННОСТЪ.

VII.

СОВРЕМЕННОСТЬ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Ө. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

057
5732
v. 7-8

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 - 1613

СОВРЕМЕНИКЪ.

ГАЛУБЪ.

I.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кушака,
Не для разбойничей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ неожиданой встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи разваливъ Ташартуба.—
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучитъ уныло пѣснь Мульы;
Въ арбу впряженные волю
Стоять предъ саклєю печальной;

Дворъ помонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ быють въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небосвой,
Мягутся спутанные кони;
Всѣ ждуть.— Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между жемъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ.— Толпу
По сторонамъ раздаться просить,
Слагають тѣмо на арбу
И съ нимъ кладуть снарядъ воинской:
Неразряженую пицаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы ярѣпка была могила
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воинномъ возстать.
Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирля молча пыль коней.—
Ужъ потухалъ закатъ огнистой
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой

Достигли тихіе воны.
Въ долиниѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой,
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжеть, блѣдный и нѣмой. . . .
Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы лвились вдругъ
Старикъ съдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлцу—
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабого младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлать храбраго Чечепца.
Сего дня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ! покоренъ будь судьбѣ!
Другова я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь — —
Труды мои ты самъ оцѣнишь,
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
 Галубъ на отрока. Тазитъ
 Главу погупилъ молчаливо
 Ему недвижимъ предстоитъ.
 И въ горь имъ Галубъ лобуясь,
 Влеченно сердца повинуюсь,
 Объемлетъ ласково его.
 Потомъ наставника ласкаетъ,
 Благодаритъ и приглашаетъ
 Подъ кровлю дома своего.
 Три дня, три ночи съ кунаками
 Его онъ хочетъ угощать
 И послѣ съ честью провожать,
 Съ благословеньемъ и дарами.
 Ему, отецъ печальныйъ минтъ,
 Обязанъ благомъ я безцѣннымъ :
 Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
 Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
 Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
 Все дикость прежнюю хранитъ.
 Среди родимаго аула
 Онъ все чужой; онъ цѣлый день
 Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ;
 Такъ въ саклѣ пойманный олень
 Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.

Онъ любитъ— по крутымъ скаламъ
 Скользить, ползти тропой кремнистой,
 Внимал бурь голосистой
 И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
 Онъ иногда до поздней ночи
 Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
 Недвижно въ даль уставя очи,
 Опершись на руку главой.
 Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дольняго куда
 Младые сны его уводить? ...
 Какъ знать? Незрима глубь сердца!
 Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ
 Какъ вѣтеръ въ небѣ. ...

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
 «Гдѣ-жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
 Огважность, хитрость и проверетво,
 Лукавый умъ и сила рукъ?
 Въ немъ только лѣнь и непокорство.
 Или сына взоръ мой не проникъ,
 Или обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
 Коня, любимца своего.
 Два дни въ аулѣ нѣтъ его,

На третій онъ домой приходитъ.

О т е ц ь .

Гдѣ былъ ты? сынъ!

С ы н ь .

Въ ущелья скалъ

Гдѣ прорванъ каменистый берегъ

И путь открытъ на Даріаль.

О т е ц ь .

Что дѣлалъ тамъ?

С ы н ь .

Я слушалъ Терекъ.

О т е ц ь .

А не видалъ-ли ты Грузинъ,

Иль Русскихъ?

С ы н ь .

Видѣлъ я, съ товаромъ

Тифлискій ѣхалъ Армянинъ.

О т е ц ь .

Онъ былъ со стражей?

С ы н ь .

Нѣтъ, одинъ.

О т е ц ь .

За чѣмъ печальнымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса? —

Потупилъ очи сынъ Черкеса
Не отвѣчалъ ничего. —

Тазитъ опять коня сѣдластъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

О т е ц ь .

Гдѣ былъ?

С ы н ь .

За бѣлою горой.

О т е ц ь .

Кого ты встрѣтилъ на курганѣ?

С ы н ь .

Отъ насъ бѣжавшаго раба.

О т е ц ь .

О милосердая судьба!
Гдѣ-жь онъ? ужели на арканѣ

Ты бѣгльца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.

Галубъ нахмурился въ молчаньи,

Но скрылъ свое негодование.

«Нѣтъ» мыслить онъ, «не замѣнить

Онъ никогда друга брата!

Не научился мой Тазитъ

Какъ шашкой добываютъ злата;

Ни стадъ моихъ, ни табуновъ

Не надѣлать его разбѣды;

Онъ только знаетъ безъ трудовъ

Внимать волнамъ, глѣдѣть на звѣзды,

А не въ набѣгахъ отбивать

Коней съ Пагайскими быками,

И съ боя взятыми рабами

Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ.

Два дня, двѣ ночи пронадеетъ

На третій, блѣденъ какъ мертвецъ

Приходитъ онъ домой. — Отецъ

Его увидя вопрошаетъ:

Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ

Кубани, близъ лѣсныхъ границъ

.

О Т Е Ц Ъ .

Кого ты видѣлъ?

С Ы Н Ъ .

Супостата.

О Т Е Ц Ъ .

Кого? кого?

С Ы Н Ъ .

Убійцу брата.

О Т Е Ц Ъ .

Убійцу сына моего?...

Тазитъ! гдѣ голова его?

Дай взгляжусь!

С Ы Н Ъ .

Убійца былъ

Одинъ, раненъ, безоруженъ...

О Т Е Ц Ъ .

Ты долга крови не забылъ... .

Врага ты навзничь опрокинулъ... .

Не правда-ли? ты шашку вынулъ,

Ты въ горлю сталь ему воткнулъ

И трижды тихо повернулъ?

Упился ты его стонашемъ

Его змѣннымъ издыханьемъ?...

Гдѣ-жъ голова? подай... нѣтъ силъ....

Но сынъ молчить потупя очи.

И сталъ Галубъ чернѣе ночи

И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

Ты не Чеченецъ — ты старуха,

Ты трусь, ты рабъ, ты Армянинъ —

Будь проклятъ мной — поди — чтобъ слуха

Никто о робкомъ не имѣлъ,

Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плеча

Окровавленной кошкой сълъ

И къ безднѣ гналъ тебѣ нещадно,

Чтобъ ты какъ раненый олень

Бѣжалъ тоскуя безотрадно,

Чтобъ дѣти Русскихъ деревень

Тебѣ веревкою поймали,

И какъ волченка затерзали —

Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!

Не оскверняй моихъ очей!»

— Сказалъ и на земь легъ — и очи

Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.

Когда-же приподнялся онъ,

Былъ темень синій небосклонъ. —

II

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинь шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верьхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлюю шапку пробиваютъ,
Пль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. — Жены, дѣвы
Межь тѣмъ поютъ — и гуль лѣсной
Далече вторить ихъ напѣвы.
Но между дѣвами, одна
Молчить уныла и блѣдна
..... Въ толпѣ стоять четою странной,
Стоять не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанной,
Она — любовница его...
О было время!... съ ней украдкой
Выдался юноша въ горахъ,
Онъ пль огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ.
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу

Съ подружкой рѣзвой говоря ,
 И вдругъ садилась и бѣднѣла,
 И отвѣчая не глядѣла,
 И разгоралась какъ заря, —
 Или у водъ когда стояла
 Текущихъ съ каменныхъ вершинъ.
 И долго кованый кувшинъ
 Волною звонкой наполняла....
 И онъ, невластный превозмочь
 Вознесеній сердца, разъ приходитъ
 Къ ея отцу, его отводитъ
 И говорить: «твоя мнѣ дочь
 Давно мила, но ней тоскую,
 Одинъ и сирѣ давно живу я.
 Благослови любовь мою
 Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
 Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
 Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ.
 Тебѣ я буду сынъ и другъ
 Послушный, преданный и вѣрный
 Твоимъ сынамъ — кунакъ надежный,
 А ей приверженный супругъ. . . . »

А. Пушкинъ.

ГРАФЪ КАЛОСТРО.

(Отрывокъ изъ второй части романа: «Искуситель»).

..... «Я такъ же какъ и ты много путешествовалъ и объѣхалъ почти всю Европу» началъ говорить фонъ-Борхъ, обращаясь къ Закамскому. «Въ 1789-мъ году я прожилъ всю осень въ Римѣ. У меня было вѣсколько рекомендательныхъ писемъ и въ томъ числѣ одно къ графу Ланцелотти; но я слишкомъ мѣсяцъ не былъ ни съ кѣмъ знакомъ, кромѣ услужливыхъ чичероніевъ и моего хозяина, претолстаго и преглупаго макаронщика, который ревновалъ свою жену къ цѣлому міру, не смотря на то, что она была стара и дурна какъ смертный грѣхъ. Съ утра до вечера я бѣгалъ по городу и каждый разъ возвращался домой съ новымъ запасомъ для моихъ путевыхъ записокъ. Я не намѣренъ вамъ рассказывать обо всѣхъ прогулкахъ по Римскимъ улицамъ, не стану описывать мой восторгъ при видѣ Колизея, Пантеона и другихъ остатковъ древняго Рима, не скажу даже ни слова о томъ какъ я былъ пораженъ огромностію и величіемъ храма Св. Петра, какія воспоминанія пробудились въ душѣ моей при видѣ Ка-

питомія и съ какимъ наслажденіемъ я смотрѣлъ на произведенія великихъ художниковъ Италіи. Все это тысячу разъ повторялось каждымъ путешественникомъ, и этотъ неизбежный, ослепительный восторгъ, эти приторныя фразы а-ля-Дюпати, и казенныя восклицанія, давно ужъ опротивѣли и надоели всемъ до смерти.

Однажды — это было мѣсяца два по приѣздѣ моемъ въ Римъ — я отправился безъ всякой цѣли шататься по городу. Пройдя нѣсколько времени берегомъ Тибра, я повернулъ на мостъ, весьма красивой наружности, но къ сожалѣнію обезображенный статуями, которыя не только въ Римѣ, но и во всякомъ порядочномъ городѣ, были бы не у мѣста. Я остановился по срединѣ моста, чтобъ полюбоваться видомъ замка Святаго Ангела. Онъ подымался предомною, по ту сторону Тибра, какъ угрюмый исполинъ, посѣдѣвшій на стражѣ священнаго Рима. Эта городская тюрьма походила издали на огромную круглую башню съ плоской кровлей, на которой выстроены цѣлый замокъ; не смотря на свою строгую и даже нѣсколько тяжелую архитектуру, замокъ Св. Ангела мнѣ очень понравился, и я глядѣлъ на него съ такимъ вниманіемъ, что не замѣтилъ сначала какого-то прохожаго, закутаннаго въ широкій плащъ, который прислонясь къ мостовымъ периламъ, казалось еще внимательнѣе меня разсматривалъ это зданіе. Онъ былъ росту средняго не дуру и не хороша собою; но глаза его! ... въ самой Италіи, классической землѣ пламенныхъ, оду-

шевельныхъ взоровъ, я не видывалъ ни чего подобнаго; казалось искры сыпались изъ этихъ глазъ не очень большихъ, но быстрыхъ, исполненныхъ огня и черныхъ какъ смоль. Не знаю почему, но я не могъ удержаться, чтобъ съ нимъ не заговорить: — Вы вѣрно такъ же какъ и я любуетесь этимъ чуднымъ зданіемъ? — сказалъ я по-Италіиски, указывая на замокъ Св. Ангела. — Незнакомый бросилъ на меня такой недоувѣрчивый и въ тоже время проницательный взглядъ, что я совершенно смутился. Повторяя мой вопросъ, я сбился съ толку, заговорилъ вадоръ, и сдѣлалъ непростительную ошибку. Незнакомый улыбнулся, поглядѣлъ на меня доувѣрчивѣе, и сказалъ въ полголоса: «вы иностранецъ?..»

— Да, отвѣчалъ я. —

« Вы вѣрно путешественникъ, и если не ошибаюсь родина ваша далеко отсюда? »

— Вы отгадали: я Русской. —

« Русской! » повторилъ незнакомый, взглянувъ на меня еще веселѣе. « Вамъ должно быть здѣсь очень жарко; я знаю вашу холодную Россію; нѣскольکو лѣтъ тому назадъ я былъ въ Петербургѣ; у меня есть тамъ пріятели; я имѣлъ честь знать лично князя Потемкина; но мы кажется не поправились другъ другу. Я также очень часто бывалъ. . . . »

Тутъ назвалъ онъ мнѣ пять или шесть известныхъ именъ и поговоривъ еще нѣсколько времени о Петербургѣ, вдругъ остановился и сказалъ мнѣ. « вы

кажется спрашивали меня, нравится-ли мнѣ этотъ замокъ? Не знаю какъ вамъ, а мнѣ онъ вовсе не нравится.»

— Однакожъ вы очень пристально на него глядѣли. —

« И очень часто это дѣлаю; если это неизбежно, то надобно стараться заранѣе къ нему привыкнуть.»

— Привыкнуть.. — прервалъ я съ удивленіемъ. — Да на что вамъ къ нему привыкать? вѣдь этотъ замокъ тюрьма... —

« Хуже » прервалъ незнакомый « это Римская Бастилія, а кто знаетъ Парижскую. . . Но вы меня не поняли; это зданіе не всегда было тюрьмою. Знаете ли вы, для чего оно было построено?»

Я почти обидѣлся этимъ вопросомъ; спросить у магистра Дерптскаго университета, знаетъ-ли онъ, что замокъ Св. Ангела былъ нѣкогда мавзолью императора Адриана! Да этотъ вопросъ стыдно даже сдѣлать и студенту. Я закидалъ незнакомца историческими фактами, прочелъ ему памзустъ сказаніе знаменитаго Проконія о томъ какъ Велизарій, осажденный въ Римѣ Готами, защищался, бросая въ нихъ мраморныя статуи, которыми этотъ мавзоль былъ украшенъ, какъ въ средніе вѣка, Папа Бонифацій IX превратилъ его въ крѣпостной замокъ, какъ герцогъ Бурбонскій, осаждалъ въ немъ Папу Климента VII-го, былъ убитъ на приступѣ. — Послѣ этаго — продолжалъ я... « Хорошо, хорошо! » — закричалъ незнакомецъ, стараясь перервать

потокъ моего краснорѣчія. «Я вижу, вы человекъ ученый, но дѣлю не въ томъ; если вы знаете первобытное назначеніе замка Св. Ангела, то поймете для чего я прихожу смотреть на это роскошное кладбище, построенное для одного покойника. Смерть вѣло—неизбѣжное!... да, неизбежное!» прибавилъ онъ почти шопотомъ. «даже и для того, кто измѣряетъ свою жизнь не годами, а столѣтіями.»

— Какъ, столѣтіями? — повторилъ я — да неужели есть такіе люди? —

Незнакомый вдрогнулъ и какъ будто бы спохватясь, сказалъ съ улыбкою: «вы опять меня не поняли; развѣ жизнь цѣлаго народа не походитъ на жизнь одного человека? Развѣ повелитель безчисленныхъ народовъ, владыко міра, древній Римъ не умеръ, какъ умеръ вотъ этотъ быть можетъ, безвѣстный гражданинъ, » продолжалъ незнакомый, указывая на похоронную процессію Братъевъ Кающихся, которая въ эту минуту показалась на берегу Тибра. «Не думаете-ли вы, что обширная могилка, которую мы называемъ Римомъ, хотя иѣсколько походитъ на этотъ гордый, могучій, кипящій жизнью Римъ? О, еслибы вы его видѣли?» прибавилъ незнакомецъ и черные глаза его засверкали «еслибы вы видѣли этотъ живой Римъ, эту родину всего высокаго и прекраснаго... вы не стали бы тогда называть Римлянами народъ, который выдумалъ арлескина, создалъ паяца и славится своими макаронами, а Римомъ—этотъ жалкій городъ, напо-

минающій мнѣ цыганскій таборъ, расположенный на развалинахъ Пальмиры. И вы рассуждаете о высокому и прекрасному — перестаньте! вы не знаете ни того ни другаго. Вы называете изящнымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ ваши кукольные комедіи; горсть людей сбредетъ въ какойнибудь каменный балаганъ, назоветь его Санъ-Карло или Ла-Скала, а себя—нубликою, и думаетъ, что видитъ передъ собою высокое и прекрасное зрѣлище!... Жалкіе пигмеи!... да если вы не вѣрите преданіямъ, такъ посмотрите на развалины Колизея, не говорятъ ли онѣ вамъ, что всѣ ваши дѣтскія затѣи есть не что иное, какъ жалкія пародіи забавъ великаго Рима. Вы плачете, когда въ вашемъ балаганѣ, на этихъ презрѣнныхъ подмосткахъ, какойнибудь палецъ-трагикъ заколетъ себя деревяннымъ кинжаломъ, а въ Колизей сотни людей умирали не шутя, чтобъ заслужить рукоплесканіе восьмидесяти тысячъ зрителей. Вы удивляетесь вашимъ холстиннымъ морямъ и трехъ-аршиннымъ кораблямъ изъ картузной бумаги. А Колизей, по мановенію Кесаря, превращался въ обширное озеро и настоящія военныя галеры не представляли морское сраженіе, но дрались въ самомъ дѣлѣ, для забавы гордыхъ Римлянъ. Да!... все это было» примолвилъ незнакомый грустнымъ голосомъ «давно, очень давно!... вѣка прошли, настанутъ другіе; но Римъ не воскреснетъ!....»

Незнакомый замолчалъ, потомъ, какъ будто бы въоря съ самимъ собою, продолжалъ: «Давно-ли

кажется? ... да! такъ точно, это было восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова. какой волшебный праздникъ! Императоръ торжествовалъ открытіе Колизея. ... съ восходомъ солнечнымъ началъ волноваться и шумѣть вѣнчанный Римъ, какъ море хлынуло онъ со своихъ семи холмовъ и высокія стѣны Колизея унизались народомъ. ... раздался громъ рукоплесканій — онъ вошелъ — царь вселенной, радость міра, кроткій, богоподобный Титъ! О какъ онъ былъ прекрасенъ! какъ шли къ нему эти шелковыя кудри, эта томная блѣдность лица, эти усталыя глаза, и даже этотъ прыщикъ на лѣвой щекѣ.» —

«Прочь съ дороги!» раздался грубый голосъ, и кто-то толкнулъ меня очень невѣжливо въ спину — «шляпу долой!» закричали изъ-подъ своихъ бѣлыхъ колпаковъ нѣсколько Братьевъ Кающихся. Я повиновался; мимо меня тянулась похоронная процессія; за нею несли гробъ, а позади чело-вѣкъ триста всякаго рода людей и нищихъ, подвигаясь медленно впередъ, заняли почти всю ширину моста. Когда этотъ печальный приливъ народа схлынуло, я остался опять на просторѣ; но незнакомца уже не было. Вы можете судить, какое впечатлѣніе произвели на меня странныя слова этаго чудака, который разсказывалъ о праздникѣ, данномъ за восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, какъ о балѣ, на которомъ онъ танцовалъ недѣли двѣ тому назадъ. — Если это не сумасшедшій, подумалъ я, такъ ужь вѣрно какой нибудь

балагуръ, который хотѣлъ надо мною позабавиться. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Для черезъ три, прогуливаясь по знаменитой улицѣ Корсо, которая служить въ обыкновенные дни гуляньемъ, а на масленицѣ маскерадною залогомъ для цѣлаго Рима, я сошелъ съ тротуара, чтобы перейти на противоположную сторону. На самой серединѣ улицы, стоялъ человекъ въ большой бѣлой шляпѣ съ широкими полями; казалось, онъ вовсе забылъ, что вокругъ его ѣздятъ безпрестанно экипажи. Въ ту самую минуту, какъ я дѣлалъ это замѣчаніе, цеголеватая коляска, заложена паркою великолѣпныхъ лошадей, мчалась во всю рысь по самой срединѣ улицы. Кучеръ зазывался, коляска была уже въ десяти шагахъ отъ человека въ бѣлой шляпѣ и этотъ бѣднякъ былъ бы непременно задавленъ, еслибъ я не успѣлъ схватить его за руку и оттащить въ сторону. Когда опасность миновалась и незнакомый сталъ благодарить меня, я узналъ въ немъ чудака, съ которымъ повстрѣчался на мосту Святаго Ангела.

«Если не ошибаюсь» сказалъ онъ «мы ужъ съ вами знакомы; вы тотъ Русской путешественникъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе разговаривать дня три тому назадъ.»

— Да, — отвѣчалъ я — помнится, вы мнѣ рассказывали о какомъ-то иррадиикѣ, который давался въ Колизеѣ, восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христо-

ва, и на которомъ вы любовались Императоромъ Титомъ.—

Незнакомый улыбнулся. «Вы, господа сѣверные жители,» сказалъ онъ «никогда не поймете насъ, живыхъ, пламенныхъ дѣтей юга; то что представляется только вашему воображенію, мы видимъ въ самомъ дѣлѣ; вы переноситесь иногда мыслию въ прошедшее, вспоминаете о немъ, а для насъ оно становится настоящимъ. Когда я говорилъ съ вами о древнемъ Римѣ, вѣка исчезли и *огненный городъ* подымался изъ своихъ развалинъ; я видѣлъ его, я жилъ въ немъ.... смѣйтесь, господинъ Русской, смѣйтесь! наши Италійскія, волканическія головы, кажутся вамъ полоумными. Пусть такъ! но мы живемъ двойною жизнью; для насъ и среди Русскихъ снѣговъ будутъ цвѣсти розы, наше южное воображеніе украситъ померанцовыми цвѣтами, усыплетъ золотыми апельсиннами и ваши гробовыя сосны и эти мертвыя, единообразныя березы; оно растопитъ вѣчныя льды Сибири и разнесетъ прозрачною лазурью туманныя небеса вашей родины. Что нужды если обманъ не истина, когда этотъ обманъ дѣлаетъ насъ счастливыми!»

—Посмотрите, посмотрите! — прервалъ я — вотъ ѣдетъ назадъ та самая коляска, которая чуть, чуть васъ не задавила. —

Незнакомый поднялъ глаза. Въ коляскѣ сидѣлъ развалився какой-то франтъ; онъ посматривалъ гордо

на проходящихъ; инымъ кланялся по Римскому обычаю рукою, другимъ отвѣчать на низкіе поклоны едва замѣтною улыбкой, и такъ явно чванился и важничалъ своимъ шарднымъ экипажемъ, съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣхъ бѣдныхъ пѣшеходцевъ, что вотъ такъ и хотѣлось плюнуть ему въ лице.

«А!» вскричалъ незнакомый «Да это кавалеръ Габріелли! такъ онъ-то хотѣлъ задавить меня? Бѣдняжка!»

— Однакожь у этаго бѣдняжки славный экипажъ — сказала я шутя.

«Да недолго онъ имъ провладѣеть.»

— А что? видно изъ послѣднихъ денегъ?
тѣу батюшки! какія лошади, какая упряжь. —

«Да, это правда» — сказала незнакомый «все хорошо, кромѣ кучера.»

— Помилуйте, чѣмъ же онъ дурень; посмотрите какой молодець. —

— «Ну нѣтъ! не очень красивъ собою.»

— Что вы? славный кучеръ! — а какал богатал ливрея! —

«Да я вамъ говорю не объ этомъ ливрейномъ кучерѣ, а вотъ что сидитъ подлѣ него.»

— Подлѣ него? да гдѣ же? —

«Съ лѣвой стороны.»

«— Я никого не вижу. —

«Видно я позорчѣ васъ. Этотъ ливрейный кучеръ для одного парада — бѣдненькой! онъ только что держитъ возжи, а въ самомъ-то дѣлѣ правитъ лошадьми не онъ, а пріятельница, которая сидитъ съ нимъ рядомъ на козлахъ.»

— Пріятельница, что за пріятельница? —

«Смерть!» шепнулъ отрывисто незнакомый, и прежде чѣмъ я опомнился отъ удивленія, коляска помчалась какъ вихрь, зацѣпила за каменный столбъ, опрокинулась и понеслась далѣе. Почти у самыхъ воротъ дель-Поноло остановили лошадей; мы подошли; вокругъ изломанной коляски стояла толпа народа. Мы съ трудомъ продрались впередъ: на мостовой лежали кавалеръ Габріелли и кучеръ его — оба мертвые.

«Ну» сказалъ незнакомый посмотрѣвъ на меня пристально «вы вѣрно ужъ не думаете, что я сумасшедшій?»

Я такъ былъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова.

«Послушайте!» продолжалъ незнакомый «кажется мы не даромъ такъ часто встречаемся другъ съ другомъ, а сверхъ того» прибавилъ онъ съ улыбкою — «вы сегодня спасли меня отъ смерти или хотѣли спасти, а это одно и тоже; мы должны познакомиться короче: какъ васъ зовутъ?»

— Фонъ - Борхъ. —

«Фонъ - Борхъ? это не Русская фамилія.»

—Мой дѣдушка былъ Нѣмецъ. —

«Тѣмъ лучше! я очень люблю Нѣмцевъ; ихъ называютъ мечтателями, идеалистами—да, это правда, они не Французы и не Русскіе, которые стараются подражать Французамъ. Они не смѣются надъ тѣмъ чего не понимаютъ, и не смотря на свою ученость, не называютъ обманомъ и заблужденіемъ все то, чего нельзя объяснить разумомъ и доказать какъ дважды два четыре. Вы каждый день въ первомъ часу можете застать меня дома; я занимаю квартиру въ улицѣ дель-Пеллигрино, почти напротивъ палаты кардинала Вице-Канцлера. Входъ съ улицы; спросите графа Александра Калиостро».

—То есть—перерывъ Клязь Двинскій, который давно уже вертѣлся отъ нетерпѣнія — не графъ, не Александръ и не Калиостро, а просто: сынъ бѣднаго ремесленника Иосифъ Бальзамо.

«Это еще не доказано» сказалъ магистръ, «да прошу ваше сіятельство не прерывать меня, а не то я замолчу».

— Вотъ и разсердился! а за что? Ну подумай самъ: когда колдуны бываютъ графами? Сентъ-Жермень былъ такой же точно графъ, какъ и этотъ Бальзамо, Нострадамусъ и Фаустъ были ученые, Твердовскій также, Фламель, Богъ знаетъ кто, Сведенборгъ также, Брюсъ... Ахъ, да бишь: виноваты!—онъ былъ графъ, совсѣмъ забылъ! —

«Да перестань князь!» закричалъ я «что ты мѣшаешь ему рассказывать. Ну, что Борхъ? ты очень удивился, когда онъ сказалъ тебѣ свое имя?»

— И удивился и обрадовался. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ этимъ знаменитымъ человекомъ и я на другой же день явился къ нему въ двѣнадцатомъ часу утра. Онъ только-что всталъ съ постели и едва успѣлъ накинуть на себя халатъ изъ богатой Турецкой матеріи. Комната, въ которой онъ меня принять была убрана очень просто, на полкахъ стояли книги, а на большомъ столѣ лежали бумаги и толстыя свитки пергамента. На окнѣ стояла открытая аптечка съ стеклянными пузырьками и баночками; въ одномъ углу на бронзовомъ треножникѣ лежала мертвая голова, а у самыхъ дверей сидѣла черная огромная кошка. Когда я вошелъ, она оцѣтенилась и глаза ея засверкали. — «Бюндетта!» закричалъ Калюстро «пошла вонъ!»

Кошка, какъ умная лягавая собака, тотчасъ отправилась въ другую комнату, но проходи мимо, очень на меня коснулась.

Графъ сѣлъ подлѣ меня на канапе и началъ разговаривать со мною о Россіи. Все, что онъ говорилъ, было такъ умно, всѣ замѣчанія его были такъ справедливы, что я слушалъ его съ истиннымъ наслажденіемъ. Отъ времени до времени вырывались однакожь у него какія-то странныя фразы: напримеръ онъ спросилъ меня часто-ли бываютъ навод-

ненія въ Петербургѣ, и когда я отвѣчалъ ему, что это бываетъ очень рѣдко, то онъ значительно улыбнулся и сказалъ: «я былъ увѣренъ въ томъ; я знаю, онъ теперь ужь не такъ злится на Русскихъ; они ему угодили, украсили любимую дочь его, великолѣпную Неву, одѣли ее гранитомъ». — И когда я спросилъ, о комъ онъ говоритъ — Калиостро тотчасъ перемѣнилъ рѣчь, и началъ разговаривать о другомъ. Во время нашего разговора я замѣтилъ на столѣ между различныхъ бумагъ манускриптъ на папирусь; вы знаете мою страсть ко всемъ древнимъ рукописямъ; я не могъ скрыть моего любопытства. «Этотъ манускриптъ привезенъ мною изъ Египта,» сказалъ Калиостро «и вы можете его видѣть только въ такомъ случаѣ, если вы..... дайте мнѣ вашу руку.»

Я повиповался. Графъ пожалъ се какимъ-то особеннымъ образомъ, и какъ будто-бы ждалъ отвѣта: я молчалъ. «О!» сказалъ онъ «да вы еще не родились, такъ о годахъ васъ спрашивать нѣчего. А для того, чтобъ разобрать что нибудь въ этомъ манускриптѣ, надобно имѣть по крайней мѣрѣ семь лѣтъ; оставьте его!»

Въ эту минуту вошелъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти; голова его была повязана пестрымъ платкомъ, а блѣдное лице выражало нестерпимое страданіе.

«Что тебѣ надобно?» сказалъ Калиостро.

— Извините синьоръ! — сказалъ старикъ — я живу подлѣ васъ; мнѣ сказали, что вы докторъ. —

«А ты боленъ?»

— Вотъ третьи сутки глазъ не смыкаю; такая головная боль, что не приведи Господи! ни дня ни ночи покою! Если это продолжится, то я брошусь въ Тибръ или размозжу себѣ голову. —

— «Поверстто!».... шепнулъ Каліостро «постой на минутку!» Онъ вынулъ изъ аптечки небольшой пузырькъ и подавая его старикъ, сказалъ: «на, любезный! понюхай изъ этой сткляночки въ три приема, при каждомъ разѣ говори про себя....» тутъ проговорилъ онъ какое-то слово, котораго я не могъ разслышать. Едва старикъ исполнилъ его приказаніе, какъ схватилъ себя обѣими руками за голову и закричалъ:—Боже мой!... что это?... не сонъ ли? моя голова такъ свѣжа, такъ здорова!.. ахъ синьоръ, позвольте мнѣ взять съ собою это лекарство!—

« Не нужно, мой другъ!» сказалъ Каліостро «теперь ужъ у тебя голова болѣть не станетъ; ступай съ Богомъ.»

Старикъ началъ-было говорить о своей благодарности, но графъ разсердился и почти вытолкалъ его за двери. «Благодарность!» повторилъ онъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ «я знаю эту людскую благодарность!... нѣтъ, старикъ, меня не обманешь! если когда нибудь невѣжды приговорятъ сжечь на кострѣ бѣднаго Каліостро, какъ злодея

и черно книжника, то можетъ быть первую влянку дровъ принесешь ты, чтобъ угодить палачамъ твоего благодѣтеля».

Двери опять отворились; молодая женщина въ рубищѣ, съ двумя оборванными ребятишками, вошла въ комнату и бросилась въ ноги къ Калиостро.

«Что ты милая? что ты?» спросилъ графъ.

— Вы нашъ спаситель — проговорила женщина всхлипывая — вы дали мнѣ лекарство, отъ котораго мой мужъ въ одни сутки почти совсѣмъ выздоровѣлъ; онъ еще слабъ и не могъ самъ придти изълечить вамъ свою благодарность. . . .—

«Опять благодарность!» прервалъ Калиостро нахмуривъ брови «хорошо, хорошо, голубушка, я знаю чего ты хочешь; на! возьми, и ступай вонъ!» Онъ сунулъ ей въ руку кошелекъ, набитый деньгами, и прежде чѣмъ она успѣла опомниться, выпроводилъ ее вонъ и захлопнулъ за нею двери.

Ну князь! теперь я спрошу тебя: неужели эти дѣла и поступки, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, доказываютъ, что Калиостро былъ шарлатанъ и безстыдный обманщикъ?»

— А по твоему они доказываютъ противное? — сказалъ съ усмѣшкою князь.

«Какъ, Двинскій! . . . а старикъ, котораго онъ при мнѣ вылъчилъ? . . .»

— Мастерски притворился больнымъ — прервалъ князь.

«А это бѣдное семейство?...»

— Славно сыграло свою роль!—

«А кавалеръ Габріелли?...»

— Котораго убили лошади?—

«Ну да! ты вѣрно скажешь, что и онъ былъ въ заговорѣ, потому что Калиостро предугадалъ его смерть?»

— Случай, мой другъ, и больше ничего. Развѣ нельзя было лошадямъ понести, изломать коляску, убить кучера и сѣдока? Все это могло случиться самымъ естественнымъ образомъ, и надобно признаться, случилось очень кстати, чтобъ оправдать дичь, которую поролъ тебе этотъ архи-шарлатанъ Калиостро. Да чгожь ты? любезный другъ, вѣдь ты обѣщался доказать не словами, а самымъ дѣломъ, что я напрасно не вѣрю твоимъ мистическимъ бреднямъ, а вмѣсто этаго, вотъ ужъ цѣлый часъ ты рассказываешь намъ сказки.—

«Хочешь, Князь, слушать, такъ слушай! а не хочешь.....»

— Хочу, хочу!..—

«Эхъ, братецъ» сказалъ я «не мѣшай ему. Ну, Борхъ рассказывай!»

«Недѣли двѣ ерду» продолжалъ Магистръ, «я почти не разлучался съ графомъ Калиостро; бесѣды наши становились съ каждымъ днемъ интереснѣе; казалось, онъ полюбилъ меня, но не смотря на это, всякой разъ заминать рѣчь, когда я просилъ

его сдѣлать меня, если не участникомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ необычайныхъ явленій, о которыхъ онъ такъ много мнѣ рассказывалъ. — « Ужь не воображаете-ли вы, что это суцая бездѣлка » говорили всегда Калиостро, « что этимъ можно забавляться, какъ какимъ нибудь физическимъ опытомъ? Не думаете ли вы, что сблизить васъ съ существами нездѣшняго міра, такъ же для меня легко, какъ свести съ какимъ нибудь изъ моихъ знакомыхъ? Вы очень ошибаетесь. Для моихъ глазъ, эти существа видимы и въ собственномъ ихъ образѣ; но чтобъ сдѣлать ихъ доступными до вашихъ земныхъ чувствъ, я долженъ ихъ облекать въ формы вещественныя, а этого онѣ очень не любятъ. »

Однажды онъ спросилъ меня, знакомъ ли со мною графъ Ланцелотти, и когда я отвѣчалъ, что у меня есть къ нему рекомендательное письмо, Калиостро сказалъ: « ступайте къ нему сегодня, познакомьтесь съ нимъ, а послѣ завтра часу въ осьмомъ вечера отправьтесь въ Тиволи; тамъ, не далеко отъ малыхъ каскадовъ, вы встрѣтите человека въ бѣлой шляпѣ и черномъ плащѣ съ краснымъ подбѣемъ; скажите ему ваше имя и ступайте за нимъ. Быть можетъ вы знаете виллу, которую занимаетъ графъ Ланцелотти, но вамъ все-таки нуженъ проводникъ; если вы прійдете одинъ, васъ не примутъ да и ворота будутъ заперты; вамъ надобно будетъ пройти садомъ. »

— Ого! — сказалъ я шутя — да это походить на какое-то любовное приключеніе; такая таинственность. . . . —

«Необходима» перервалъ Калиостро «то что вы увидите у графа Ланцелотти, не должно имѣть много свидѣтелей.»

— А что-жь такое я увижу? —

«То что вы хотѣли давно уже видѣть; вотъ въ чемъ дѣло: у графа Ланцелотти умеръ на этихъ дняхъ скоропостижно богатый родственникъ; онъ сдѣлалъ еще при жизни духовное завѣщаніе, которымъ отказываетъ по смерти все свое имѣніе графу. Что духовная существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но ее не могли никакъ отыскать въ бумагахъ покойника, и все это огромное имѣніе можетъ достаться, вмѣсто графа Ланцелотти, одному ближайшему родственнику, который теперь въ Неаполѣ. Я обязанъ семейству графа единственнымъ благомъ, испытаннымъ мною въ теченіи всей бѣдственной и бурной моей жизни: мой другъ, моя милая жена, Лоренца, была воспитана въ ихъ домѣ, и вотъ почему, не смотря на опасность, которая мнѣ угрожаетъ, я рѣшился. . . . да!» продолжалъ Калиостро, поглядѣвъ съ робостію вокругъ себя «я рѣшился вызвать покойника съ того свѣта и заставить его сказать, гдѣ спрятана духовная, безъ которой его послѣдняя воля не можетъ быть исполнена.»

•

— Какъ! — вскричалъ я, обезумѣвъ отъ радости — вы хотите сдѣлать меня свидѣтелемъ. . . . —

« Да! и если предчувствіе меня не обманывается, » продолжалъ Калиостро, взглянувъ печально на замокъ Святаго Ангела, который видѣнь былъ изъ окна вдаль за Тибромъ, — « если меня погребутъ живо въ этой обширной могилѣ, если ничто не спасетъ меня отъ злобы и ненависти людей, то я сдѣлаю васъ моимъ наследникомъ. — Да! я не хочу, чтобы вмѣстѣ со мною погибло то, что стоило мнѣ такъ дорого, моя Лоренца не переживетъ меня. . . и ее также ждуть высокія стѣны, тѣсная келья и медленная смерть! . . . О! зачѣмъ я не устоялъ противъ искушеній! . . . Зачѣмъ хотѣлъ утолить эту неутолимую жажду познаній. . . О! еслибы я могъ возвратиться, забыть все! . . . » — Калиостро закрылъ руками лицо и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ: « Пить! . . . пить! кто разъ поднесъ эту чашу къ устамъ своимъ, тотъ будетъ пить ее до конца, и какаѣ бы горечи ни была на днѣ, онъ не долженъ и не можетъ остановиться! . . . Теперь ступайте » прибавилъ онъ пожавъ мнѣ руку « не забудьте: послѣ завтра, въ восемь часовъ, въ Тиволи. . . мы до тѣхъ норъ не увидимся — я хочу эти два дня провести съ моею Лоренцою — прощайте! »

На другой день я познакомился съ графомъ Ланцелотти, а на третій, часу въ осьмомъ послѣ обѣда, былъ уже въ Тиволи. — На дворѣ было душно. Хо-

тя солнце начинало уже садиться, но жаръ все еще былъ нестерпимъ и я не встрѣтилъ почти никого изъ гуляющихъ, даже подлѣ самыхъ каскадовъ, гдѣ было нѣсколько посвѣжѣе. Проняло болѣе часу. Я умиралъ отъ нетерпѣнія; вмѣсто того, чтобы любоваться великолѣпною картиною Тивольскихъ водопадовъ, я смотрѣлъ по сторонамъ, не могъ стоять спокойно на одномъ мѣстѣ и ходилъ **всѣмъ** и **всередь** какъ часовой, который ждетъ не дожидется, чтобы его смѣнили. Наконецъ вдали, между миртовыхъ деревьевъ, мелькнула бѣлая шляпа и черезъ нѣсколько минутъ человекъ въ черномъ плащѣ съ краснымъ подбосомъ сошелъ подлѣ горы. Я поспѣшилъ къ нему на **встрѣчу**, сказалъ мое имя и черный плащъ, поклонясь мнѣ очень вѣжливо, попросилъ за собою следовать. Съ полчаса мы шли молча по тропинкѣ, которая изгибалась по скату горы. Вилла Адриана осталась у насъ на лѣвой рукѣ. Пройдя напередъ густую оливовую рощу, мы повернули по широкому проспекту, обсаженному тополями и подошли къ запертымъ воротамъ довольно большого дома, у котораго на лицевой сторонѣ всѣ окна были закрыты ставнями. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вдоль каменной стѣны, мы вошли узкою калиткою въ обширный садъ, и я увидалъ въ концѣ длинной аллеи красивый портикъ, у котораго всѣ колонны были обвиты виноградными лозами. — Передъ ними на широкой, уставленной цвѣтами терасѣ, встрѣтилъ меня графъ Ланцелотти; онъ подавъ мнѣ руку и сказавъ ласковымъ голосомъ: «я давно васъ ожидаю, господинъ Борхъ; Ка-

Калиостро хотѣлъ, чтобъ вы были свидѣтелемъ того, что будетъ происходить у меня сегодня. Вы другъ его, следовательно я могу положиться на вашу скромность. Прошу покорно доложить, я представлю васъ всему обществу.»

Мы вошли въ круглую залу, которая освѣщалась сверху стекляннѣмъ куполомъ. Жена хозяина и еще какая-то пожилая дама сидѣли на канане, подлѣ нихъ столъ высокій мужчина, меньшей братъ графа Ланцелотти, а поодаль, въ темномъ углу, сидѣлъ человекъ лѣтъ пятидесяти въ черномъ платьѣ. Признаться я очень удивился, когда, разсмотрѣвъ хорошенько этаго господина, замѣтилъ на головѣ его шапку Римскаго аббата. «Чтожь это значитъ?» подумалъ я, «неужели въ присутствіи духовной особы, Калиостро рѣшится вызывать съ того свѣта покойника? Это что-то больно неловко!» Впрочемъ хозяинъ замѣтилъ мое удивленіе; онъ подвелъ меня къ аббату и сказалъ: «вогь искренній другъ нашего семейства — Синьоръ Казотти; не безпокойтесь! онъ только по своему платью принадлежитъ къ здѣшнему духовенству и не разделяетъ его ненависти къ графу Калиостро, котораго любить и уважаетъ отъ всей души.» Поговоривъ еще нѣсколько минутъ со мною, хозяинъ скрылся. Въ залѣ царствовала такая глубокая тишина, какъ будто-бы въ ней никого не было; я замѣтилъ что всѣ посматривали на меня весьма недовѣрчиво; нрѣдка хозяйка шептала что-то на ухо своей сосѣдкѣ и покачивала го-

ловою. Аббатъ также молчалъ, какъ убитый. Я нѣсколько разъ начиналъ съ нимъ говорить, но онъ всякой разъ отвѣчалъ мнѣ однимъ наклопеніемъ головы и улыбкою, которая походила на самую отерпительную гримасу.

Больше двухъ часовъ продолжалась эта молчаливая беседа; хозяинъ не возвращался, братъ его ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, графиня продолжала перешептываться съ своею сосѣдкою, а господинъ аббатъ отправился гулять по саду. Сначала этотъ таинственный шопотъ и тишина возбуждали во мнѣ не вовсе непріятное ощущеніе; это торжественное и продолжительное молчаніе казалось мнѣ необходимымъ приготовленіемъ къ тѣмъ чудесамъ, которыя я долженъ былъ видѣть; оно располагало мою душу къ принятію необычайныхъ впечатлѣній, и даже наводило на меня какой-то невольный трепетъ; сердце мое рвалось вопль изъ груди отъ нетерпѣнія; при каждомъ шорохѣ я вздрагивалъ и робко озирался кругомъ; но когда прошло часа полтора безъ всякой перемѣны, то это единообразное молчаніе, прерываемое едва слышнымъ шопотомъ, начало казаться мнѣ вовсе забывшимъ; хозяинъ не возвращался, и я рѣшился наконецъ послѣдовать примѣру сеньора Казотти, то есть отправился гулять по саду. На темносинихъ небесахъ вовсе непохожихъ на наше сѣверное, блѣдное небо, сіяла полная луна, и въ саду было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ залѣ. Я пошелъ по первой, попавшейся мнѣ дорожкѣ, она привела меня къ небольшой по

меранцевой рощѣ, посаженной вдоль садовой стѣны. Прохладный вѣтерокъ доносилъ до меня шумъ Тивольскихъ водопадовъ. Я остановился, чтобы прислушаться къ этимъ отдаленнымъ звукамъ, въ которыхъ было что-то гармоническое и музыкальное. Не прошло двухъ минутъ какъ у садовой стѣны за померанцевыми деревьями кто-то сказалъ въ полголоса : « сирлитесь здѣсь въ кустахъ, чтобъ васъ не замѣтили ; когда будетъ надобно , я самъ приду за вами. » Вслѣдъ за этимъ раздался шорохъ и все умолкло « Чтобъ это значило ? » подумалъ я « неужели здѣсь какъ въ Террачини разбойники грабятъ у самыхъ городскихъ воротъ ? Быть не можетъ ! я давнобъ объ этомъ слышалъ ; но кто-жъ эти люди, которые должны прятаться въ кустахъ, чтобъ ихъ не замѣтили ? » Теряясь въ догадкахъ, я рѣшился наконецъ возвратиться въ залу и объявить графу Ланцелотти или жепъ его, что подлѣ ихъ дома есть какая-то засада. На террасѣ встрѣтилъ меня Аббатъ Казотти. « Ступайте скорѣе » сказалъ онъ, « васъ только одинъ и дожидаются. » Въ круелой залѣ никого ужъ не было. Аббатъ взялъ меня за руку и, пройдя со мною нѣсколько темныхъ комнатъ, повелъ длиннымъ коридоромъ ; онъ остановился въ концѣ его, постучалъ въ замертую дверь, она растворилась и мы вошли въ обширную комнату, которая слабо освѣщалась повѣшенною сверху лампадою о трехъ рожкахъ. Графъ Ланцелотти и все остальное общество сидѣло на поставленныхъ рядомъ креслахъ ; я помѣстился въ самыхъ крайнихъ, а Казотти сталъ позади меня ; занавѣсъ, повѣшенный

во всю ширину комнаты, разделять ее на двѣ части; я поглядѣть вокругъ себя: ни на одномъ изъ присутствующихъ лица не было; мужчины старались покрайней мѣрѣ казаться спокойными, но женщины не скрывали своего страха и дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ. Признаное и мое сердце замирало отъ ужаса, но вскорѣ любопытство и истерическіе совершенно подавили во мнѣ всякое чувство боязни. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ ароматическое куреніе наполнило всю комнату, тихо отдернулся занавѣсъ, и мы увидѣли графа Калиостро передъ небольшимъ жертвенникомъ, на которомъ стояла жаровня и лежала толстая книга въ черномъ бархатномъ переплетѣ. Вся эта часть комнаты освѣщалась огромнымъ серебрянымъ подсвѣчникомъ о семи свѣчахъ. Калиостро былъ въ черномъ платьѣ, безъ галстука и съ распущенными по плечамъ волосами; лице его было блѣдно, черные глаза блистали вдохновеніемъ, а изъ полуоткрытыхъ устъ вылетали какія-то невнятные слова. Онъ держалъ въ рукахъ золотую коробочку, изъ которой продолжалъ сыпать порошокъ въ жаровню; изъ нее подымались облака зеленоватаго дыма, и сильный ароматическій запахъ распространялся болѣе и болѣе по всей комнатѣ. Позади меня раздался громкій вздохъ; всѣ вздрогнули; «я задыхаюсь!» проговорилъ боѣзненнымъ голосомъ синіоръ Казотти, «мнѣ дурно!»—Ступайте вонъ!—шепнулъ графъ Ланцелотти и аббатъ, шатаясь какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Никогда забуду взгляда, который бросилъ вслѣдъ за нимъ Кали-

остро. Казалось онъ хотѣлъ имъ превратить въ пенель бѣднаго Казотти. Когда все пришло опять въ прежній порядокъ, Каліостро взялъ съ жертвенника книгу, отошелъ къ сторонѣ и началъ читать въ полголоса. Какъ я ни напрягалъ мой слухъ, но не могъ ничего разобрать. За то ни одно движеніе Каліостро не укрылось отъ моихъ глазъ. Онъ часъ отъ часу становился тревожнѣе, грудь его волновалась, посинѣвшія губы дрожали, волосы примѣтнымъ образомъ становились дыбомъ, крупныя капли пота текли по лицу, и онъ, какъ будто-бы изнемогая отъ сильнаго напряженія, отъ времени до времени переставалъ читать и казался съ трудомъ переводить дыханіе. Вдругъ вся наружность его измѣнилась, глаза запылали, яркій румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ: замѣтно было, что послѣ тяжелой борьбы наступала минута одоленія и торжества; Каліостро закрылъ книгу и мощнымъ голосомъ, который и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ, повторилъ трижды какое-то таинственное слово; при третьемъ разѣ, что-то похожее на электрическое потрясеніе, пробѣжало по всемъ моимъ нервамъ; стоящій передъ жертвенникомъ семисвѣтильникъ погасъ, и на насъ повѣяло могильнымъ холодомъ. Не знаю, что происходило съ другими, я могу говорить вамъ только о моихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Мнѣ было страшно; но этотъ страхъ вовсе не походилъ на тотъ, который при видѣ опасности, стѣсняетъ наше сердце; онъ скорѣй напоминалъ это страданіе, эту неизлечимую тоску, которая въ смертный часъ, какъ жадный коршунъ, налетѣтъ на грудь

умирающаго грѣшника. Я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, никто ко мнѣ не прикасался; но не смотря на это *отгадысаль* чье-то невидимое присутствіе. За минуту насъ было только шестеро, а теперь я чувствовалъ—да, господа! смѣйтесь надо мною, а я точно не видѣлъ, не слышалъ, а *чувствовалъ*, что кто-то седьмой былъ вмѣстѣ съ нами. Между тѣмъ Калиостро бросилъ еще въ жаровню нѣсколько щепотей порошку; дымъ закружился, поднялся аршина на три къверху, и вмѣсто того, чтобы разойтись по всей комнатѣ, остановился неподвижно надъ жертвенникомъ; мало по малу оконечности ево стали принимать опредѣленную форму; верхняя часть этаго дымаго облака округлилась, что-то похожее на сложенный крестомъ руки обрисовалось на ево срединѣ, которая начала бѣлѣть, и чрезъ нѣсколько минутъ, представилось намъ, хотя еще тусклое, но уже совершенно правильное изображеніе человека въ бѣломъ саванѣ. Съ каждымъ мгновеніемъ это явленіе дѣлалось яснѣе и вещественнѣе, формы округлялись, черты лица стали отдѣляться одна отъ другой и вдругъ полупрозрачный образъ блѣднаго, изнеможеннаго болѣзнію старика, съ лицомъ грустнымъ, но спокойнымъ, тихо опустился на полъ и сталъ передъ жертвенникомъ.

«Праведный Боже!» вскричалъ графъ Ланцелотти
«это онъ!»

Двери съ шумомъ распахнулись и нѣсколько слугъ
вбѣжали торопливо въ комнату. Привидѣніе исчезло.

«Ечеленце!» проговорилъ одинъ изъ людей, «домъ окруженъ солдатами!»

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

«Намъ измѣнили!» вскричать хозяинъ.

— Кажется ницугъ графа Калиостро — продолжали слуга — самъ синьоръ Баржелло (*) ведетъ сюда своихъ збировъ. —

«Спасайтесь Калиостро!» сказала торопливо графиня «вы можете задними дверьми выйти въ садъ.»

— Тамъ стоять двое часовыхъ, — шепнуть слуга.

Калиостро не трогался съ мѣста.

«Спасайтесь! Бога ради спасайтесь!» закричалъ графъ Ланделотти «вы и насъ погубите вмѣстѣ съ собою!»

— Нѣтъ! — сказалъ Калиостро — всѣ ваши усилія спасти меня будутъ напрасны; мой часъ наступилъ! —

Въ коридорѣ раздались шаги поспѣшно идущихъ людей. Калиостро подошелъ ко мнѣ. «Я обещаю сдѣлать васъ моимъ наследникомъ и долженъ сдержать мое слово» сказалъ онъ въ полноюся, подавая мнѣ запечатанный пакетъ. «Тутъ не болѣе десяти словъ; но этого довольно, чтобъ сблизить васъ съ тѣмъ, отъ кого вы узнаете все.»

(*) Баржелло, названіе главнаго начальника Полицейской команды въ Римѣ.

Я взялъ пакетъ и спряталъ его поспѣшно въ карманъ.

«Еще одно слово» продолжалъ Калиостро «я былъ обязанъ клятвою передать кому нибудь мою тайну; но ничто не обязываетъ васъ воспользоваться этимъ пагубнымъ наследств. а. . . не забывайте этого!»

Тутъ полицейскій начальникъ съ толпою збировъ вошелъ въ комнату.

«Кто здѣсь Калиостро?» спросилъ онъ повелительнымъ голосомъ.

— Я! — отвѣчалъ графъ Калиостро.

«Именемъ правительства» продолжалъ полицейскій начальникъ «я беру васъ подъ стражу.»

— Позвольте спросить. . . — сказалъ графъ Лапцелотти.

«И вы также графъ» прервалъ полицейскій «должны явиться со мною въ Дель-говерно (*) Ваша связь съ этимъ негодяемъ, все что я вижу въ этой комнатѣ. . . но вы могли быть обмануты и я надѣюсь! . . . Гости ваши свободны; я запишу только ихъ имена. Этого самозванца» продолжалъ чиновникъ, указывая на Калиостро «въ замокъ Святаго Ангела, а вы графъ наволите ѣхать со мною.»

(*) Дель-говерно, — Римскій уголовный судъ.

На другой день меня попросили выехать из Рима. Спустя шесть лет послѣ этого приключенія, я узналъ, что Калиостро умеръ въ замкѣ Святаго Ангела, а жена его пропала безъ вѣсти. Говорятъ, что она также кончила жизнь въ заключеніи. Бѣдная Лоренца, какъ она была прекрасна!

М. ЗАГОСКВИНЪ.

МЕСТЬ.

Female voice sings.

- By thy cold breast and serpent smile,
- By thy unfathom'd gulfs of guile,
- By that most seeming virtuous eye.
- By thy shut soul's hypocrisy; —
- I call upon thee! . . . , and compel
- Thyself to be thy proper Hell! . . .

(Manfred.)

Есть злая страсть, есть чувство проклятое,
Всё земнородное имъ страждетъ и болить:
Имъ сердце у людей трепещетъ ретивое,
Имъ безсловесныхъ кровь губительно кипить.

Недугъ, — ему во исцѣленье

Чужая скорбь и токи слёзъ чужихъ. —

Гладь ненасытимый, — въ терзаныи жертвъ своихъ,
Въ предсмертной мукѣ ихъ онъ ищетъ утоленья.

Отъ падшихъ ангеловъ та страсть наследство есть,....

Та страсть,....ей имя *Мечь!*!....

Мечь чуетъ змій, какъ непарокомъ
Наступить путникъ на него;

И весь лад жала своего
 Вознать безопасно урокомъ
 Въ пыли ползущій врагъ его.

Въ груди мохнатой львицы смѣлой
 Бушуетъ мечь, и передъ ней
 Дрожить пришлецъ оторопѣлый,
 Тропой забредшій опустѣлой
 Къ убѣжищу ея дѣтей.

У львицы когти, — когти змеи, —
 У львицы зубъ какъ мечъ стальной,
 И вотъ, остыли подъ травой
 Густой крови слѣды живые, . . . —
 Пришлецъ погибъ въ глуши лѣсной.

Когда полуденною Местью
 Дитя Италии горитъ,
 Онъ весь вражда, . . . онъ дорожитъ
 Своей враждой, . . . душой и честью
 Онъ съ нею связанъ, съ нею слитъ.

Кинжалъ въ рукѣ его сверкаетъ, . . .
 Кинжаломъ бредить онъ во снѣ, . . .
 Онъ въ вражью грудь ударъ во тьмѣ
 Одинокъ, но мѣткій, направляетъ . . .
 И жертва спитъ въ сырой землѣ.

Сыну набѣговъ и хищней,
 Черкесу мести духъ врожденъ;
 Ему Коранскихъ повелѣній,
 Ему Эдемскихъ упоеній
 Цѣлительней, святѣ оны
 Коня, красавицу, и злато
 На шанку промѣняетъ оны;
 Пенцадный гелъкъ ему вожатый, —
 Ему сонутникъ звукъ булата, —
 Оны дѣлу крови обрѣчень!

Въ ущельяхъ горъ, въ степи безбрежной
 Скитался тѣнью, день и ночь,
 Издохнуть въ злобѣ оны мятежной
 Пока врагу булатъ надежный
 Главы съ плечей не сбросить прочь.

* *
 *

Всѣ метить!!... Но женщинѣ безгласной, безоружной,
 Чемъ ей воздать обидамъ клеветы?...
 Что дѣлать женщинѣ, когда, — кумиръ ненужный,
 Развѣчанный кумиръ забывчивой мечты, —
 Она съ подножія минутныхъ поклоненій
 Измѣной свержена, . . . когда, безъ сожалѣній,
 Сильной досадою тщеславной суеты
 Она вдругъ брошена на судъ хмельныхъ сужденій,
 На смѣхъ язвительный ничтожной остроты?....

Что можетъ женщина, когда изъ устъ порока
Хула печистая ей издали шипитъ?

Неправду дерзкую она-ль изобличить?

Она-ль унизится до пошлаго упрека?

Нѣтъ! . . . совѣсть за нее! . . . спокойна и горда,

Вѣрна самой себѣ она вездѣ, всегда.

Пусть на злорѣчіе въ ней сердце негодуетъ: —

Духъ кротости ей сердце уврачуетъ,

Духъ мудрости ей душу освѣжить! . . .

Она презрѣньемъ наказуетъ,

Она забвеніемъ караетъ и казнить! . . .

Г. Е. Р.

Село Анна 1856.

БРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ТЕОРИИ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ (*).

Quique pii vates, 'et Phœbo digna locuti,
Inventas aut qui vitam excoluere per artis,
Quique sui memores alios fecere merendo:
Omnibus his nivea cinguntur tempora vitta.

6-я книга *Энеиды*, ст. 662—665.

1. О жидкостяхъ (Fluides).

Наблюдатели природы, съ давнихъ временъ, старались воспользоваться силами, которыя она сама образуетъ, для произведенія движеній механическихъ. Первый, кажется, Архимедъ подымалъ своимъ винтомъ (vis) воду съ глубины на верхъ. Одинъ изъ древнихъ Греческихъ философовъ подарилъ человечеству обыкновенный насосъ, котораго однако дѣйствіе, въ теченіи 2000 лѣтъ, т. е. до самаго Ганшлея, оставалось безъ точнаго физическаго истолкованія.

(*) Когда незабвенный издатель «Современника» убѣждалъ меня быть его сотрудникомъ въ этомъ журналѣ, я представлялъ ему, безъ всякой лицемерной скромности, безъ всякихъ увертокъ самолюбія, сколько сухія статьи мои, по моему мнѣнію, должныствовали казаться неумѣстными въ періодическихъ листахъ, одной легкой литературы посвященныхъ. Не такъ думалъ Пушкинъ: онъ говорилъ, что иногда случалось ему читать въ некоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, полезныя статьи о наукахъ естественныхъ, переведенныя изъ иностранныхъ журналовъ или книгъ; но что переводы въ такомъ го-

*

Какая непостижимая медленность! Обращая взоръ на ежедневныя явленія природы, какъ бы казалось не дойти скорѣе до открытія сродства жидкости водной съ жидкостію атмосферическою! Плаваютъ рыба, летаютъ птицы: не должно ли бы было ежедневное наблюденіе ихъ движеній, привести къ мысли, что тѣ и другія опираются на вещества между собою подобныя? Но сего не довольно, древность оставила намъ почтенную сказку или быль, что Архимедъ, занимаясь, по приказанію царя Сиракузскаго, средствами открыть въ золотой царской коронѣ количество чистаго золота, долго трудился напрасно, но что купался однажды, и почувствовавъ уменьшеніе собственной тяжести, выскочилъ изъ

сударствъ, гдѣ люди образованные, которымъ «Современникъ» особенно посвященъ, сами могутъ прибѣгать къ оригиналамъ, — всегда казались ему какою-то бѣдною заплатою не замѣняющею недостатка собственнаго упражненія въ наукахъ. — Не такъ думали и его продолжатели, которые мнѣ благосклонно сообщили, что одно изъ послѣднихъ желаній покойника было исполненіе моего обѣщанія: доставить въ «Современникъ» статью *о теоріи паровыхъ машинъ*, изложенной по моему собственной методѣ. Можно еще противиться волѣ живыхъ; но загробный голосъ имѣеть что-то повелительное, чему сѣдующее сердце не смѣеть не повиноваться.

Кн. Козловскій

Именно въ послѣдній разговоръ мой съ Пушкинымъ 26 Января (на балѣ у гр. Разумовской) просилъ онъ меня написать къ кн. Козловскому и напомнить ему объ обѣщанной статьѣ, для «Современника». Принявая сіе порученіе, могъ ли я предвидѣть, что роковой жребій, постигнувшій его на другой день, былъ уже непреодолимо отъчасти въ урнѣ судьбы, и что нѣсколько часовъ послѣ, увижу Пушкина на одрѣ смерти и услышу послѣднее его дружеское прощаніе.

Кн. Вяземскій.

воды и закричать: *еѳѳжа!* *еѳѳжа!* *панель!* *панель!* Сей первый закон Гидростатики, что *тѣло* *терлетъ* *въ* *воду* *относительно* *столько* *тяжести,* *сколько* *находится* *всѣу* *въ* *располож. еѳу* *объемъ* (*volume*) *жидкости,* *тѣломъ* *замѣненной,* законъ, на которомъ основана мѣра удѣльной тяжести, (*gravité spécifique*), принадлежащей **разнаго** рода тѣламъ въ отношеніи къ другимъ, долженствовалъ казаться, привести и къ созерцанію атмосферической жидкости. Чистое понятіе о семъ гидростатическомъ началѣ такъ важно для нашего предмета, что читателю, конечно, простать мнѣ, если я имъ напомню самый простой доводъ сего закона. Я кладу на одну чашку **вѣсовъ** кусокъ **всѣщій фунтъ** золота, а на другую—фунтовую гирю и усматриваю, что **обѣ** чашки находятся въ равновѣсіи. Потомъ снимаю кусокъ золота и привязываю его на ниткѣ подъ пустою чашкою; равновѣсіе не измѣняется, но погрузивъ вслѣдствіе золото въ сосудъ наполненный водою, я примѣчаю, что чашка съ фунтовою гирею понизилась. Изыскивая способъ возстановить равновѣсіе разными тяжестями, на пустую чашку положенными, я наконецъ нахожу, что 19-я часть фунта оное **возстановляетъ**, и слѣдовательно, заключаю, что **фунтъ золота потерялъ въ водѣ 19-ю часть** своей тяжести. А какъ золото замѣнило въ сосудѣ равный себѣ объемъ, то слѣдовательно: въ равныхъ объемахъ, **золото 19 разъ тяжелѣе воды.**

Сей законъ водной жидкости, извѣстный подъ именемъ Архимедова, пролагать кажется нетрудный

путь къ открытію другаго, по которому вода подымается въ насосъ изъ глубины на поверхность земли.

Насосъ или сосущая помпа (*la pompe à suçon*) не только была извѣстна какъ я сказалъ, но и ежедневно употребляема въ самой древности. Что же помѣшало его истолкованію? Какая преграда препятствовала наивудрейшимъ философамъ рѣшить вопросъ: отъ чего подымается вода въ насосъ?—Одно изъ тѣхъ несчастныхъ событій, которыя часто являютя въ исторіи развитія познаній человѣческихъ: болѣзнь опровергнуть однажды принятую систему, тѣмъ болѣе уважаемую, чѣмъ непонятнѣе было ея изложеніе. Вода, сказалъ одинъ изъ древнихъ, идетъ въ насосъ потому, что натура вездѣ имѣетъ отвращеніе къ пустотѣ (*natura horret a vacuo*). Неопредѣленность существа, называемаго натурою, несообразность предположенія страдательнаго чувства въ какомъ-то неослаемомъ существѣ, все сіе, вмѣсто того чтобы произвести улыбку сомнѣнія, возраждало только или безмолвную покорность, или еще страннѣйшее усиліе истолковать нелѣность.

Самъ Галилей, кажется, не дерзнулъ объявить извѣстную уже ему истину, и оставилъ ученику своему Торичелли (*Toricelli*) славу открытія вѣщественнаго давленія воздуха. Торичелли пишетъ, что когда сказали однажды его великому учителю, что насосъ не могъ поднять изъ колодца воды, находившейся въ глубинѣ 36 англійскихъ футовъ отъ поверхности земли, то великій мужъ улыбнулся и отвѣ-

чалъ, что видно природа теряет свое отвращеніе къ пустотѣ въ глубинѣ, превынающей тремя или четырьмя футами обыкновенную мѣру колодець, изъ коихъ насосъ можетъ подымать воду.

Насѣвка сія, наплюдовитѣйшая изъ всѣхъ насѣвокъ, привела Торичелли къ изобрѣтенію барометра т. е. показателя высоты столба ртути, равновѣснаго съ воздухомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ открытію, что атмосферическій столбъ давитъ съ такою же силою, съ какою бы давилъ тоже мѣсто тѣла столбъ воды вышиною въ 34 Англійскихъ футовъ. Когда насосъ, пониженіемъ своего поршня (piston), производитъ въ трубѣ пустоту, изгоняя часть атмосферическаго воздуха, тогда вода, подаваемая въ колодець внѣшнейю атмосферою, подымается въ трубѣ, частію опустѣлой, и гдѣ разжиженный воздухъ не представляетъ внѣшнему давленію равнаго сопротивленія; очевидно: что при великомъ пониженіи поршня, будетъ еще изгоняться воздухъ, разжигаться остающійся и вода болѣе и болѣе подыматься, но не выше 34-хъ Англійскихъ футовъ: ибо тогда сама вода, равняющаяся вѣсомъ съ атмосферическимъ воздухомъ, не позволитъ водѣ, въ колодець сдвляемой, подыматься выше. Законъ атмосферической тяжести, основанный на барометрѣ, найденномъ Торичелли, совершенно полнитъ, я надѣюсь, моимъ читателямъ, происходящее въ насосѣ, когда мы съ тѣмъ вмѣстѣ наложимъ законъ густоты и упругости атмосферическаго воздуха, извѣстный въ физикѣ подъ названіемъ своего перваго наблюдателя, Мариота.

Упругость или сила жидкостей духообразных (aëriiforme) находится въ обратномъ содержаніи пространства или наполненнаго, то есть, что жидкости духообразныя, какъ то: воздухи, водяной паръ и другіе газы, поддѣкающіе стѣненію, могутъ быть заключены въ томъ же количествѣ въ меньшее пространство; при чемъ сгущаются, а съ увеличеніемъ густоты, получаютъ болѣе упругости и силы.

И такъ всё созданное, въ вещественномъ мірѣ, раздѣляется на тѣла *твёрдыя*, коихъ частицы не могутъ быть разлучены посредствомъ одного слабого давленія и на тѣла *жидкія*, подраздѣляющіяся на два рода: 1) на *текущія несжимаемыя*, и 2) на *духообразныя сжимаемыя*. Къ первымъ принадлежатъ вода, масло, алкоголь, спиртъ; ко вторымъ: атмосферическій воздухи, водяной паръ и разные газы.

Если жидкость сего послѣдняго разряда принуждена вмѣститься въ половину того пространства, которое она занимала, то сила ея упругости или давленія на стѣны сосуда, сдѣлается вдвое больше; если втѣснить ее въ третью часть первоначальнаго пространства, то упругость ея утроится такъ, что теорема Маріота обыкновенно изображается слѣдующими рядами цифръ: 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, пространства соответствуютъ 1, 2, 3, 4, 5, силамъ.

Признавъ сію теорему за опытную истину, которую однакожь, безъ помощи высшаго анализа, доказать невозможно, читатель легко уже усмотритъ, что если сила давленія, или упругость таковыхъ

духообразныхъ жидкостей, возрастеть при уменьшеніи пространства ими занимаемаго, то она должна уменьшаться при разширеніи своего объема: и потому-то въ трубѣ насоса, по мѣрѣ произведенія поршнемъ пустоты, воздухъ разжижается и следовательно дѣлается **бессиливѣе**. Давленіе его на всякую частицу воды, входящую въ трубу, состоитъ тогда уже не въ равновѣсін съ такимъ же воздушнымъ давленіемъ въишней атмосферы: почему вода и подымается, но не выше тридцати четырехъ Англійскихъ футовъ: ибо въ семь последнемъ случаѣ, наступаетъ механическое равновѣсіе, производимое не одною неподвижностію покоящагося тѣла, но зависящее отъ борьбы двухъ силъ равныхъ и противоположныхъ.

Присовокупивъ къ понятіямъ о трехъ физическихъ законахъ, мною изложенныхъ, а именно: Архимеда, Торричелли и Мариота, нѣкоторыя химическія свѣденія, которыя намъ представляются при разсма- триваніи пароваго котла, читатель познакомятся совершенно съ теоріею паровыхъ машинъ. Между тѣмъ примѣтимъ, что тѣла въ химическомъ отношеніи, то есть, въ наукѣ имѣющей особенною цѣлю *раз- ложенія*, разсматриваются въ измененіи своихъ видовъ, какъ одно и тоже вещество. Для химика вода, паръ и ледъ, представляются только тремя измѣненіями, зависящими отъ теплотвора (*calorique*). Химикъ видитъ во всѣхъ тѣлахъ вообще три эпохи существованія: твердость, жидкость и духообразную летучесть. Въ физическихъ же изысканіяхъ, наука ограничивается наблюденіями явленій, свойствен-

ныхъ каждому веществу въ настоящемъ его видѣ, отъ чего бы оно ни происходило, и подводитъ, сколько возможно, таковыя явленія подъ общіе законы.

Читатель конечно не ожидаетъ отъ меня изложенія цѣлой науки; но трудъ мой достаточно вознагражденъ, когда при воззрѣніи на машины, ежедневно представляющіяся его глазамъ, онъ избѣгаетъ стыда сознаться въ лѣности, воспрепятствовавшей ему приобрести хотя и неполное, но по крайней мѣрѣ достаточное понятіе о предметѣ, который такъ къ нему близокъ и который нынѣ обращаетъ на себя общее вниманіе. Ученость, какъ и все прочее, есть вещь относительная; во времена Карла Великаго назывался ученымъ тотъ, кто вмѣсто крестика, умѣлъ подписать свое имл. Еще въ началѣ XVII вѣка, между Европейскимъ дворянствомъ, считались, какъ то мы видимъ изъ записокъ Сень-Симона, весьма учеными тѣ, которые умѣли написать безошибочно нѣсколько строчекъ, или которые знали нѣсколько Латинскихъ словъ. Въ наши времена, даже въ самыхъ гостинныхъ, требованія гораздо увеличались.

Нельзя же, среди блистательнаго Петербурскаго общества, подъ крышею, на которой возвышается щегольски устроенный громовой отводъ Франклина, приписывать громъ стуку какой-то колесницы. Нельзя же, пользуясь илюдами нашего прежняго воспитанія, и повторяя слова несчастной книжки, подъ названіемъ: краткое изложеніе *всѣхъ наукъ* (*abrégé de toutes les sciences*), говорить не только въ присутствіи ученыхъ, но и просвѣщенныхъ нашихъ

дамъ, о какихъ-то четырехъ стихіяхъ, когда разложеніе воды на два газа можетъ быть представлено нашимъ взорамъ во всякой химической лабораторіи; когда Геологія, занимающаяся разложеніемъ земли, сдѣлалась уже доступною и для тѣхъ, которые не имѣютъ основательныхъ познаній физико-математическихъ; когда всякой можетъ, вмѣсто пуху, наполнить дорожную подушку свою воздухомъ, и когда, наконецъ, современникъ нашъ, славный Деви, ясно доказалъ несуществованіе огня въ отсутствіи кислотофора (*oxygène*). Некоторые физическія и математическія понятія сдѣлались, къ счастью, необходимы, какъ перемьятая рубанка, и для самихъ свѣтскихъ людей.

2. СОСТАВЪ МАШИНЫ.

Постараемся, безъ помощи рисунка, сами, соорудить умственно механизмъ движимый паровою силою.

По моему мнѣнію сія метода есть наилучшая, для легкаго постиженія предметовъ механическихъ. Мы видимъ крестьянина графини Лаваль, молодого чело-вѣка безъ всякихъ познаній, побывавшаго только нѣсколько дней въ С. Петербургѣ, и потомъ возвратившагося въ деревню графини, на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ онъ, безъ всякихъ средствъ и помощи, соорудилъ и соорудилъ маленькой пароходъ, легкій какъ дѣтская игрушка, и прибылъ на немъ въ С. Петербургъ, на Антекарскій островъ.

Положимъ, что нужно намъ замѣнить естественными и искусственными силами, силы животныхъ,

людей или лошадей; напримеръ: восемь лошадей или 48 здоровыхъ людей, употребляемыхъ для обращенія вала (arbre), который, посредствомъ разныхъ колесъ и ремней, распространяетъ движеніе по всемъ мѣстамъ фабрики. Первая задача будетъ: какимъ образомъ сіе горизонтальное, вращательное движеніе вала сдѣлать зависимымъ отъ другаго вертикальнаго, которое было бы производимо какою нибудь естественною силою? Тутъ внезапно воображенію нашему представится *самопрядка*, извѣстная по простотѣ своей въ странахъ, наименѣ просвѣщенныхъ. Разсматривая со вниманіемъ ее механизмъ мы замѣтимъ, что она имѣетъ два движенія: одно вертикальное, производимое носою прядильницы вверхъ и внизъ, другое круговращательное, происходящее отъ перваго. Это покажетъ намъ возможность произвести, посредствомъ шеста, вверхъ и внизъ поднимающагося, круговращательное движеніе вала или оси, для чего нужно было бы, напримеръ, 50 сильныхъ людей. Остановясь на семъ первомъ открытіи, мгновенное воззрѣніе на дѣйствіе *бабы* подастъ намъ мысль о поршнѣ (piston), который есть не что иное, какъ шестъ, имѣющій на одномъ концѣ своемъ толстый цилиндръ, на подобіе жернова, двигающагося плотно въ стѣнахъ выдолбленнаго дерева. Въ связи такого шеста съ осью или валомъ, назначеннымъ для круговращенія, состоитъ вся механическая часть паровой машины.

Теперь остается рѣшеніе второй части задачи, т. е. какими естественными средствами подвинемъ

мы вверхъ и внизъ найденный уже нами поршень. Мы могли бы двигать его водою; но для этого потребна съ высоты падающая вода; къ тому же сія несжимаемая жидкость, сильно дѣйствующая во все стороны, не имѣетъ однако же свойства упругости, могущей направляться именно на желаемый пунктъ. Еще могли бы мы двигать нашъ поршень стѣпеніемъ атмосферическаго воздуха, котораго сильныя дѣйствія являютя намъ въ духовыхъ ружьяхъ; но атмосферическая жидкость, по чрезвычайной своей быстротѣ, съ трудомъ подчиняется движенію постепенному и равнообразному, хотя впрочемъ мы и увидимъ послѣ, что въ первой машинѣ Англійскаго механика Ньюкома (Newcomen) и понынѣ употребляемой, поршень сходитъ внизъ силою одного давленія атмосферическаго. Когда устранимъ такимъ образомъ водную и атмосферическую жидкость, намъ останутся только газы, изъ которыхъ простѣйшій, есть водяной паръ. По теоремѣ Мариота, о которой я уже говорилъ, сила давленія сей жидкости находится въ прямомъ содержаніи ея густоты, и въ обратномъ пространствѣ ея занимаемаго; что изображается дробью, поставивъ въ числителѣ густоту, а въ знаменателѣ пространство, такимъ образомъ:

$$C = \frac{r}{v}.$$

Соединеніе котла съ цилиндромъ, въ которомъ двигается поршень, можетъ быть произведено просто трубами.

И такъ машина наша уже почти готова; мы сгустили паръ до нѣкоторой степени въ котлѣ, со

всѣхъ сторонъ закрытомъ, кромѣ одной трубы, служащей проводникомъ, изъ которой выходящій паръ мы будемъ направлять попеременно, то на дно, то на верхъ поршня, и тѣмъ заставимъ его двигаться вверхъ и внизъ. Посредствомъ же соединенія шеста съ валомъ, мы умѣемъ уже превратить, на подобіе самопрѣлки, сіе вертикальное движеніе въ круговращательное, дающее, чрезъ колеса и ремни, ходъ всей системѣ. Тутъ представляется вопросъ: какимъ образомъ проводить попеременно паръ то внизъ то вверхъ поршня, и такъ еще, что бы совокупное давленіе снизу и сверху не производило механическаго равновѣсія, противнагося движенію. Но воображеніе наше легко устранить такое затрудненіе, представляя себѣ клапаны (*valves*) или подвижныя заслонки, какой бы фигуры ни было, и которыхъ намъ не нужно болѣе четырехъ. Устроимъ же два таковыхъ клапана на верху, и два внизу цилиндра, съ отверстіями, онымъ соответствующими. Они будутъ закрываться и открываться такимъ образомъ, что когда намъ надобно впускать паръ, для пониженія поршня, то открывались бы два изъ нихъ вмѣстѣ: одинъ вбирающій паръ наверху, а другой выпускающій внизу, для упрощенія пара, оставшагося по поднятіи поршня, и который бы препятствовалъ движенію. Для противнаго же дѣйствія долженъ открыться снизу клапанъ вбирающій и сверху клапанъ выпускающій. Для яснѣе называя сіи клапаны или заслонки по порядку литеръ: *a*, *b*, *c*, *d*, замѣтимъ, что — *a* и *d*, *c* и *b* должны отдвигаться и затворяться вмѣстѣ и одновременно. Сей механизмъ не представитъ никакихъ

затрудненій: ибо его можно произвести простыми желѣзными подвижными прутьями, изъ которыхъ каждый соединенъ будетъ съ двумя заслонками или клапанами *a* и *d*, *c* и *b*. Здѣсь представляется намъ опытомъ химическими доказанное правило, до познанія котораго впрочемъ мы и сами можемъ дойти въ Русскихъ баняхъ: что парь, соединясь съ холодною водою, превращается въ первобытное свое состояніе, т. е. въ воду. И такъ мы могли бы обойтись безъ пара для *пониженія* поршня, употребляя подъ поршнемъ холодную воду, которая, соединившись съ паромъ, произвела-бы подъ поршнемъ пустоту: ибо самъ паръ уже передъ тѣмъ выгнать изъ занятаго имъ пространства атмосферическій воздухъ. Въ такомъ случаѣ поршень, подавляемый внешнею атмосферическою тяжестію, самъ собою долженъ опуститься. На семъ соображеніи основана первая удачная паровая машина. Но разсматривая ближе неудобства такового средства, мы замѣтимъ: 1) что при ономъ происходитъ большая потеря пара, коего пороженіе стоитъ не маловажныхъ издержекъ на топливо, и 2) что когда мы расхолодимъ стѣны цилиндра, при новомъ впусценіи пара для поднятія поршня, нововпущенный паръ необходимо утратить часть своей упругости, зависящей отъ его температуры.

Исслѣдованіе: какимъ образомъ устранено сіе послѣднее неудобство славнымъ Англійскимъ механикомъ Ваттомъ можетъ служить поучительнымъ отвѣтомъ тѣмъ, которые отвергаютъ всякое удѣленіе полезныхъ свѣденій людямъ низкаго состоянія.

Ваттъ, какъ мы послѣ увидимъ, былъ простымъ работникомъ у мастера математическихъ инструментовъ, въ Глазговѣ. Благоразумная и воздержная жизнь доставила ему возможность слушать химическія лекціи доктора Блага, который первый въ Европѣ изложилъ славленную свою теорію о *сокровенной теплотѣ* (*chaleur latente*). Онъ объяснялъ ее почти такими образомъ: кусокъ льда, принесенный въ комнату, обыкновенно нагрѣтую, вскорѣ начинаетъ таять. Происходящая отъ того жидкость или лучше сказать, смѣшеніе тающего льда съ водою, содержитъ въ себѣ 32 градуса теплоты по Фаренгейту, или стоитъ на нуль по Реомюру. Но если-бы потребовалось возвысить эту жидкость на одинъ градусъ, то для сего надлежало-бы продолжительнымъ согрѣваніемъ удѣлнть ей еще теплоту 140 градусовъ: следовательно, самая холодная вода, (какова есть вода въ 32 градуса теплоты по Фаренгейту) насыщена теплотою во 140, которую въ себѣ поглощаетъ, не обнаруживая того на термометрѣ: почему и называется *сокровенною*. Вода поставленная на огонь скоро получаетъ вмѣстѣ съ паромъ температуру кипѣнія: т. е. 212 градусовъ по Фаренгейту или 80 по Реомюру; но послѣ сего сія температура уже не возвышается, и великое прибавленіе теплоты обращается только въ сокровенную теплоту пара, который отъ того постепенно густѣетъ и следовательно дѣлается болѣе упругимъ.

Сія еще тогда новал и глубокая теорія Блага поразила слушавшаго его лекціи ремесленника Ватта, и

подала ему мысль придѣлать къ паровой машинѣ особый цилиндрическій сосудъ, въ которомъ бы изнускаемый паръ превращался въ воду. Опытомъ потомъ доказано, что изобрѣтеніемъ сего цилиндрическаго сосуда, названнаго *сустителемъ* (condensateur) или *холодильникомъ*, сбережено по крайней мѣрѣ три четверти издержекъ въ потерѣ пара.

Обращая вниманіе на котель, мы безъ сомнѣнія усмотримъ надобность въ указателяхъ недостатка воды въ котлѣ и чрезмѣрной уяругости пара, угрожающей котлу взорваніемъ. Для достиженія сего предмета, мы прибѣгнемъ къ извѣстнымъ уже намъ законамъ Архимеда и Мариота. Въ слѣдствіе перваго, мы повѣсимъ въ котлѣ какую нибудь тяжесть, изъ желѣза или изъ дерева, поддерживаемую водою, доколь высота воды будетъ достаточна. Съ убылью воды тяжесть плавающего тѣла (flotteur) увеличится, тѣло опустится, и подастъ знакъ, что воды не довольно, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ открыть, посредствомъ соединенія своего съ маленькимъ рычагомъ, клапанъ, чрезъ который вода вливается въ котель: что и обезпечитъ насъ, что въ котлѣ не будетъ недостатка въ водѣ. 2-е. Для предупрежденія взрыва котла, вырѣжемъ на поверхности онаго довольно пространный клапанъ, отворяющійся только пону-три наружу, и руководствуясь правиломъ Торичелли объ атмосферическомъ давленіи, которое, по численію, равно пятнадцати Англійскимъ фунтамъ на всякой Англійскій квадратный дюймъ, мы можемъ положить на клапанъ котла такую тяжесть,

къ которой самое приближеніе силы пара представляло бы опасность для цѣлости котла. Если на примѣръ мы знаемъ, что котель не **выдержитъ** внутренняго напряженія, равнаго силою четыремъ атмосферическимъ давленіямъ, то положимъ на клапанъ такую гирию, чтобы на каждый квадратный Англійскій дюймъ поверхности клапана приходилось по 45 Англійскихъ фунтовъ. Такая тяжесть составляетъ, какъ читатель вѣроятно замѣтитъ, только три атмосферы. Если внутреннее напряженіе пара сдѣлается сильнѣе оныхъ, то оно подыметъ клапанъ съ гириями, вынестигъ часть пара и подастъ намъ знакъ о потребности уменьшить жаръ, а съ нимъ вместе и влещее ступеніе пара.

И такъ читатель соорудить, вмѣстѣ со мною, машину не только Невкомаца, но и самаго Ватта.

Прежде нежели мы наконецъ займемъ обзорніемъ фигуру, я расскажу въ нѣсколькихъ словахъ исторію сего важнаго изобрѣтенія, преобразившаго, такъ сказать, всѣ житейскія отношенія Европы, и замѣнившаго по последнему расчету, въ одной Англии работу 400 милліоновъ рукъ.

§ История изобрѣтенія паровой силы.

Каждое общепольное открытіе возбуждаетъ въ ученомъ мѣрѣ междоусобную войну, въ которой писатели домогаются присвоить первую мысль одному изъ своихъ соотечественниковъ; таково было несчастное соперничество Невтона и Лейбница, по случаю дифференціальнаго исчисленія; тоже произошло

въ послѣдніе годы и съ паровою машиною. Цѣлыя томы ежедневно выдаваемые о семъ предметѣ, приписываютъ то одному, то другому, сію первую мысль, сей зародышъ важной перемены въ бытіи гражданскомъ и въ сношеніяхъ народныхъ. Изъ уваженія къ моимъ читателямъ я вынужденъ быть изслѣдовать много скучнаго и безполезнаго въ моихъ историческихъ изысканіяхъ. Избавляя ихъ отъ столь безплоднаго труда, скажу здѣсь только то, что уцѣлѣло въ моей памяти.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ философіи Герона (Heron) Александрійскаго, жившаго тому почти 2000 лѣтъ назадъ, а именно 120 лѣтъ до Рождества Христова, находится какой-то бѣглый намѣкъ о возможности произвести движеніе водянымъ паромъ; но фигура нѣмъ начертанная, не имѣетъ никакого сходства съ физиологіею нынѣшней паровой машины. Испанскіе, а по ихъ словамъ и Нѣмецкіе ученые, утверждаютъ что въ 1543 году, по приказанію Карла V-го, какой-то капитанъ Блоско де-Гаран, двигалъ большое судно безъ парусовъ и безъ весель; но притомъ ни слова не говорится о водномъ парѣ. Нѣмецкіе же ученые, склонные къ рѣшенію задачъ безъ данныхъ, утверждаютъ, будто-бы для подобнаго движенія, непременно употреблено было средство, почерпнутое изъ записокъ философа Александрійскаго.

Такого рода предположенія не достойны вѣроятности исторической.

Если кто нибудь, по моему мнѣнію, достоинъ получить вѣнецъ безсмертія за первую живую мысль

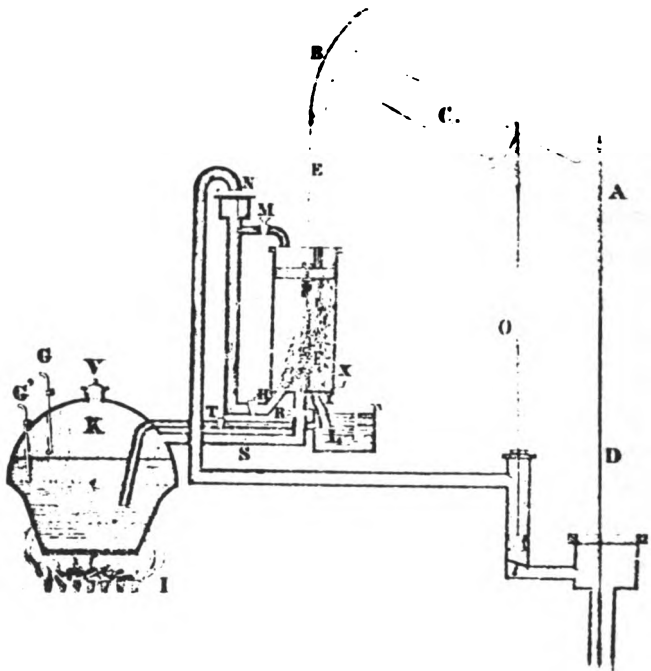
о силѣ, доставляющей, предъ нашими глазами, такое множество выгодъ просвѣщеннымъ народамъ, то конечно сей **вѣнецъ** принадлежитъ профессору Механики **Жіовани Бранка**, который въ 1629-мъ году выдалъ въ Римѣ книгу, подъ заглавіемъ: «*Le machine diverse del Sr. Giovanni Branca*». Въ сей книгѣ онъ именно показывасть средство приспособленія водянаго пара для движенія мельницы. Но мысль великаго ученаго, какъ многія высокія мысли глубоко-проницательныхъ его соотечественниковъ, упала на камень, и не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ бы человечество отъ него ожидать могло. Какъ во всѣхъ **обстоятельствахъ** жизни, такъ и въ открытіяхъ, самыя гении нуждаются въ какомъ-то согласномъ расположеніи умовъ, въ какомъ-то покровительствѣ судьбы, безъ котораго изобрѣтенное ими съ трудомъ и усердіемъ остается мимолетнымъ и тщетнымъ мечтаніемъ.

Сорокъ лѣтъ послѣ Бранка, Маркизь Вустеръ (*Worcester*) выдалъ очень занимательную книгу, подъ заглавіемъ: **Вѣкъ открытій** (*Century of inventions*); сіе сочиненіе, мало извѣстное въ Англіи, имѣетъ то достоинство, что Англія обязана оному болѣе, можетъ быть, чѣмъ какому либо другому поощренію, превосходствомъ своимъ въ механикѣ. Оно писано не смиреннымъ и простодушнымъ слогомъ бѣднаго Италіянскаго профессора, толкующаго читателямъ, какъ ученикамъ, всякую подробность, но гордо-легкимъ и бѣглымъ перомъ умнаго лорда, удостоивающаго механику своимъ высокоблагороднымъ вниманіемъ. Онъ ничего не описываетъ, а только намѣкаетъ; говоритъ:

вотъ что можно сдѣлать, и вотъ какія вещи я у себя, въ моемъ зѣмкѣ, соорудилъ. Лордъ Вустеръ пишетъ просто, съ убѣжденіемъ, и потому внушаетъ довѣріе. Ему, безъ всякаго сомнѣнія, можно принять славу возбужденія въ Англіи народной любви къ механикѣ. Онъ первый въ Англіи говорилъ о силѣ паровой съ глубокомысленностію, соответствующею важности предмета; но машину, кажется имъ по его словамъ, соорудилъ онъ только въ своемъ воображеніи. Тридцать лѣтъ послѣ него, капитанъ Савери неудачно посвятилъ ей много трудовъ и много уепій, и по руководству лорда Вустера изобрѣтенная имъ машина, осталась безъ подражателей. Почти въ то же время профессоръ математики въ Марбургѣ, родомъ Французъ, изъ Блоа, Папенъ (Papin) занимался также приспособленіемъ атмосферическаго давленія на подсыщеніе и пониженіе поршня; но по всему видно, что въ исполненіи, онъ не былъ счастливѣе Каннигана Савери.

Первый Ньюкоменъ (Newcomen) кузнецъ въ Дармутѣ, въ 1705 году, вѣлъ патентъ на сооруженіе такъ названной имъ атмосферической паровой машины, которая 60 лѣтъ, т. е. до важныхъ открытій Якова Ватта, была единственною паровою машиною, употребляемою въ Англійскихъ рудникахъ. Она, и послѣ мудрыхъ преобразованій Ватта, еще доселѣ употребляется тамъ, гдѣ топливо не дорого, и потому достойна вниманія моихъ читателей. Вотъ описаніе ея состава и ея хода съ приложеніемъ чертежа.

ОПИСАНИЕ НЕВКОМОНОВОЙ АТМОСФЕРИЧЕСКОЙ МАШИНЫ.

Котель К поставленъ въ печь I, которой жаръ дѣйствуетъ на всѣ части его дна. На крышкѣ, имѣющей видъ полушара, находятся двѣ трубочки G, G', и клапанъ V, отворяющійся сверху, на которомъ положена гиря такого вѣса, что на каждый квадратный дюймъ поверхности клапана приходится по одному Англійскому фунту тяжести. Когда паръ К образовавшійся въ котль, превышаетъ давленіе одной атмосферы болѣе чѣмъ фунтомъ на

квадратный дюймъ, то клапанъ, отъ напряженія пара, подымается и выпускаетъ оный, пока давленіе снизу не уменьшится до желаемой стени, и тогда клапанъ V самъ собою закрывается.

Большая паровая труба представлена подъ лит. S; она проводитъ паръ изъ котла въ цилиндръ, и труба T, къ которой прииспособленъ кранъ, открывающійся и закрывающійся по произволу, идетъ изъ колодца L въ котель. Посредствомъ этой трубы, котель можетъ быть наполняемъ водою изъ колодца, когда выпускающій кранъ G показываетъ, что уровень воды (le niveau) значительно понизился. Когда поршень, давленіемъ атмосферы, дѣйствующей на пустоту, опустился въ нижнюю часть цилиндра, то для возобновленія равновѣсія съ симъ давленіемъ и дабы тѣмъ вмѣстѣ заставить поршень подняться вверхъ тяжестию шеста D, нужно впустить паръ изъ котла; что и дѣлается, открывая кранъ R, паровой трубы S.

Напряженіе внутренняго такимъ образомъ изъ котла пара, противодѣйствуетъ силѣ атмосферы на поршень, который въ то же мгновеніе и подымается вверхъ тяжестию шеста D. Въ такомъ его положеніи нужно превратить паръ въ первобытное его состояніе, т. е. въ воду, что бы произвести пустоту (vacuum) и для того нужно: 1) остановить дальнѣйшій входъ пара, закрывъ кранъ R; 2) облить холодною водою внѣшнюю поверхность цилиндра, что дѣлается иногда, окружая цилиндръ другимъ по-

добнымъ (который въ приложенномъ чертежѣ не означенъ), и оставляя между ими небольшой промежутокъ. Въ сей промежутокъ вливается холодная вода верхнимъ краномъ М. Вода сія проводится особенною трубою изъ колодца N, а сей послѣдній снабжается оною чрезъ помпу O, изъ которой накачивается она правымъ концемъ рычага С.

Холодная вода, доставленная краномъ М, наполняетъ пустое пространство между двумя цилиндрами, поглощаетъ теплоту внутренняго цилиндра, и, превращая паръ въ воду, производитъ пустоту, въ которую поршень немедленно опускается силою давленія атмосферическаго воздуха. Прежде нежели послѣдуетъ вторичное опущеніе поршня, промежуточная вода, согрѣтая теплою, отнятою ею отъ пара, выливается, дабы уступить мѣсто другой холодной водѣ, впускаемой чрезъ кранъ М. Для сего находится на днѣ цилиндра отверстіе съ краномъ, для впусценія воды въ колодезь L, и такъ какъ сія вода ужѣ согрѣта, то она служитъ къ наполненію котла чрезъ кранъ T, какъ прежде сказано.

Но что-бы вода, образовавшаяся на днѣ цилиндра изъ превращеннаго пара, не препятствовала свободному опущенію поршня, то она изливается посредствомъ клапана, открывающагося снизу въ трубѣ, которая проведена въ колодезь.

Вскорѣ послѣ первыхъ испытаній надъ машинами сего рода, одинъ случай подавъ Невкомену мысль,

упразднить паръ въ цилиндрѣ инымъ способомъ, который оказался предпочтительнѣе перваго, то есть: обливать холодною водою внѣшнюю поверхность цилиндра.

Замѣчено было, что одна машина дѣйствовала съ необыкновенною быстротою и безъ обливанія внѣшней поверхности цилиндра. Разсматривая поршень, машинъ въ немъ дыру, чрезъ которую вода, налитая надъ самымъ поршнемъ, что бы не допустить воздуха въ цилиндръ, текла и мгновенно превращала паръ, подъ поршнемъ находящійся, въ воду. Тогда Певкомень оставилъ и внѣшній цилиндръ, и обливаніе снаружи. Онъ приспособилъ внизу оставшагося внутренняго цилиндра трубу Н, съ краномъ; дабы, при открытіи крана, давленіе воды въ трубѣ Н, произведенное превышающимъ столпѣмъ воды колодца N, мгновенно вбрасывало часть оной во внутрь цилиндра, и тѣмъ уничтожало паръ.

Сей способъ превращенія пара въ воду однимъ брызгомъ, былъ важнымъ усовершенствованіемъ въ машинѣ и остался по сіе время въ употребленіи.

Познакомившись такнмъ образомъ съ атмосферическою машиною вообще, разсмотримъ подробнѣе ея дѣйствіе.

Когда машина не находится въ движеніи, тяжесть груза D понижаетъ плечо рычага А, а поршень подымаетъ на верхъ цилиндра, гдѣ онъ и остано-

вливается. Представимъ себѣ, что всѣ краны и всѣ клапаны закрыты, и что котель наполненъ сколько нужно. Вода, нагреваемая огнемъ, кипитъ до тѣхъ поръ, пока паръ получаетъ достаточную силу для поднятія клапана V. Въ сіе время можно привести машину въ дѣйствіе, отворяя клапанъ уравнительный R. Паръ входитъ и немедленно превращается въ воду холодомъ цилиндра. Вскорѣ послѣ того цилиндръ получаетъ температуру пара, который перестаетъ тогда быть сгущеннымъ въ водную жидкость и соединяется съ воздухомъ, наполняющимъ цилиндръ. Паръ, смѣшанный съ теплымъ воздухомъ, преодолевая силу атмосферическаго давленія, приподнимаетъ клапанъ, поставленный въ концѣ (X) небольшой трубы на днѣ цилиндра, и отворяющійся внутри. Слѣзъ клапаномъ, называемымъ клапаномъ воздушнымъ (*valve soufflante*), паръ и воздухъ исходятъ до тѣхъ поръ, пока цилиндръ не наполнится *чистыми* *соданнымъ* *паромъ*. Сіе называется приготовительнымъ очищеніемъ машины (*déruption préparatoire*).

Послѣ такого приготовленія, машинистъ затворяетъ уравнителя R — и тѣмъ останавливаетъ входъ пара изъ котла; въ то же время отворяетъ клапанъ H, названный клапаномъ вырешиванія (*valve d'injection*) и чрезъ оный впускаетъ холодную воду въ цилиндръ. Вода, уничтожая паръ, производитъ пустоту. Атмосферическое давленіе надъ поршнемъ, которому тяжесть праваго плеча рычага сама собою не представляетъ равновѣснаго упорства, двигаетъ оный

внизъ. После чего машинистъ затворяетъ сгущающій клапанъ Н и отворяетъ уравнителя R. Вновь впущенный паръ останавливаетъ охлажденіе и изгоняетъ воду со дна цилиндра чрезъ трубу Y, къ которой приделаны клапанъ, отворяющійся снаружи, и названный клапаномъ спускнымъ (*valve d'éduction, ou de sortie*), ведущій въ теплый колодезь L.

Паръ впущенный чрезъ R, несмѣшанный ужé съ водою, уравновѣшивается съ атмосферическимъ давленіемъ надъ поршнемъ и содѣйствуетъ своимъ напряженіемъ съ тяжестію шеста D, къ повышенію поршня.

И такъ необходимое условіе, для хода машины состояло въ томъ, что бы попеременно отворялись и затворялись два клапана, называемые: одинъ уравнителемъ (*régulateur*) или паровымъ, а другой сгущающимъ или воднымъ.

Но самый прилежный надзоръ за клапанами, оказался недостаточнымъ и былъ причиною вмѣстѣ и неправильнаго дѣйствія машины и большаго потребленія топлива. Однажды мальчикъ, по имени Гумфрей Поттеръ (*Humphrey Potter*), нашесть средство заставить самую машину приводить въ движеніе свои клапаны. Сіе изобрѣтеніе, хотя имѣвшее свой источникъ въ лѣности и праздности, тѣмъ не менѣе значительно подвинуло къ усовершенствованію паровой машины, потому что онымъ не толь-

ко устранена неправильность, происходившая отъ неравнѣнн работниковъ, но даже удвоена быстрота движеній.

Поттеръ соединилъ веревочками клапаны съ большимъ рычагомъ такъ, что при пониженнн и пониженнн поршня, онъ подымать нужные для наступающаго движенія клапаны. Неверный слухъ о семъ событнн подалъ поводъ къ распространенно вѣ Англнн страннаго убѣжденнн, яко бы какой-то мальчикъ, приставленный къ вертящемуся колесу вблизи печки, удалясь безъ позволеннн, въ отсутствнн хозяина, и найдя при своемъ возвращеннн колесо и безъ него вертящееся паромъ, изъ печки выходящимъ, открылъ симъ замѣчанемъ дорогу къ вымышленноу приспособленнн паровой машины. Повтореннн такой нелѣпой сказки, показываетъ, сколь мало еще физическнн законы извѣстны: ибо несгущенный или летучнн паръ бесилентъ какъ дымъ, и никакая печка сама собою не можетъ произвести паровой силы такого напряженнн, которое что нибудь могло бы подвинуть. Но монмъ читателямъ уже извѣстна исторнн сего велькаго открытнн.

МАШИНА ВАТТА.

Теперь взглянемъ на паровую машину, усовершенствованную Яковомъ Ваттомъ, которая съ 1763-го года до нашихъ дней никакого важнаго измѣненнн не получила, не взирая на тысячи проектовъ, ежедневно возобновляющихся къ ея улучшенноу, исче-

зюющихъ потомъ при строгомъ испытаніи употребленіи

Ваттъ былъ работникомъ мастера математическихъ инструментовъ въ Глазговѣ и не прежде сорока лѣтъ своего возраста предался, съ такимъ важнымъ успѣхомъ, изученію паровыхъ машинъ. Его угрюмый характеръ, его бѣдное и безродное положеніе, лишили бы его навсегда и богатства и славы, еслибъ онъ не имѣлъ счастья встрѣтиться съ Болтономъ, кунцемъ богатымъ, живымъ, веселымъ, который ободрилъ смиреннаго художника, давъ ему средства обратить въ дѣятельность его изобрѣтательный умъ; онъ сдѣлалъ его инженеромъ при своихъ Корнвалійскихъ рудникахъ, а потомъ взялъ его въ товарищи компаніи, подъ фирмою: Ваттъ и Болтонъ. Они сдѣлались лучшими соорудителями паровыхъ машинъ для всей Англій.

Взглядъ на чертежъ

C D C' D' Котель медный или чугунный.

P Поплавокъ (float) или какая нибудь гирля.

(*) Я видѣлъ однакожъ недавно присланную Польскому Банку модель паровой машины новаго изобрѣтенія молодого Поляка Патребскаго, находящагося въ Парижѣ и ученика бывшей Польской Политехнической школы. Англичанинъ Едвардъ заплатилъ ему 200 т. франковъ за патентъ на это изобрѣтеніе. Оно состоитъ въ томъ, что не шорнень, а самъ цилиндръ движется, на примѣръ гайки двигающейся около неподвижнаго винта. Это перемѣною болѣе 20 частей прежней машинъ содѣлываются испужными. К. К.

Когда воды въ котлѣ недостаточно, поплавокъ дѣлается тяжелѣе (*), номеръ свіденія съ него воды, и подымаетъ маленький рычагъ b' , d' : чѣмъ открываетъ клапанъ въ колодцѣ u , соединенномъ трубою f , съ колодцемъ h , въ который получается чрезъ помпу z вода, сдвляемая пружою Т X.

Вода вливается въ котель чрезъ открытый клапанъ трубою u , доколѣ поплавокъ не погрузится совершенно. Тогда онъ дѣлается легче; плечо рычага b' d' приходитъ въ прежнее положеніе и тѣмъ закрываетъ клапанъ.

X—охранитель, или клапанъ, на которомъ лежать тяжести (**). Когда упругость пара умножается до такой степени, что можетъ сдѣлаться опасною, напряженіе, или сила пара, подымаетъ открывающійся изнутри охранительный клапанъ, который выпускаетъ излишній паръ, и даетъ съ тѣмъ вмѣстѣ знакъ, что нужно уменьшить огонь подъ котломъ.

Дабы ничего не упустить достойнаго вниманія моихъ читателей, и дабы они могли однимъ взглядомъ обозрѣть, какъ могущественно умножается сила пара при увеличеніи теплоты, я прилагаю при семъ таблицу.

(*) Примѣненіе истолкованнаго мною вначалѣ огаты закона Архимеда.

(**) Примѣненіе изложенныхъ теоремъ Торричелли и Мариота.

ТАБЛИЦА СИЛЫ ПАРА.

При 52° силы пара	1	унц.	на квадрат. дюймъ (*)
— 50	2 $\frac{1}{2}$		
— 100	15		
— 150	4	фунта	
— 180	7 $\frac{1}{2}$		
— 212	15		
— 250	50		
(= давленію одной атмосф.)			
— 272	45		
— 290	60		(**)
(= четыремъ атмосферамъ.)			

С Е труба проводящая парь попеременно то на верхъ поршня посредствомъ впускательнаго клапана или заслонки *a*, то на низъ, посредствомъ таковаго же *c*. По выполненіи своего дѣйствія, парь выходитъ, въ первомъ случаѣ, чрезъ испускательный клапанъ *d*, во второмъ чрезъ *b*, а въ томъ и другомъ переходитъ въ холодильникъ *i*, гдѣ онъ превращается въ воду посредствомъ вырискиванія холодною водою. Вода, такимъ образомъ соединенная тамъ съ воздухомъ, переходитъ въ теплый колодезь *h*, чрезъ воздушную помпу *e*, гдѣ она сдвннвается поршнемъ Т М. Холодная вода, дополняющая промежуточный колодезь *e*, служить также къ преобра-

(*) Градусы по термометру Фаренгейта.

(**) Но при 212° жарь поглощается въ парь и степень его не оказывается на термометрѣ выше 212, .т е. остается сокровеннымъ. Великій кубическій футъ горячей воды превращается почти въ 1800 такихъ же футовъ пара.

зованію пара въ холодильникѣ i ; она доставляется изъ помпы G .

Клапаны или заслонки a и d , c и b , поднимаются и закрываются прутиками $a M$ и $d M$ с N и $d N$, попарно соединенными. Эти рукоятки подвижутся попеременно зацѣпками 1 и 2, находящимися на пруть $T M$. Сія часть машины называется *работающею*, и такъ сооружена, что клапаны или заслонки вращающіеся, или испускающіеся, могутъ быть задвинуты или отперты не только зацѣпками прута но, въ случаѣ надобности, и рукою машиниста.

Шестъ R . поршня q соединяется съ коромысломъ $A B$, изобрѣтеннымъ Ваттомъ желѣзными параллелограммами $T V$. Сіе остроумное изобрѣтеніе имѣетъ цѣлю, что бы шестъ R , при своемъ повышеніи, не описывалъ части круга, т. е. не уклонялся бы отъ перпендикулярнаго направленія. Подвижные параллелограммы, къ которымъ онъ примыкаетъ при своемъ возвышеніи и пониженіи, перемѣняютъ свои углы безъ нарушенія параллелизма боковъ.

И такъ употребляемая въ Невкоменовой машинѣ цѣпь, замѣнена здѣсь легчайшимъ и мудрѣйшимъ механизмомъ. Я долженъ однакоже присоветовать, что въ машинахъ много-атмосфернаго давленія (*de haute pression*), которыя употребляются въ особенности тамъ, гдѣ мало мѣста, нѣтъ ни коромысла A, B , ни желѣзныхъ параллелограммовъ; они замѣняются рукояткою, наподобіе той, каковую читатели конеч-

по видали въ самопрлякахъ. Въ таковыхъ машинахъ сильнѣйшаго давленія нѣтъ—также *холодильника* и парь выпускается просто клапаномъ на днѣ цилиндра. Читатель пойметъ, что сѣ изменение происходитъ отъ того, что въ иныхъ случаяхъ главная потребность состоитъ въ сокращеніи объема машины, а не въ сбереженіи топлива.

Дабы производить посредствомъ коромысла АВ коловратное движеніе, ваттъ употребить неподвижный шестъ АU, на концѣ коего находится привязанное ремнемъ колесо U, которое не двигается на своей оси: оно соединено съ другимъ колесомъ S, около коего U обращается, оставаясь въ непрерывномъ съ нимъ соединеніи. Сіи неразлучныя колеса называются *солнечными* и *планетными* по ихъ астрономическому сходству въ бѣгѣ. Ось колеса S сообщаетъ движеніе по всей фабрикѣ, мѣльницѣ, пародамъ и всѣмъ тѣмъ неисчислимымъ механизмамъ, на подвиженіе которыхъ паровая машина употребляется. На той же оси находится огромное колесо F называемое по Англійски Fly; по Французски le volant, а по Русски *маховое*, коего высокое значеніе есть сохранять стройность въ цѣлой машинѣ. Оно скопляетъ силы для передачи оныхъ, когда дѣйствіе машины слишкомъ слабѣетъ или даже прерывается; оно же, своею полновѣсностію, уменьшаетъ излишнюю быстроту, и еслибы можно было сравнивать произведеніе рукъ человѣческихъ съ душевными свойствами, то можно бы сказать, что маховое колесо имѣетъ тоже назначеніе въ

машинахъ, каковое благоразуміе получило въ организмъ человѣческомъ.

Для постояннѣйшаго сохраненія умѣренности въ бѣгѣ, Ваттъ присоединилъ къ маховому колесу *F* механизмъ, который Англичане назвали коническимъ маятникомъ, (*conical pendulum*) и который представленъ здѣсь подъ лит: *m n*. Никто кромѣ человѣка, озареннаго полнымъ свѣтомъ высокой математики, не могъ бы извлечь изъ отвлеченныхъ истинъ такое прекрасное приспособленіе науки. Въ семь лѣтъ оказывается, что человѣкъ непросвѣщенный можетъ иногда случайно наткнуться на полезное открытіе, но что для усовершенствованія издѣлій рукъ человѣческихъ, глубокія познанія необходимы. Механизмъ подъ лит. *m n* основанъ на теоріи центральныхъ силъ (*forces centrales*). Такъ называются въ круговомъ бѣгѣ двѣ силы: одна притягивающая бѣгущее тѣло къ центру, другая ей противная, влечущая тѣло по прямой касательной линіи (*tangente*) всякой точкѣ круга. Чтобы объяснить сіе какъ можно простѣе, посмотримъ на берейтора, гонящаго на веревкѣ дикую лошадь. Онъ веревкою притягиваетъ ее къ себѣ, а она, по естественному направленію прямолинейнаго бѣга, старается, при всякомъ поворотѣ, освободиться отъ веревки и бѣжать прямо. Усилія берейтора мы назовемъ силою средоточною (*force centripète*); порывъ лошади силою—средобѣжною (*force centrifuge*); борьба между сими двумя силами возрастаетъ съ быстротою коловратнаго бѣга. Возьмемъ еще другой примѣръ: каждый изъ

читателемъ имѣть случай замѣтить на дрожкахъ, что онъ болѣе забрызгивался при умноженіи быстроты ѣзды. Сіе происходитъ отъ умноженія средобѣжной силы, кою направленіе есть прямая линія, примыкающая ко всякому пункту вертящагося колеса, и называющагося въ математикѣ тангентомъ, или касательною. На сей теоріи Ваттъ соорудилъ свой механизмъ, названый потомъ Французами *le gouverneur* или правительнымъ. Когда отъ сильнѣйшаго дѣйствія пара быстрота обращенія колеса увеличивается, желѣзные шары *m* и *n* расходятся между собою, по мѣрѣ умноженія ихъ средобѣжной силы. Симъ расхожденіемъ конецъ *p* рычага *JS* понижается, и закрываетъ нѣсколько отверстіе заслонки *a* возбраняетъ вѣдшему входенію пара. Когда же быстрота машины приходитъ опять въ желаемую мѣру, шары сами собою сбѣгаются.

Описавъ по частямъ совершеннѣйшую изъ паровыхъ Ваттовыхъ машинъ, которыя мнѣ удалось видѣть, я скажу нѣсколько словъ о ея движеніи.

Положимъ, что поршень, такъ какъ онъ здѣсь изображенъ, находится на верху цилиндра, и что испускательная заслонка *d*, подвинута прутикомъ *M*, а между тѣмъ заслонки *c* и *b* заперты; паръ входитъ изъ трубы *C*. Е. и своею упругостію понижаетъ цилиндръ на дно; но пока поршень *q*, сошелъ внизъ и плечо коромысла *B*, слѣдуя измѣненію угловъ желѣзнаго параллелограмма *T V*, понизилось а плечо *A*, поднялось. Колесо *U*, обошло половину окру-

*

жности колеса S и маховое колесо F , со всеѣмъ механизмомъ, отъ него зависящимъ, произвело полный оборотъ. Теперь пруть T N давленіемъ заѣмки номера 1 на прутикѣ N закрытъ заслонки a и d , а заѣмка номеръ 2 между-тѣмъ открыла испускательную заслонку b и впускательную заслонку c : слѣдственно паръ, находящійся на верху поршня, стремится чрезъ b въ холодильникъ i , а новое количество онаго, проходя чрезъ c , внѣзъ цилиндра подымаетъ поршень, и съ нимъ пониженное плечо коромысла B . Тогда противу - положительный конецъ A побуждаетъ колесо U описать другую половину окружности колеса S , и съ нимъ вмѣстѣ маховое колесо и все что зависитъ отъ его оси, сдѣлаютъ еще полный оборотъ. Такимъ образомъ, непрерывное движеніе поршня, можетъ продолжаться дни, недѣли и годы, почти безъ надзора, или помощи человѣческой.

Если мы сравнимъ двѣ обозрѣнныя нами машины Невкомена и Ватта, то найдемъ, что наиблажнѣйшія усовершенствованія Ватта суть: 1) желѣзные параллелограммы въ машинахъ одного атмосферическаго давленія, и самопрямочная рукоятка въ машинахъ сильнѣйшаго давленія, т. е. когда паръ въ котлѣ можетъ дѣйствовать съ упругостію равною силѣ нѣсколькихъ атмосферъ. 2) глубокомысленное примѣненіе теоріи центральныхъ силъ въ механизмѣ кружащихся шаровъ, названныхъ Французами *le gouverneur*, и наконецъ 3) самое важнѣйшее, подвиженіе поршня, силою пара, не только снизу

но и сверху. Едвали покажется вѣроятнымъ для многихъ читателей, что сіе усовершенствованіе уменьшило издержки двумя третями; ибо охлажденіе цилиндра въ Невкоменовой машинѣ, при превращеніи пара въ воду, дабы поршень могъ сойти однимъ атмосферическимъ давленіемъ, уничтожало почти тричетверти дѣйствующей силы.

Благодарный Англійскій народъ, въ общемъ собраніи, составленномъ изъ людей всякаго состоянія: неровъ, ученыхъ, мастеровыхъ и работниковъ, положили поставить памятникъ Якову Ватту. Никогда, конечно, мудрое соединеніе механической, физической и химической теорій не оказало еще человечеству такой блистательной услуги. Гдѣ только течетъ въ Европѣ судоходная рѣка, на ней дымятся паровыя машины, умножая своимъ посредствомъ дружелюбныя сношенія между людей, удовлетворяя потребностямъ и прихотямъ частной жизни и похвальному любопытству, которое, безъ такого легкаго, дешеваго, быстраго и пріятнаго перелега изъ одного края земли въ другой, оставалось бы навсегда однимъ лишь любимымъ и мучительнымъ желаніемъ. Въ Сѣверной Америкѣ въ особенности, цѣлые города возникли на путяхъ, паровыми машинами пробѣгаемыхъ, а въ Англійи ихъ быстрота доставляетъ жителямъ столицы во всей свѣжести и изобиліи тѣ сельскія растенія, столь необходимыя для здоровья, которыя, до изобрѣтенія земныхъ и водныхъ пароходовъ, украшали, какъ рѣдкость, одну трапезу богатыхъ; гдѣ прежде употреблялись тыся-

чи ногъ животныхъ, миллионы рукъ человеческихъ, а иногда и съ явною потерею здоровья, съ пожертвованіемъ половины жизни, явилась паровая машина, и замѣнила свою неизмѣлемуо силою ихъ неравный, убійственный трудъ.

Да не подумаютъ однако, мои читатели, что я сею, ни мало не увеличенною похвалою, хотѣть возродить въ нихъ мысль, что симъ изобрѣтеніемъ человеческій родъ достигъ уже вожделѣнной цѣли своихъ умственныхъ и опытныхъ усилій. Въ самое то время, которое я для пользы моихъ просвѣщенныхъ читателей посвящаю сему труду, механикъ Давенпортъ (Davenport) выставилъ въ Нью-Йоркѣ электро-магнетическую машину, которая, говорятъ, съ малымъ запасомъ цинковыхъ и мѣдныхъ листовъ, будетъ замѣнять силы ста лошадей и двигать корабли по океану, безъ помощи парусовъ, веселъ и воднаго пара.

Благодѣтельное Провидѣніе, не въ одномъ только физическомъ, но и въ умственномъ смыслѣ, сказало роду человеческомъ: *рости!*

Кн. Козловскій.

ПЕРЕЪЗДЪ ЧЕРЕЗЪ ЯЙЛУ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГЪ ТАВРИДЫ.

У подошвы горнаго хребта Яйлы, до половины закрытаго облаками, утренише солнце освѣщаетъ Кокоскскую долину и деревню. Два путника, на Татарскихъ коняхъ, поднимаются въ горы.

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ . .

Упрямое животное твой конь,
Не сладншь съ нимъ ни ласкою, ни илетью.
Терпѣнья нѣтъ!

П р о в о д н и к њ (старый Татаринъ).

Напрасно! не во гнѣвъ,

Конь хотъ-куда; а самъ ты виновать
Что патится . . . Умѣй за дѣлю взяться
И дѣлю вдругъ пойдетъ само собой, —
Пословица не даромъ же ведется!
Вотъ видишь, ты поводья затянуть,
А горець мой превыкъ идти по волѣ,
.
Попробуй, брось поводья—будетъ мирь! . . .
Что правда-ль?

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Да, теперь я имъ доволенъ;

Пойдемъ рядомъ...

ПРОВОДНИКЪ.

Онъ доволенъ тоже,

Онъ весело, онъ бодро встрепенулся,

Онъ дружески коснется на тебя,...

И у тебя лицо повеселѣю:

За радость радость воздастъ Алла,

Который всѣ свои созданья любитъ

Теперь сиди спокойно, добрый конь,

Я голову отдамъ, не спотыкнется,

На ногу вѣрнень, чутокъ на опасность,

Для сѣдока надежный онъ слуга.

Случалось мнѣ, въ глухую ночь не разъ,

Въ Бахчисарай проѣздомъ изъ Урсуфа,

Спускались мы по этой же тропинкѣ—

Я сплю себя, качаюся какъ въ люлькѣ,

А онъ идетъ усердно подо-мною,

На скалы съ скалъ ступаетъ осторожно

И бережетъ и жизнь мою и сонъ...

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Но этотъ путь одинъ изъ самыхъ трудныхъ,

И, говорятъ опасень; какъ же ты

Случайностямъ ввѣрнешься такъ сплю?

П Р О В О Д Н И К Ъ

Али ведеть надъ бездною слѣнца,
 А зрячаго грѣхи ввергають въ бездну!
 Сочтеть пески, сочтеть на небѣ звѣзды,
 Своей звѣзды мудрецъ не разочтеть.
 За чѣмъ же мнѣ опасности бояться?
 Съ моею судьбой бороться не могу
 И смѣло я судьбѣ моею вѣрляюсь....
 Къ тому-жь, въ горахъ, вездѣ дороги трудны,
 А для меня чѣмъ кратче путь тѣмъ лучше;
 Боюсь теперь пускаться далекѣ,
 Чтобъ смерть со мною не встрѣлась на распутьи,
 Чтобы моимъ концомъ безъ покаянья
 Потомъ дѣтей не упрекнули люди....

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

Но ты еще, мнѣ кажется, не старъ
 Ты свѣжъ и бодръ....

П р о в о д н и к ъ.

Нѣтъ, старъ я, слишкомъ старъ!

Я пережилъ моею отчизны славу!

 Господь еще не вовсе насъ покинулъ
 И даръ одинъ затѣмъ, быть можетъ, отнялъ,
 Чтобъ лучше мы другому знали цѣну.
 Мы за чужимъ гонялись добромъ,
 А между-тѣмъ свое пренебрегали.
 Чѣмъ бы считать Стамбульскіе червонцы,

Да шировать въ Украинѣ набѣги,
 Не лучше-ль здѣсь, подъ нашимъ теплымъ небомъ,
 Дышать въ горахъ безмечною свободой,
 Въ своей семьѣ, подъ виноградной кровлей,
 Какъ птицы, жить на Божьемъ подальши,
 Что каждый день на солнечныхъ лучахъ
 Въ сады и горы и долины нашихъ сходить!....
 Взгляни вокругъ, скажи: такое утро
 Когда и гдѣ ты видѣть?.... Воздухъ
 Свободно такъ и сладко лется въ грудь,
 Что просится невольная молитва,
 За каждый вздохъ изъ благодарной груди;
 Съ деревь, съ цвѣтовъ душистый паръ струится
 А на листьяхъ, очамъ твоимъ въ отраду,
 Роса горитъ алмазными звѣздами,
 Какихъ въ вѣнцѣ у Падишаха нѣтъ!....

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Но что за шумъ я слышу въ высотѣ?
 Не горный ли несется водопадъ
 На встречу намъ? Не сбился ли съ дороги?

ПРОВОДНИКЪ.

Здѣсь мудрено съ дороги сбиться, путникъ!
 Съ трудомъ одну тропинку проложили,
 И то, смотри, направо или да камѣмъ
 И пропасть бездонная палѣво.
 Онѣ влекутъ неодолимой силой,

Все хочется во глубь ихъ заглянуть
 А голова какъ въ омутѣ кружится —
 Скати.сл-бъ вдругъ, когда-бъ не эти сосны,
 Что широко разрослись по краямъ
 Спасаютъ насъ, какъ добрые совѣты,
 Надъ бездной зла, неопытную младость....

Путешественникъ.

А этотъ гуль?....

Проводникъ.

Вонъ видишь, повисла

Чалмою тучь надъ нами темный боръ,
 Тамъ хлынули потоки дождевые,
 И говоръ свой къ намъ выслали гонцомъ,
 Чтобъ тѣсную имъ уступить дорогу.
 Но мы пойдемъ на-встрѣчу по-неволю,
 Теперь назадъ, хоть бы хотѣть, нельзя.
 Нѣтъ, не легко пробиться черезъ горы,
 Какъ перейти отъ колыбели къ гробу;
 Здѣсь точно такъ какъ въ нашей жизни, часто
 Свѣтло и мрачно, хорошо и худо....

Путешественникъ.

Ага! вдали уже бѣлѣсть пѣна
 И прыгасть гремучимъ серебромъ
 На камень съ камня....

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Это ничто

Но въ грудь тебѣ холодный вѣтеръ дунуль,
А онъ съ-теща не всякому въ привычку ;
Побереги-жь здоровье молодое,
Такимъ добромъ грѣшно пренебрегать,
Постой, возьми, вотъ бурка, всбрось на плечи.

П У Т Е Ш Е Ш Т В Е Н Н И К Ъ .

Спасибо , другъ а самъ ты?

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Мнѣ не надо!

Вотъ посмотри на этаго орла,
Летитъ себѣ, промокнетъ, отряхнется —
А мы живемъ сосѣдми съ орлами

П У Т Е Ш Е Ш Т В Е Н Н И К Ъ .

Вотъ прыснулъ дождь. Не будетъ-ли грозы?
Хоть холоденъ, а душень что-то вѣтеръ

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Желалъ бы я, чтобъ ты грозу увидѣлъ
Лицемъ къ лицу какимъ-то гордымъ чувствомъ
Забьется грудь Ты самъ въ себѣ почувшь
Присутствіе величія Творца,
Какой-то блескъ нечеловѣчьей мысли . . .
Но, кажется, грозѣ не быть; намъ только
Съ дождемъ скорѣй не худо бь разминуться,

А тѣсно въ рядѣ идти копямъ. Не лучше-ль
Отъѣхать мнѣ

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Ступай, я не отстану.

Они молча поднимаются на горы и въ некоторомъ разстояніи другъ
отъ друга протѣкаютъ самую вершину Яйлы; дождь перестаетъ; сол-
нечные лучи пробиваются на горныя поляны и освѣщаютъ насыщася
стада—висзано проводникъ терлется изъ виду

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Начезъ какъ духъ! Разсѣлся какъ дымъ!
Завелъ меня на край земли и бросилъ!
Надъ головой и подъ ногами всюду
Воздушное, безцвѣтное пространство
Эй проводникъ!

П р о в о д н и к њ (возвращаясь).

Я здѣсь

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Скажи мнѣ, гдѣ мы?

П р о в о д н и к њ .

На спускъ съ горъ, но облако прильнуло
На самый край туманною завѣсой,
И въ уровень съ вершиною повисло.

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Что жъ тамъ внизу? Какой-то пламень вспыхнулъ?
Сперва блеснулъ звѣздою голубой
И вогъ горитъ лазурнымъ, яркимъ солнцемъ?

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Сквозь облако сверкнуло море

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

А!

(Сходятъ съ коней: продолжительное молчаніе).

П Р О В О Д Н И К Ъ .

Вотъ облако снялось и полетѣло,
 Богатый видъ открылся, понобулся,
 А я пока на солнышкѣ погрѣюсь
 Ну что же ты не молвишь ни словечка?
 Аль видывать ты краше этихъ виды? . . .

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Нѣтъ, никогда.

П Р О В О Д Н И К Ъ .

И равнодушно смотришь!

И грудь твоя восторгомъ не взиграетъ!
 А между тѣмъ передъ тобою море
 Книжціе бросаетъ поцѣлуи
 На грудь земли, и дышитъ грудь земли
 Къ нему взаимной, вѣжной, жаркой страстью,
 И внутреннимъ волненіемъ своимъ,
 Садовъ и нивъ и виноградныхъ лозъ,
 Зеленое колеблетъ покрывало
 Но если ты изсохнулъ рано сердцемъ,
 И сладкій даръ сочувствія утратилъ,
 Ты здѣсь найдешь для мысли новой пищу,

Разсѣять Богъ во всей природѣ мудрость
 Что бы вести бесѣду съ человѣкомъ!
 Куда ни глянь—вездѣ благой урокъ,
 И примѣнить его не трудно къ жизни:
 Вонъ-тамъ стоитъ полунелѣвший пенъ,
 А на вѣтвяхъ такъ пышно вѣтеса зелень,—
 То нѣкогда густой и дикій виноградъ;
 Былъ этотъ пенъ когда-то крѣпокъ жизнью,
 Къ себѣ на грудь онъ ихъ сиротокъ принялъ
 И вотъ они, признательные нынѣ,
 Даютъ его сѣдѣнъ вѣковой
 Отъ зноя тѣнь, отъ холода защиту.
 Но ты меня не слушаешь, ты грустно
 Задумался о чемъ-то

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

Да, старикъ,

Я сравнивалъ себя съ тобою: свѣжимъ,
 Восторженнымъ еще кипишь ты чувствомъ
 И говоришь какъ думаешь, по чувству.
 А я —

П р о в о д н и к њ .

Зачѣмъ съ своимъ таить сердце?

Зачѣмъ не дать свободою дохнуть
 Роскошному, душистому цвѣтку,
 Что самъ Господь въ груди твоей носѣтъ?
 Я не пойму въ неслѣжествѣ моемъ

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

О не вни безъ оправданья; сердце
Во мнѣ еще не вовсе очерствѣло, —
Но лишь молчать оно привыкло—ты
Заговорилъ съ нимъ языкомъ роднымъ
И говорить его заставилъ. Слушай:
Мы въ жизнь вошли различною дорогой:
Ты—въ этотъ мѣръ свободный, безграницный,
Я—въ тѣсный мѣръ придуманный людьми,

.

Но у меня, какъ у тебя, смачала
Любовью громкой говорило сердце,
И полное восторгомъ безыменнымъ,
Лилось оно, какъ чаша, черезъ край,
И я хотѣлъ кипящей этой чашей
Съ людьми, въ пиру у жизни, подѣлиться: —
Но опьянѣвъ холоднымъ, тяжкимъ хмѣлемъ
Суеты, страстей, расчетовъ, предразсудковъ,
Немногіе замѣтили мой даръ,
Его тепломъ двѣ-три забило грудь,
А прочіе съ язвительной улыбкой
Сосудъ къ устамъ нечистымъ поднесли . . .
Ахъ! опоздалъ меня наставить опытъ,
Полупуста моя осталась чаша,
Я расточилъ безумно влагу жизни,
За то ношу остатокъ драгоценный

Въ моей груди невидимо, глубоко,
И съ рѣдкою, съ испытанной душой
Дѣнося имъ по каплѣ, осторожно...

П р о в о д н и к ъ.

Зачѣмъ же здѣсь, передъ лицомъ природы,
Безмолвенъ ты и недоверчивъ сердцемъ?
Хоть опрокинь его до дна—не бойся,
Налетѣя вновь полнѣй, чѣмъ было прежде!

П у т е ш е с т в е н н и к ъ.

Я ужь сказалъ: коварныя уста
Коснулись заветнаго сосуда,
И ядомъ злой насмѣшки отравилъ.
Признаюсь-ли? Я самъ себя лукавлю,
Чтобъ подавить смѣшное людямъ чувство,
Ребачествомъ я назвалъ думу сердца!
Восторгомъ я боюсь увлеченъ вновь,
Чтобъ надъ собой не посмѣялся послѣ,
Холоднымъ, горькимъ, одинокимъ смѣхомъ...

П р о в о д н и к ъ.

Что слышу я! О горе, горе сердцу,
Когда оно надъ собственной святынѣй,
Бездушною насмѣшкою смѣется!
Ужель у васъ такъ низко люди пали!
Не вѣрю я, вѣтъ, не могу я вѣрить!..
Не много мнѣ твоихъ единокровныхъ
Случалось знать въ судьбѣ моей убогой,
Но одного еще я живо помню:

Онъ жилъ тогда въ Урсуфѣ и мѣня
 Онъ жаловалъ и братья проводникомъ;
 Бывало съ нимъ въ такую глушь зайдешь,
 Что мудрено и птицѣ застѣть,
 За то тебѣ и не приснятся виды
 Какіе намъ встрѣчались порой ...
 И какъ тогда онъ былъ доволенъ, веселъ,
 Онъ тѣшился, отъ сердца какъ дитя,
 То погруженъ глубоко, долго въ думу
 Терялся весь въ забвеньи, въ созерцаньи,
 То звалъ меня и заводилъ со мной
 Душевную и умную бесѣду ...

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

А какъ давно все это было?

П р о в о д н и к њ .

Не солгать-бы,
 Лѣтъ около пятнадцати, не больше,
 Мой первый внукъ женился въ этотъ годъ ...

П У Т Е Ш Е С Т В Е Н Н И К Ъ .

И молодежь была твой спутникъ?

П р о в о д н и к њ .

Какъ сказать?

Какъ ты—или моложе. Трудно
 Определить его лѣта мнѣ было,
 Съ улыбкою не соглашалось свѣжій
 Чело его наморщенное мыслью.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Такъ это онъ! Я узнаю поэта*!

Вездѣ любовь онъ по себѣ оставилъ...

П Р О В О Д Н И К Ъ.

Онъ другъ тебѣ или родной? Съ участьемъ

Особеннымъ ты говоришь объ немъ!

П У Т Е Ш Е Ш Т В Е Н Н И К Ъ.

Онъ мнѣ родной—онъ Русской какъ и я!

А другомъ онъ былъ каждому, чья грудь

Сочувствовать душѣ его умѣла....

Когда бъ ты зналъ какого человѣка

Ты дружбою гордиться можешь?...

П Р О В О Д Н И К Ъ.

Кто-жъ онъ?

П У Т Е Ш Е Ш Т В Е Н Н И К Ъ.

.

Въ его груди билъ пѣсень мощный ключь,

Онъ, чувствомъ простъ и мыслию могучь;

Все что влечетъ, что радуеть въ природѣ,

Въ своей душѣ глубоко заключилъ,

И звукомъ мысль волшебнымъ облачилъ!..

П Р О В О Д Н И К Ъ.

Такъ вотъ за чѣмъ, бывало по часамъ,

Онъ одинокъ стоитъ подь Аю-Дагомъ,

* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ жилъ некоторое время въ Урсудзѣ или Юзудзѣ, гдѣ и писалъ поэму свою: *Балтисарайскій Фонтанъ*.

И я не смѣлъ приблизиться къ нему:
 Сдавалось мнѣ лице его горѣло,
 А въ зеркалѣ очей недвижныхъ, лркихъ
 И отблескъ воли и блескъ небесныхъ звѣздъ
 Сіяніемъ сливался мимолетнымъ.
 Порой изъ устъ какой-то стройный говоръ
 Ласкалъ мой слухъ—и долго слушалъ я!
 Глубоко въ грудь мнѣ падали тѣ звуки,
 Хотя понять ихъ смысла я не могъ...

Путешественникъ.

И ты любишь не даромъ звуки эти,
 Твой Крымъ онъ пѣлъ, быть-можетъ, въ эту пору..

Проводникъ.

Такъ родину почтять мою пѣвецъ!
 О какъ бы я хотѣлъ его услышать!
 О какъ бы я хотѣлъ его увидѣть!
 Онъ не былъ гордъ, онъ ласковой улыбкой
 Но старинь-бъ меня навѣрно встрѣтилъ.
 Но гдѣ же онъ? Ужели не захочетъ
 Когда нибудь взглянуть на этотъ край?
 Вѣдь онъ любитъ и скалы здѣсь и море...

Путешественникъ.

Жаль мнѣ тебя, мой старецъ, опечалить,
 Но общая печаль еще свѣжа,
 И ею грудь невольно говорить:
 Угасло блестящее свѣтило,—

Порвалась могучая струна!
Недавно на сѣверъ могилой...

Проводникъ.

Не продолжай! Мнѣ сердце досказало!
И вотъ кого онаживать досталось!

.

Путешественникъ.

О замолчи! Довольно ради неба...

Проводникъ.

Что это? слезы, слезы на глазахъ,
А ты смѣшишь отворотить лице!
Не этихъ слезъ стыдиться человеку!
Прости меня: суровой, тайной мыслью
Я, можетъ-быть, твою обидѣлъ душу—
О нѣтъ, она любить еще способна,
Мнѣ за нес порукой эти слезы
И я съ тобой мирюся отъ души!

Путешественникъ.

Пора, старикъ, поѣдемъ, скоро полдень...

(Бросается на коя и скажетъ впередъ.)

А. Подолинскій.

Одесса.

ЮНОСТЬ ДУШКИ.

Прекрасно небо голубое
И утра пурпурный восходъ;
Прекрасно солнце въ яркомъ зноѣ
И звѣздъ блестящій хороводъ;

Прекрасны молниенныя тучи,
И грохотъ ихъ, и вѣтровъ вой;
Прекрасенъ бури гнѣвъ могучій
И волны съ пѣною съдой;

Въ прохладѣ тихой, вешней ночи
Прекрасенъ блѣдный лунный свѣтъ;
Прекрасны дѣвственныя очи;
Прекрасенъ вѣжный Майскій цвѣтъ;

Прекрасна пѣсня круговал
Друзей за чашкою ночной;
Прекрасна сабля удалал
Когда труба трубитъ на бой;

Прекрасно матери объятье;
Прекрасенъ кровъ семьи своей;
Прекрасно друга рукожатъе
Въ часы заботъ, въ часы скорбей.

Но въ мѣрѣ что всего прекраснѣй,
То чувство юное въ груди!
Пройдешь свѣтлѣе, безопаснѣй
Съ нимъ по житейскому пути.

Блаженъ кто жизнию играетъ,
Въ комъ думы рвутся изъ чела,
Кто крику черни не внимаетъ,
Чья младость бурна и свѣтла!

Но тотъ кто рано отъ мечтаній
Отсталъ, и окомъ все проникъ,
И цѣпь житейскихъ испытаній
И скудность сущности постигъ;

Чья безъ цвѣтовъ завлѣла младость,
Душа уныніемъ полна;
Чье сердце не лепѣтъ радость
Какъ тихозвучная волна.

Тому—о плачь! тому—о горе!
Не для него краса ночей,
Ни дружбы гласъ, ни пѣснь, ни море,
Ни Божій свѣтъ, ни блескъ очей

Все что высоко, что прекрасно
Въ немъ мертвый духъ не оживить,
И жизнь безрадостно, напрасно
Онь до могилы провдичить.

А. Лагозовъ.

І.

У Л Е Й.

Пчелиный храмикъ обветшалый ;
Умолкла пѣснь въ твоёмъ дуплѣ ;
Какъ старецъ въ мѣрѣ запоздалый
Ты тихо клоннишься къ землѣ.
Такъ иногда—вѣковъ кладбище ;
Звѣрей пустынное жилище—
Порабощенная страна
Въ могильный сонъ погружена ;
И лира вѣщаго Балла
Вблизи родимаго кургана
Осиротѣлая висить,
И струны вѣтеръ пепелить.
Такъ смолкнеть дружеская трізна,
И тлѣетъ черепъ мертвеца,
Какъ думъ опальная отчизна,
Какъ храмъ пустынный, безъ жреца.

Д. Струвскій.

НАДЕЖДА-АНГЕЛЪ.

Надежда-Ангель! пѣсня муки
Осталась отъ тебя одна?
Въ ней вздохи вытѣсниютъ звуки
И грусть дыханья лишена.
То счастье, какъ была ты съ нами,
Вотъ мѣра нашимъ здѣсь слезамъ:
Ты возлетѣла надъ звѣздами,
Но все близка хотя и тамъ.

Я вижу мать: всю сердца муку
Надежды неплюмъ погребл,
Она твою хватаетъ руку
И молитъ звука отъ тебя.
Простясь съ четой единокровной,
Страдала ты за нихъ въ тиши:
Последній взглядъ твой былъ любовной,
Последній подвигъ—миръ души.

Надъ голубыми небесами,
Въ святой, глубокой ихъ дали,
И выше звѣздъ стремясь очами,
Еще найдутъ тебя твои:
Звѣздой вечерней и сіяньемъ
Небесной вѣры ты блеснешь,
И имъ отраду съ упованьемъ
На раны сердца пролѣши.

О, укроти же ихъ томленье!
Блаженна тамъ, родная тутъ,
Пролей о нихъ молитвы нѣше
Въ тотъ хоръ, гдѣ Ангелы поютъ!
Ты поняла родимыхъ муки,
Въ листахъ судьбы прочежь твой взоръ
Всю тайну раннихъ разлукъ:
Смирить молитвой приговоръ!

Лучемъ небесъ у насъ блистая,
Ты нашихъ душъ душой была:
Еще и здѣсь мила земная,
Какъ ты небесная мила!
Чтожь намъ осталось? упованье.
Придемъ и мы во твой покой,
И неразлучное свиданье
Въ немъ будемъ праздновать съ тобой,

Шевырева.

СОЛДАТСКИЙ ПОРТРЕТ*.

Былъ себѣ когда-то какой-то маляръ. Таки вотъ на умѣ мотается какъ его звали, да не припомню! Ну, даромъ; маляръ, да и только. И что за дѣла былъ! Мнѣшій его знаетъ, какъ ладно писалъ! Можетъ статья вы, братцы, читал, либо слышалъ сказку эту, подумаете, что онъ такъ себѣ малевалъ, просто, какъ ни попало, что только разбалтастъ краску, алую, малиновую, либо желтую, да такъ просто и мажетъ столъ, либо сундукъ, что ли? О, нѣтъ, погодите! таки что не увидить, такъ съ него портретъ и удереть; хоть бы тебѣ ведро, либо свинья, что ли, таки точнѣхонько оно несть! А еще, бывало, какъ намажетъ

* Однѣ изъ повѣстей Грицька Основьяненка. Повѣсти эти со времечемъ бѣзь сомнѣннѣ будутъ оцѣнены по достоинству; понынѣ, кажется, Украинское нарѣчѣе, на которомъ они написаны, нугало написать читателей и читательницъ. А жаль; очень не много такихъ вещей написано у насъ и по Русски (Переводъ—всегда только тѣмъ подлинника; переводъ варадной Украинской повѣсти на Русскій языкъ—меньше полутыщи. Я желаю только возбудить, хотя въ немногихъ, охоту—прочеть подлинникъ—вотъ почему рѣшился я на переводъ. Я укрѣился по опыту, что всякій, кто потрудится прочитати двѣ страницы повѣстей Основьяненка, съ помошью челоувѣка знающаго Украинское нарѣчѣе, третью страницу будетъ уже понимать самъ.

В. Бугаевскій.

что либудь, да и подишиеть, — а бытъ онъ и письменный — что это-де не арбузь, а слива, такъ уже живёхонька она и есть. Разъ — о, да смѣхужь было! ребѣта смѣлочнень животы наседали — снисалъ онъ таки вотъ нашего пономаря Никиты кобылу: да какъ же живо удрасть, такъ это дѣло диковинное! ну, намаласавини, да и говоритъ намъ: глядите-ка ребѣта что за проказы будутъ! а мы говоримъ: а ну, ну, что тамъ будетъ? А онъ говоритъ: идите-тка за мною, да несите портретъ понамаревой кобылы*. Вотъ мы и взяли его, да и поисели, да по приказанію маляра нашего и поставили супротивъ понамареваго двора, на подпоркахъ. Таки вотъ точнѣхонько она и есть! и на одинъ глазъ крива, и хвостъ оборванъ, и ребра наружу вытѣзли, да еще и голову повѣсила, словно насетел! Вотъ, поставивши ее, сами и присѣли подъ тѣномъ, въ бурьянахъ, и ждемъ пономаря, а сами жмемел, да снимемел, чтобы только не хохотать. Глядь—идеть нашъ Никита, да еще, никакъ, и въ головѣ маленько было: идеть, да себѣ подъ носъ бормочеть, да раснѣваеть. А тамъ и увидалъ кобылу, да и говоритъ: «что за ледацій этотъ Ефремъ—а его батрака звали Ефремомъ—кобыла, говоритъ, сошла ночью со двора, а ему и нужды мамо! когда бы хотъ мнѣ ее поймать! а самъ распоясался, взялъ кушакъ, завязалъ петлю, да и сгалъ подкрадываеться, а самъ знай чмокаеть, да приговариваеть: *птрусѣ, рѣба, птрус!* да подошедши

* Небольшія отступленія отъ подлинника я вынужденъ былъ допустить, по причинамъ, отъ переводчика и писателя независящихъ.

вплоть, какъ закинешь ей на шею петлю, какъ закричить: *тпру!* какъ потянешь ее къ себѣ, а кобыла и повалилась, а мы такъ и покатались со смѣху, да давай Богъ ноги! А понамарь Пикита и остался; стоимъ, какъ уколанный, руки и ноги одеревнѣли, самъ ни съ мѣста; а кобыла лежитъ передъ нимъ вверхъ ногами; подшорки, видите, не удержали, какъ потянуть онъ ее къ себѣ, чтобы не ушла; да уже послѣ самъ сказывалъ, что и долгобъ стоялъ, да понамариша увидала, да и та не знала, что съ нимъ дѣлать; и водою сырскивала, и отдувала, да на силу на силу съ мѣста свела, да въ избу спроводила; такъ, говоритъ, всю ночь трясушка была его, да кобыла все въ очи лѣзла; анъ-да поколѣ не напился шаффею!

Такъ вотъ какой у насъ былъ непутный маляръ; да, да, да! теперь вотъ только вспомнить какъ его звали: Кузьмою, а по батюшкѣ Трофимовичемъ. Какъ теперь на него гляжу: въ синемъ камзолѣ, въ краше-нишнихъ широкихъ шароварахъ, наплатковымъ поясомъ брюхо подпоясано, а сверху китайчатый кафтанчикъ; на шеѣ, по бѣлому вороту, бумажный красный платокъ, конёвыи сапоги, съ подковами; волосы черные, подъ чубъ подстриженные, а усы рыжеватые, густые, да длинныя; не больно часто брился, видите, такъ борода всегда какъ щетка была; вина—не употреблялъ, такъ чтобъ черезъ край; а коли съ пріятелями, въ компаніи гдѣ трафилюся, такъ таки не проливалъ его; ладно бывало поеть на крылосѣ и гласы звалъ; частенько, бывало, объ него спо-

тыкался таки вотъ и *панъ Афанасій*, дякъ нантъ; только ужь окаланный табакъ этотъ, такъ нюхаль, что не то что! хлѣба святаго ѣсть не станеть, а безъ погани этой жить не можетъ! быть себѣ и уро-дентъ, и нузатъ порядкомъ; а родомъ, коли кто слышалъ, изъ Борисовки, Курекой губернии. Въ той-то слободѣ, живутъ наилучшіе богомазы, иконошницы, и всякіе живошницы и маллары, такъ и онъ-то, Кузьма Трофимовичъ нантъ, былъ родомъ оттоль; а у насъ на селѣ, красилъ новую звонницу, колокольную. И таки некуда правды дѣвать, ужь никто лучше ни намажеть, ни размажеть, какъ богомазь изъ Борисовки; ужь не жалко и денегъ. Коли жь *Москаль*, Русской, возьмется за это дѣлю—ну, тогда только почешись, да и отойди. И торгуется, и запрашиваетъ, и корми его еще; и хлѣба ему дай и денегъ вволю—а ужь какъ свахлеть—такъ ну, ну, ну! ты ему толкуй: *блакитна*, голубал, а онъ знай свое: «сннл-ста», ты ему: *негодится*; а онъ почесывается, да опять таки свое не-сетъ: *мигаво-ста, для хохлово и это бряде!* тьфу, на ихъ голову!

Такъ про того-то Кузьму Трофимовича посыла-лъ какой-то баринъ, смертный охотникъ до огоро-довъ. Такъ, вишь, бѣда; воробыи каждое лѣто вы-кнюютъ все, что ни посеять. Вотъ онъ и позвалъ Кузьму Трофимовича, да и подрядилъ его, спнеать ему солдата, да чтобы такой быть какъ живой, чтобы и воробыи болнись; а коли какая фальшь будетъ, такъ прикину, говоритъ, тебѣ. Вотъ и сторговались за десять рублей деньгами, да за осьмуху вина. И

намалевалъ же онъ ему солдата—да еще и какъ! что ажъ вамъ говорю, и живой не будетъ такой поганый, какъ этотъ писанный! ширококоржій, мордастый, да еще и съ преогромными усами, такъ, что не только воробью, да и человѣку взглянуть странно. Мундиръ на немъ лихой, на все пуговицы застегнутъ, такъ и горитъ; а ружье? такъ погибель его знаетъ, какъ живо написано! Вотъ такъ того и гляди что выстрѣлится! даже пригунится страшно! А только взглядишь на него, такъ вотъ, кажется, ужъ и шевелится—и усомъ моргаетъ, и глазами водить и руками дергаетъ и ногами дрягаетъ—такъ и думается: вотъ побѣжалъ за тобою, вотъ бить станетъ, бить! такъ-то живо былъ онъ написанъ!

Ну, намалевавши солдата, Кузьма Трофимовичъ и думаетъ: можетъ-статься не ужоу еще на барича своего—тогда пропали и деньги и работа; повезу-ка я солдата своего куда нибудь на ярмарку, поставлю на базаръ, да и буду слушать, что стануть говорить люди; пока будутъ бояться да пугаться его—такъ ступай смѣло Кузьма, бери деньги; колижь это кому не покажется, скажутъ не ладно, такъ стану еще подправлять, поколя не покончу.

Собралися нашъ Кузьма Трофимовичъ, да и повезъ своего солдата, коли кто слышалъ, анъ-да въ Линцы. Вотъ, въ самую глухую полночь когда еще все спали по телѣгамъ своимъ, а хозяева по избамъ и въ шинкахъ народъ уже разошелся и огонь погасили, Трофимовичъ и поставилъ порграть своей на самой

армаркъ, и подперъ его стойками, еще лучше по-намарской кобылы, чтобы вѣтеръ не свалилъ, либо какой пьяный подшатнувшись, или свинья, какъ слоняясь по базару придетъ поскрестись да почесаться, чтобъ не свалили; а самъ, раскинувъ да растянувъ рядомъ, присѣлъ подъ нимъ, чтобъ прислушиваться, что народъ говорить станетъ про его солдата; да тутъ-же наклавъ и красокъ на палитру; коли, говорить, что не ладно, такъ и подправлю. Снарядившись со всѣмъ, присѣлъ, повѣсить голову, да и задремалъ маленъко, покуда еще тамъ до чего дойдетъ.

Ангъ вотъ и зарлъ зардѣлась. Еще не всѣ и звѣздочки потухли, а Кузьма Трофимовичъ уже и вскочилъ; понюхалъ табакъ, прочихался, протеръ очи полою — а ужъ тутъ некогда было еще по воду итти, чтобъ умыться — подпоясался снова, притянулъ кушакъ и оправился хорошенько, насунулъ шапку на самый носъ, да и рукавицы досталъ, потому, что это, знаете, было *о первыхъ пятинкахъ* (*), такъ зори были холодныя, да и сѣлъ себѣ подъ рядомъ своимъ, чтобъ прислушиваться.

Напередъ всего огонекъ блеснулъ въ кабакъ. Ай, ай! да уже и въ Липцахъ завелись кабаки какъ — помилуй Богъ — въ Россіи! отколь же это взялось? Община насъ такъ прикрутила, чтобы, видите, откупщикъ за насъ, коли сами не сможемъ, вносить подушное. И взялся таки — да не изъ настоящихъ отъ

(*) Около половныя октября.

купищиковъ, а—печего грѣха таить—нашелся одинъ изъ нашихъ, крестныхъ людей, что вступилъ въ нхъ Московское повѣрье и обычай, да взялся, какъ предатель Иуда, держать на откупѣ и Лишцы и другія слободы, на Московскій ладъ! И уже у нихъ не шинокъ называется, а кабакъ; и тамъ уже вся *Московская* натура и тамъ же все *москаль* на голо, какъ въ Турчинѣ все Турки. Да все, слышишь, народъ проворный: не доѣсть, не доснить, все только и думаетъ и гадаетъ, чтобы заработать коняку. Такая, видишь, у нихъ уже *Московская поведениця!* А ужъ какъ нашего брата, хоть бы и въ кабакъ, надуваютъ — такъ ну, ну! ты, напримеръ, принесъ вотъ съ посудинкою, чтобы кунить себѣ, для хозяйства, на сколько надо вина; да хоть мало малески заедунайся только, либо зазѣвайся, такъ уже и не дольеть полной мѣры, да проворитѣй и выльеть въ твою посуду; тутъ ты, хоть спорь съ нимъ, хоть бранись, а ужъ онъ выпроводитъ тебя—пошелъ, да и только! Кошачь тутъ хочешь выпить, то, будто и добрый, зачернетъ тебѣ за гривну такъ пошехонскую — тутъ станешь усы разглаживать, да утираться, да почмокаешь и сбрасаешь какъ бы хорошенько на тощакъ выпить; да только что руку подымай, не успѣшь еще и до рту донести, какъ—врагъ его знаетъ отколѣ москаленокъ этотъ у діавола возьметъ, такъ будто тотъ что.... крестная съ нами сила!.... подбѣжить, подтолкнуть — плюсь! больше половины чарки назадъ, такъ и выплещеть: бѣда, да и только; пьешь скорѣе, а то цѣловальникъ станетъ еще и чарку отымать! Выпилъ, такъ чтоже? какъ говоришь: по

бородѣ текло, а въ ротъ не попалю; а и не говори уже, чтобы по животу пошло; пещего тутъ было и проглотнуть. Вотъ, таковъ-то пухъ Московской обычай, чтобы со всякаго сорвать; такъ куда уже имъ испать долго? Да таки тутъ спить, а тутъ думать: какъ бы то и гдѣ бы то поживиться!

Такъ вотъ, какъ засвѣтили въ кабакъ, такъ и въ-спали *пидтоскирку*, того, что подѣ правый локоть толкаеть, не увидить ли кого на улицѣ, да не заманетъ ли его въ кабакъ. Выбѣжалъ чертѣнокъ да и оглядывается... поглядите-тка на него, на чтожь онъ таки похожъ? чтобы ему голову подѣ чубъ подстричь, какъ люди дѣлають, а то—махровый да мохнатый! Спереди волоса ему въ глаза лѣзутъ, уши закрываютъ, но затылку мотаются—только, знай, сердечный головой потряхиваетъ, чтобы космы эти не мотались! И сорочка на немъ, вмѣсто бѣлой, какъ законъ велить, либо красная, либо синяя, да еще и безъ воротника, а на застежкѣ—да на плечѣ тутъ и застегнетъ; такъ, что коли кто впереди москаля увидитъ, такъ и не угадаетъ, что это такое!

Ну, вотъ эдакой-то выскочилъ, да и сталъ у дверей—поглядѣть, поглядѣть—увидѣль, что стоитъ солдатъ на *каловурѣ* съ ружьемъ, да и сталъ ему кричать: «*Служба! поди сюда! стань-ка эть-то, вотъ здѣсь, чтобъ подѣ гасъ, коли будетъ драка, такъ не дай насъ въ обиду; а порція отъ насъ будетъ!*» Стоитъ солдатъ, не ворохнется; москалёнокъ крикнулъ и въ другой разъ, и въ третій—солдатъ

ни съ мѣста. Москалёнокъ и струсилъ, чтобы солдатъ не осерчалъ, да не надралъ бы ему еще вихорь; замолкъ, да проворный въ кабакъ, да и заперся на крючекъ. А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все—усмѣхнулся, моргнулъ усомъ, да и подумалъ про себя: поглядимъ, что-то дальше будетъ; не велика еще штука москаля одурачить!

Затѣмъ, высунулось и солнышко; тутъ засуетились и наши, что съ мукою наѣхали изъ Дергачей, изъ Ольшаной, а были иные анъ-да изъ Колѣмака! Да изъ какихъ мѣсть, отцы мои, на ярмарокъ этотъ не навезли всякаго хлѣба! таки видимо—невидимо! коли такъ сказать, что подводъ съ двадцать тутъ было—такъ ей же Богу моему что больше! Туча тучей. Тутъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и пшеница, и гречиха—все, все было. Пришло, знасте, время, сносить подушное, такъ всякому деньги нужны. Нашъ братъ не бородачь, ждетъ поры да времени. Онъ, слава тебѣ Господи и оборони насъ, не *москаль*, чтобъ ему, покинувъ жену, дѣтей и живогинку, таскаться вездѣ и повсюду, да забиваться на край свѣта, за этою нищенскою копѣйкою, да кровавымъ потомъ ее зарабатывать! Да чего тутъ и толковать? коли Богъ уродилъ хлѣбца, да далъ его собрать, такъ жди поры, поколѣ придетъ нужда; да какъ деслгскіе потянуть тебя въ волостное за подушное, да земскіе сборы, да тутъ еще и хозяйкѣ льну надо, чтобы прлсть его на рубахи, да новый *огипокъ* нуженъ на голову, да дочерямъ надо *платть*, либо *свитть*, одѣться не вочто, и уже всякая напасть нападетъ,

что уже хоть роди да подай деньги—ну, тогда уже некуда дѣваться; вези, хоть верстѣ за двадцать—да есть ли, нѣтъ ли цѣны, а ты, скорѣе, за что продай, за то продай, только бы долго не стоять, да и удирай домой, и рассчитывай себѣ, чтобы стало и сюда и туда; а коли удовольствовались всѣхъ—ну, тогда уже исправный казакъ; лежи себѣ на печи, въ просѣ, до новой нужды, тогда уже будемъ думать о томъ, гдѣ что взять.

Такъ вотъ такіе-то тамъ съѣхались, и ихъ уже и сонъ не брали. Солнышко взошло, они и повскакивали, чтобы, знаете, купца не прогулять. Вотъ, порядкомъ всгавши, да помолвившись противъ церкви Богу, и послали одного изъ табора по воду— а ужъ было время и кашу варить. Пошелся Ефремъ, съ двумя баклагами, вонъ туда, подъ гору. Идетъ базаромъ — лупъ очами — стоитъ солдатъ. Ефремъ былъ себѣ паренекъ *ушлый*, снялъ шапку, поклонился, да и говорить: «день добрый, господа служивой!» А солдатъ молчитъ. Вотъ, Ефремъ и пошелъ себѣ своимъ путемъ, а Кузьма Трофимовичъ и усмѣхнулся, да и подумалъ: «одурачилъ и своихъ; что-то дальше будетъ!» Ну, набравши воды, да цу-чи назадъ къ табору, Ефремъ и думаетъ себѣ: «Вотъ же тутъ есть и пистой! а что, какъ спрошу я, не надоль имъ для коней овса, либо какой мучицы?» Да поравнившись супротивъ того портрета и говорить: «Господа москаль! а скажите, коли милость ваша будетъ, вашему командирству, коли надо овса, либо какой муки, такъ пусть придутъ къ обозу, да

спросить Ефрема Судоро; а у меня овсець важный, дешево отдашь и мѣра людская: восемь съ верхомъ и трижды рукой по мѣркѣ ударить! пожалустажь не забудьте; а *погорытъ* отъ насъ будетъ. А на почивъ, путе, понохасьма табакъ!» Да зѣ словомъ, досталъ изъ-за галенища рожокъ, постукалъ имъ о коблукъ, и высунувъ на ладонь; самъ понохалъ, крикнулъ, поднесъ солдату, да еще и приговариваетъ: «табачокъ-этъ ладный; терла жена Анна, старушка мать учила ее переминать, а дочери растирали, да въ рожки насыпали! пожалуйте!» солдатъ ни гу-гу; и усомъ не моргнеть. Бѣднякъ Ефремъ и взялъ себѣ на разумъ: «ну его—подумать про себя — чтобъ еще по рожѣ не ударить; вѣдь онъ на то солдатъ!» поднялъ бокаги свои, да не оглядаючись къ возомъ... А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все... хи хи, хи хи, зпѣ-да подъ бока держалъ да заливался!

Покопѣ-жь все это дѣлалось, стали собираться на базарь и *бублейницы* и *паланиницы*, и тѣ, что кружками иншено, да ложками масло продають. А за ними гуськомъ частили съ пирожками, съ варенымъ мясомъ, съ гусаками, съ гороховниками и со всякими лакомствами, чего только душа пожелаетъ на полюднованье. А старшю у нихъ была, вожакомъ, *Еодоха Колупайниха*; молодница ладная, не взяла се катъ, черновал, губатая, маленько курносая, да румяная словно макъ; да такъ и разодрта: *ошлокъ* на головѣ, правда, уже вытертъ весь, одиъ нитки останись, а бѣлъ, видно, когда-то нарчевый; тулупъ бѣлыхъ смушекъ, подъ крашениною и сур-

комъ оторочень; только, правда, уже весь въ дырахъ, и подъ рукавами, и на бокахъ, такъ, что все платье сквозится—да еще и не простое, а мѣщанское; она, вѣшь, вѣлта была въ Лиццы изъ самаго Харькова и роду не простаго, а мѣщанскаго; *шушукъ* на ней набойчатый, *исподница* коламликовая; только уже трудно было эгадать, какого цвѣту, потому, что все это болыю замарано было постнымъ масломъ; она вѣшь некла бубники и пьекки—а за этимъ дѣломъ, извѣстно, нельзя чистоплютно ухаживать; какъ разъ выначкаешься, какъ чортъ эгогъ, что къ вѣдмѣ въ трубу лазить.

Вотъ, молодницы и кричатъ Евдохѣ: «а ну, *паньпанько*, выбирай мѣсто на счастливую продажу; ты у насъ голова; гдѣ ты сидишь, тамъ и мы подѣй тебѣ». Евдоха и взяла изъ чужаго короба *паллицу*, сайку, ставъ, оборотившись на Восходъ, да и покатила ее противъ солнца. Катилась *паллицина* эга, катилась, не загнулась ни гдѣ, а примехонько упала подлѣ солдатскаго портрета. «Ой, бѣда моя!» закричала Евдоха, поднявъ сайку, да сунувъ ее промежъ свое добро, «какже намъ подлѣ *москала* садиться! Да онъ намъ тутъ такого грѣха надѣлаеть, что не то что! тутъ ухватигъ, тамъ уццинегъ да тутъ—того и глди, что и коробовъ не соберешь!»—Выбирай же другое мѣсто—закричали молодницы—можетъ-статся и не такъ счастливое, да все таки лучше, чѣмъ дать *москалю* волю надъ товаромъ своимъ! —

Перевела Евдоха свой *цехъ* черезъ дорогу, поворжила опять другою, тожъ чужою, булкою, и по-

ложила ее въ свой кузовокъ; а гдѣ булка упала, тамъ сама съѣла съ товаромъ своимъ, а молодницъ разсажала, куда которой по очереди досталось; а чередъ вела самажъ Евдоха; которыя были по богаче, такъ по бниже къ себѣ, а бѣдную товаромъ, такъ на самый хвостъ, въ уголокъ, гдѣ и школьникъ, который на малыя деньги самый дешевый товаръ покупаетъ ее не найдетъ, — да за чередъ, каждый базаръ и лупить съ нихъ что сможетъ: о, то была козырь-баба! Ужь одно то, что Харьковская родомъ; а щебетуха да и щебетуха! Взляса она надъ всеми торговками атамановать, и отъ десяткихъ, отъ головы, да и отъ самаго инсаря оборонять да отстаивать; только чтобы все ее слушали, и что скажетъ, чтобы дѣлали, и что спросить съ нихъ, чтобы подавали. Да пусть бы кто ее и не послушалъ! такъ разомъ и *наилететь*. либо свинья бублики похватаетъ, либо собака маслу вылакаетъ, либо пьяный подшатнется, да коробъ опрокинетъ, а ужъ даромъ не пройдетъ.

Только что молодницы навни чинно разсѣлись и каждая съ товаромъ своимъ управилась, какъ... *тю!* москаля нечестый и уродилъ съ грешисвиками! Какъ напустятъ они на него все: «Зачѣмъ ты тутъ стагъ? ступай себѣ, ну, въ другое мѣсто, не мѣшай православный товаръ продаватъ! а самъ поди, хоть къ чертамъ, опричь хлѣба святаго!» Вотъ, какъ подняли на него крикъ —, а ужъ извѣстно, молодницы ваши, сколько ихъ ни будь, какъ забормочать все въ одинъ голосъ, такъ никакого и толку не дашь,

словно на *лоткахъ* вода шумить! А москалю и нужды мало, знай себѣ кричить: «грѣшники горячи!» Что тутъ на свѣгѣ дѣлать? молодницы видятъ—плоха мутка; пристали къ Евдохѣ: «дѣлай что знаешь, да гадай, а москаля сбудь!»

Некуда Евдохѣ дѣваться, взяла—да все таки не изъ своей коробки—три вязанки *бубликовъ*, пошла къ писаному солдату, да и . . . ей же Богу, правда! и поклонилась ему словно живому, да и просить: «Ваше благородіе, господа *салдатство*, будьте ласковы, сдѣлайте милость, сведите съ нашего мѣста, вотъ того шальнаго, католицкаго, бусурманскаго москаля, что сталъ подлѣ бублейницъ съ гречишниками своими!» Да за словомъ, смотритъ—и не глядитъ на нее москаль—и стала ему совать бублики въ руку, да сама еще и приговариваетъ: «На-те, возьмите, ваше благородіе, пожалуйста, дома пригодится!» А солдатъ ни дохнетъ. . . какъ же вдругъ разглядѣла Евдоха наша, что это обманъ, что то не настоящій солдатъ, а только его полчице, *парсуна*—застыдилась, покраснѣла словно ракъ, да скорѣе, безъ оглядки отъ него, да бублики въ своей коробокъ, да и съѣла. Сколько ни спрашивали ее молодницы, что ей тамъ случилось отъ москаля, такъ молчитъ да молчитъ себѣ, да и говорить: «спровадилажъ я вамъ москаля, чегоже вамъ больше?» А онъ и вправду, какъ увидѣлъ, что Евдоха пошла на него просить, струсить, да и пропасть съ гречишниками своими. А Кузьма Трофимовичъ глядя на всѣ проказы эти, насмѣялся себѣ въ тихомолку, да и говорить: «Вотъ такъ,

молчи знай! Уже къ намъ, словно къ живому, съ поклонами ходятъ, какъ къ Засѣдателю!

А тѣмъ часомъ собралось народу пронасть! таки куда глазомъ ни поведешь, все люди, все люди, какъ сарона въ полѣ! и чего-то туда не навезли, да не нанесли! таки такая ярмарка, будто въ самомъ Харьковѣ, на Пречистой: всякій товаръ и чего бы ты не вдумалъ, все есть! грунть-ли? такъ и возами груши, и въ мѣшкахъ груши, и кучами груши, приди, торгуй, сколько кому надо, да съ которой кучки хочешь и сколько тебѣ угодно бери и пробуй; никто тебѣ не закажетъ. А тамъ, вонъ, *Москва*, съ лангами, да съ лыками; были у нихъ и чашки, люточки, писанья деревянныя тарелки; были и рѣшета, лотки, кадки, пересѣвки, лопаты, сѣлки; башмаки, саногн съ подковами, и Пемецкіе, только одними гвоздочками подбитые: тутъ и Сызданыцы, съ картинами, да съ книжками завалищими, а рядомъ съ ними сидитъ *сластѣница*, что пыжки печетъ, съ печкою; только спроси, на сколько тебѣ тамъ надо *сластѣныхъ*, такъ она живо подыметъ пелену, да выметъ старую ошучу, что горшокъ съ тѣстомъ накрытъ, чтобы, знаете, тѣсто на холодѣ не стыло, (за тѣмъ она и держитъ его у себя подъ пеленкою;) вотъ, пальцы посплонить маленько, чтобы не приставало тѣсто, да и ущипнетъ его, да на сковороду, въ масло, такъ и шипитъ!! а поджаривъ, тотчасъ и подаетъ; а ужъ масломъ постнымъ не скупителъ; такъ и течетъ по пальцамъ, только знай обсыхаетъ! Тутъ же, рядомъ, продавался и табакъ тер-

тѣй, похальный и такой, въ попушахъ; а тамъ, желѣзный товаръ: подковы, гвозди, топоры, поддоски, *ухналы*—и все чего нужно. А тутъ уже пойдутъ лавки съ краснымъ товаромъ для господъ: стручковатый перецъ на питкахъ, изюмъ, вишняя ягода, лукъ, всякія сливы, орѣхи, мыло, свѣчи, тарань-рыба, еще весною съ Дону привезенная, и провѣсеная и соленая; икра, сельди, онойки, выростки, ножи, булавки, иголки, крючки, застежки, и для нашего брата свишня. Дѣготъ и въ *шеритсасахъ* и въ мазицахъ—да продавались тутъ и помазки. А ридкомъ, подѣль, стояли *бублики*, *буханты*, гороховики, гречаники, а въ лоткахъ разносили печенку на ломти порѣзанную; на сколько тебѣ надо, на столько и бери. А тамъ, ну камни кануста, свекла, морковь огородныя—а домашней бабы наши не продаютъ, берегутъ про нужду, на паню голову, ну ее!... Тутъ же были и хрѣнъ, и рѣпа и *сартохлы*, которые-чай, скоро хлѣбъ святой со свѣту Божьяго сгонять. А тутъ изъ *Водолани* горшки, изразцы, миски, крышки, кринки, кувшинчики.... да якъ говорю, нѣтъ того на свѣтъ, чегобы не было на этой ярмаркѣ; и кабы только денегъ въ волю, такъ закупилъ бы всего, да и ѣлъ бы себѣ круглый годъ! А что еще ободѣвъ, колесъ, оглобель—*моишень*, а тамъ еще и *свиты*, простаго *Уразовскаго* и мыльнаго сукна; были и тулупы, всякіе поясы, шанки и казачьи треухи; были и дѣвичій товаръ: *стрижки*, *скиндлики*, по нашему ленты, широкія, что голову повязываютъ и узенькія, что заплетаютъ въ косы; серьги, байковыя юбки, *платты*, шитые рукава и платки; *огилки* бабы, сер-

пьяка, *запаски*, *кораблики*, утиральники, шитье и съ городками; *щитки*, грѣбни, *днища*, веретена, соль толченая, глина желтая, запанки оловянные, перетни, башмаки..... Ухъ, анъ-да уморился расчитывая да рассказывая все это; чего-то тамъ не было!

А промежду такой пропасти товару, что тутъ народу было! и Боже сохрани! Еяце чуть ли не больше, чѣмъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на заутреню, какъ Христа *догитываються*: либо на Иорданъ: таки протолпиться не лзя! Тотъ покупаетъ, тотъ божится, тотъ прищяется, тотъ спорить, этотъ товарищей скликаетъ, тотъ кричитъ бабу свою, эти ссорятся, тѣ бранятся, тѣ, покончивъ дѣло, идутъ *могорыча записать*; бабы бормочатъ, всѣ разомъ въ одинъ голосъ говорятъ, а ни одна не слушаетъ; нищие поютъ Лазаря, кобылы ржутъ, колеса скрипятъ; тотъ кричитъ съ телѣги: *по глину, по глину!* А на встрѣчу ему распѣваетъ: *по горшки, по горшки!* Дѣти, растерявъ матерей, ревуть; тамъ забываетъ собака — тутъ *придушили* поросенка, визжитъ на весь базаръ, а свинья, хрюкаячи, пробирается промежъ народомъ; тамъ торговки хватаютъ за полы реблтъ, да школьниковъ: «поди сюда, дядюшка; возьми у меня, барченокъ; вотъ бублики горяченькіе съ мячкомъ; вотъ сайка легонькая, только-что изъ печи.....» та, та, та, та,—да и не разберешь ихъ тамъ что и о чемъ они толкуютъ; вездѣ и всюду шумятъ, стучатъ, кричатъ,..... точнехоночко какъ въ мѣльницѣ, коли на всѣ поставы и мѣлетъ и толчетъ!

А тамъ, слышь, скрипка съ цымбалами: *Матвѣй Шпонь* разпродать соль, расчелся, чистыя денежки взялъ, нанялъ *тройсту*, трехъ музыкантовъ, да и возигся съ ними по базару! Уже и шанки на немъ какъ не бывало; гдѣ-то кинулъ ее въ кого-то, да самъ и удралъ. Идетъ и поеть; а гдѣ лужа, тамъ и ударитъ трепака. Забрызгался, вымарался — эге! да не мѣшай ему, онъ *гуляетъ!* Въ одной рукѣ стекляница, въ другой чарка; кого ни встрѣтитъ: «Пей, батькинъ сынъ, дядюшка любезный! пей; *Матвѣй Шпонь* гуляетъ; пей въ его голову, чтобъ ты подавился! Будь здоровъ на многія лѣта!» Самъ выньеть, и того потчуетъ; конижь этотъ не захочетъ, то такъ водку и выплеснетъ на земь, а его ругаетъ, ругаетъ — да и пойдетъ потчивать другаго! Вотъ не совсѣмъ еще и допилъ флагу, тряхъ ее, обь землю, да и кричитъ: «Шинкарь! подавай *Шпону* снова! музыка, играй!» да и пошолъ дальше. Идетъ, да и увидѣлъ дегтярей: ухъ, туда, въ *шеритваць*, въ дѣгогъ, вѣтъ весь, съ сапогами, совсѣмъ, да и кричитъ: «дегтярь! не бось ничего; *Шпонь* деньгами отвѣчаетъ!» да и выкинетъ ему изъ кошельа полную горсть, а самъ и кричитъ: «не обидно? не мѣшай же! музыка, играй!» а самъ и пошелъ плескаться да полоскаться въ дегтю, какъ мальчишка въ лужѣ. Что это, коли человекъ въ счастья, да въ радости? Чего-то онъ не выдумаетъ? Ничего не жалѣеть и ни обь чемъ не тужить!

А тамъ, слышь, медвѣдь реветъ да пляшетъ, а цыганъ кричитъ: *А ну, Гаврылку, якъ старыи ба-*

бы пълни валяються... Цыганка ворожить, да приговариваетъ: «И счастливый и уродливый: черновая молодница по тебѣ горюетъ, положивъ платочекъ на рученьку, всю правду скажу...» Цыганенки вышлясьваютъ *халандру*, да кричатъ не своимъ голосомъ, будго съ нихъ чортъ лыка дереть.... А старый Цыганъ тудаже, съ ключю своєю: знай божителя, женою и дѣтми, да проклинаетъ дуну свою и отца и мать — а все за тѣмъ, чтобы старую, слѣпую, сапатую, хромую кобылу, продать на мѣсто молодой, здоровой! Да какъ обступитъ нашего брата Цыганское навожденіе, такъ уже не знаешь какъ быть и что дѣлать! Какъ подпугивать тебѣ *тумана*, такъ и самъ видишь, что ключенка трехъ денежекъ не стоить, да только глядишь, да глазами хлопасишь и не знаешь куда тутъ отъ нихъ и дѣваться. Тотъ божителя, другой заклинается, тотъ суетъ тебѣ въ руку оборотъ съ ключю, третій тлещетъ изъ кармана платокъ, гдѣ кошелекъ съ деньгами, а тотъ уже и сдачи тебѣ дастъ; да всѣ гурьбою, и танцуютъ тебѣ на выставку, запивать *мозорыти*. Ну такъ, что лжъ говорю, поколѣ спохватнись, глядишь, хотѣлъ свое ледящее продать — а проклятые цыганы всучили тебѣ въ руки такую погань, что и щенки не стоить; да такую цѣну взяли, что можно, ниу пору, вола купить, да за мон-жѣ деньги и вино покунали и пили; а тамъ вмѣсто спасибо, мнѣ же въ глаза и на-смѣялись. — «Ключа твоя де-скасть маленько подоха глазами; такъ купи-тка ей очки, да и посади на глаза, знаешь какъ баричи молодые въ городѣ носятъ, такъ она, можеть статься, еще потянетъ...»

Такъ вотъ такіе-то тамъ были проказы, что всего и разсказать нельзя. И кто бы не шелъ подлѣ солдатскаго портрета, великій, славный шапку, скажетъ, либо: «добрыдень», либо «здравствуйте госнода служба!» А служба ни гу-гу. Стоитъ себѣ чинехонько и пальцемъ не кивнетъ, и глазами не поведетъ и усомъ не моргнетъ. Таки никто, никто не угадалъ, что это солдатъ написанный. А Кузьма Трофимовичъ, сидя въ балаганѣ своемъ, видѣлъ все это, да и думаетъ: «ладно, коли такъ; посмотримъ что-то впередъ будетъ!»

Тутъ вдругъ, отколѣ ни взялся, солдатъ, да постоялицей, живой солдатъ, вотъ какъ мы съ вами. Ходить онъ по базару да поглядываетъ, и уже одинъ утиральничекъ у *молодицы* стянуть и въ карманъ запрягать; станицѣ у Чугуевской торговки бумажный платокъ, такой, что гривенъ шесть стоитъ; отрѣзалъ съ возу плетенку луку, да тутъ же за полицыи и продалъ; да все это такъ хитро и мудро что никто и не спохватился. Наконецъ приходитъ туда, гдѣ продаютъ груши; видѣть: у возовъ остались одни револьтники, да и тѣ рты разинули на медвѣдей. Онъ таки и положилъ руку на мѣшокъ — никто не видѣть; потянулъ его къ себѣ — никто не видѣть; положилъ его чинно на плечо — никто не видѣть; да не оглядаючись и махнулъ куда ему тамъ надо было. Тутъ хозяева наши спохватились; глядь, *москаль* взялъ безъ спросу полнехонькій мѣшокъ грушъ, да и претъ его словно свое добро; крикнули всѣ разомъ на него, да и побѣжали за нимъ въ погоню.

Не хитеръ же и москаль; чтобъ ему бѣжать безъ оглядки? а онъ, идетъ себѣ шажкомъ, мѣшокъ съ грушами несетъ, да еще и пѣсенки про себѣ распѣваетъ! Тутъ его хватъ за мѣшокъ: «на что ты, такой-сякой, груши вѣлъ?» пристали все къ нему въ одинъ голосъ. Стоить сердечный, выкатилъ глаза на лобъ, какъ баранъ, поглядитъ на нихъ да и говорить: «нѣшто это ваши груши-тѣ?»—«Да не чьяжь, какъ не наши!»— А онъ, какъ закричитъ на нихъ: «Ахъ вы хохлы безмозглые!» А тотчасъ и браниться; вѣтъ, что бы сперва разспроситъ, да тогдабъ уже и бранился сколько хотѣлъ — «а зачѣмъ вы» говорить, «мнѣ тогда не сказали, какъ я съ воза мѣшокъ вѣлъ?» да и привзаялся къ нимъ: «Вы, говорить, зѣваете по сторонамъ, а я вотъ несъ, несъ, да вотъ какъ уморился, да амуницію потеръ; вогъ вишь, и мундиръ запачкалъ; давай сюда деньги на вычитку!» Наши кинулись было сюда, туда—такъ гдѣ! и приступу нѣтъ! да еще и ругается; а тамъ, поймать одного за воротъ, да и тлестъ, а самъ кричитъ свое: «давай на вычитку, да за проходку; я казенный мундиръ потеръ и сапоги потопталъ, давай, да и только!» наши ни открестятся, ни отмолятся; «ну, тебя, говорить, дялюшка, сдѣлай милость, господа служба, возьми себѣ груши и мѣшокъ, только отвяжись!» Такъ куда, такъ репьемъ и влжется, да и говорить: «мнѣ, говорить, чужаго не нада; не хочу я вашихъ грушъ, а мнѣ подай мое!» Что тутъ на свѣтъ дѣлать! Таки еще подумали было, чтобъ такъ да сякъ вывернуться, хотѣли итти въ волостное правленіе, такъ москаль не

то постъ: «Вотъ моя команда» говорить, да и показывать на писаного солдата, «пойдемъ къ нему!» Нани вилать, шлоха шутка: странно, кинули ему пятнадцатыйный такъ итъ; «веди,» говорить, «на выставку, да погавь еще за проходку квартиру вина!» Нечего дѣлать; поставили, толькобъ отвязался, да не танцить къ солдату, что стоитъ съ ружьемъ; когдажъ послѣ посылнани, да разглядѣли, да узнали что это солдатъ писанный, а не живой, такъ анъ-да обь-полы руками ударили, да *фить. фить* — пошвистали, да и разошлись по волямъ.

А Кузьма Трофимовичъ, подь рядномъ своимъ сидя, смѣялся, смѣялся, такъ, что по землѣ валается; да и говоритъ: «охъ!» да и сътъ опять, сложивъ руки, смотрѣтъ, что еще будутъ за проказы.

А тѣмъ часомъ уже стало не рано. Вотъ и дѣвки собрались итти по ярмаркѣ, а все, вишь, поджидали, что бы по меньше народу стало: а то, въ толнѣ, въ тѣснотѣ, думали, что и не такъ ихъ видно будетъ. Вотъ и потянулись низка ихъ, да все на подборъ; одна одной лучше, одна одной чернобровѣй! Разодѣлись, такъ что Господи! Солнышко, среди дня, пригрѣло, такъ оно и тепленько стало; вотъ они и выскочили безъ свитокъ, въ одиѣхъ байковыхъ, алыхъ юпкахъ, словно макъ цвѣтеть! ленты на головахъ по Харьковски повязаны, косы въ плетушки заплетены и желтыми *звездиками* да *баранками* разубраны; у сорочекъ и рукава и *подтежки* шитые, да городками разукрашены; на шелхъ *намы-*

ста, проищей нитокъ съ десять у каждой, колн не больше, только голову гнеть; золотые *дукапы*, да серебряные кресты такъ и горять; влахты *карташкѣя*, *записки* шелковыя и *колесчатныя*, понса коламанковыя: да все, одна въ одну, въ красныхъ башмачкахъ, да въ синихъ либо въ бѣлыхъ чудочкахъ. А за дѣломъ же они и вышли? А какже? За позывками, за поглядками, да не побалуешь ли съ ними молодые ребята. Ужь извѣстна дѣвичья патура, хоть въ барствѣ, хоть въ мужицствѣ!

Вотъ онѣ и пошлн по ярмаркѣ, и то и се выдумываютъ, и хохочутъ себѣ... какъ одна, вдругъ. глядь! да и говоритъ тизкомъ: «дѣвки! смотрите, у насъ постой, солдаты!» — Врешь, гдѣ ты ихъ увидѣла? — стали тѣ допрашивать, да сами оглядываются. «Да вонъ, вонъ около дегтярной лавки, стоитъ съ ружьемъ *калаурный*!» — Такъ и есть! — закричали тѣ въ голосъ, да начали щелбегать, да смѣяться, да переходить съ мѣста на мѣсто, да одна одну толкають, будто спотыкаются, а сами знай оглядываются, да какъ павочки выгибаются, да охорашиваются, чтобъ солдатъ глннуть на нихъ, да затронуть бы которую нибудь — вотъ этакъ имъ и на руку; тутъ бы и стали они разспрашивать его, проходомъ ли тутъ, или постоимъ? вотъ тутъ-бы и сказали ему, чтобы съ товарищами приходилъ къ нимъ на вечерницы; онѣ, внишь, давно уже ничего путнаго не видали, а свои ребята надоѣли имъ давно и опостыли.

Вотъ и вызвалась изъ нихъ одна, *Долнаха*, да и говоритъ: «постойте-тка, пройду я подѣть него; да

уже не я буду, коли онъ меня не затронеть! Да глядите-жь, не зѣвайте, а откликайтесь мнѣ, коли такъ придется!» Вотъ и пошла; будто и не она, то, туда, то сюда оглянется, то пѣсенку себѣ затянетъ, то платочкомъ помахиваетъ, то нагнется подвязку подвязывать.... вотъ уже и къ солдату подходитъ, да будто съ кѣмъ разговариваетъ: «гдѣ-то тутъ шпалеры да *шумиха* продается, кабы мнѣ кто сказалъ!» Да и заноситъ себѣ опять тинкомъ.... О, что это за дѣвка была! Чгобъ ей не знать, отколѣ къ кому подойти, и какъ кого и разуть и обуть? Все знала! и проворна и шумлива была, да и свѣту повидала: два года въ Харьковѣ въ *нойкахъ* служила, гдѣ шерсть промываютъ, такъ уже се не учить стать!

Какъ увидели подруги, что она уже близко солдата, а онъ се и не затрогиваетъ — можетъ не видѣть еще — да и стали кричать на нее: «а куда ты Домаха, пошла?» а она стоитъ подлѣ солдата, да во, весь голосъ откликается: «Вотъ куплю *шумихи* на цвѣтки, коли какой чортъ не перейметъ!» а солдатъ нашъ стоитъ—не затрогиваетъ ее, и не глядитъ «Что за нелегкая! думаетъ Домаха, такъ вплотъ подлѣ него прошла, а онъ и не думаетъ затронуть! развѣ не смѣетъ, что-ли? да ворочусь еще!»—Вотъ и воротилась, да вплотъ подлѣ него идетъ, и обронила платокъ, будто, внишь, потеряла, думаячи, что солдатъ закричитъ на нее, чгобъ воротилась, да подняла; вотъ она бы съ нимъ и заговорила, и пошутила, а тамъ бы и поладили. Не промахъ - дѣвка была и Домаха! такъ что же? платокъ лежитъ, а солдатъ и

волосомъ не ворохнеть! Стала Домаха наша, да и оглядывается, да и кричитъ: «охъ, я бѣдокурная! шлатокъ обронила! козаибъ кто поднялъ его, да отдашь!»

Оглядывается, сердечная, да поглядываетъ изподлюбя — да ба! стойтъ солдатъ и на платокъ не глядитъ! нечего дѣлать Домахѣ; надо ворогиться! Вотъ и крадется и выжидаеть, да и говоритъ: «Вотъ бѣда! лежитъ платочекъ мой подлѣ самаго солдата — какъ тутъ быть? — Я боюсь, чтобъ онъ не поймавъ меня, либо изъ ружья не застрѣль!» подошла — и нагинается и не нагинается, и беретъ и не беретъ — а все, вишь, поджидаеть солдата — такъ чтоже? не на того, звать, наскочила; нагнулась и протянула руку, словно не ѣвши, а сама все глядитъ на него; да какъ разглядѣла, какъ захохочеть на всю улицу! а дѣвки и обозвались: «а что онъ тамъ тебѣ говорить? Домаха! сказывай, что-ли, что онъ говорить?» — Не до разговору тутъ, кричитъ Домаха, да во всеѣ ноги назадъ, да за смѣхомъ и слова не вымолвить.

«Что, что такое, что онъ говорить?» Стали дѣвки, обступивъ Домаху, разспрашивать. «Эге, что говорить» — отвѣчаетъ Домаха, «да это-жь не живой солдатъ, это писанный!» — «Ю!» закричали дѣвки, да и побѣжали разглядывать: и то писанный! хохотали, смѣлялись, выдумывали тутъ всякую всячину, да и пошли себѣ по ярмаркѣ. А послышавъ это, уже и много кое-кто стали подходить смѣло, безъ страху,

посмотрятъ, поглядятъ, да и скажутъ: «Такъ и есть что писанный!» Да и пойдутъ себѣ.

Натѣшившись и насмѣявшись со всего этого, Кузьма Трофимовичъ и подумать: пора уже и сымать солдата, да укладывать его, да собираться въ путь; какъ вдругъ послышалъ крикъ, шумъ, топотъ, рессъ, пѣсни, *сопѣлку*. . . . да и прискать проворный подь рядно свос.

То подходило *парубоушко*, холостежь; сапожники, портные, кузнецы, гончары и разныхъ званій и ремесль молодежь удалые, наемные у хозяевъ работники, *батюшкы* дѣти, собравшіеся на ярмарку погулять. Кто съ утра еще, продавъ свой товаръ, либо купиши что кому надо было, да заивши *могорыги*, подѣрились порядочно, и приодѣлись—кто въ новую свиту, кто въ китайчатую *юбку*, кто въ отцевскій—хоть и старый—да *жупань*; подноясались хорошенько, кто каламанковымъ, а кто и шерстянымъ кушакомъ: въ *тяжыновыгъ* шараварахъ, надѣли на подѣритыя головы казачьи шапки иль Рышетиловскихъ смушекъ, съ алыми, зелеными, либо синими верхами; въ смазныхъ, юфтовыхъ сапогахъ, съ подборами, а кто и въ конёвныхъ, да такъ вымазанныхъ, что дѣготъ съ нихъ такъ и течеть; а подковы, чуть ли не въ четверги; да закрутивши усы, идутъ себѣ *лавою*, съ боку на бокъ переваливаются, руками машутъ, трубки тлнутъ, да во всю мотку, анъ-да жмурятся, да корчатся, орутъ *Московскія* пѣсни: *пры долынуosci столла*. И гдѣ идутъ

то такъ передъ ними народъ и разстунается; и уже не попадайся имъ на дорогѣ никто; хоть торговка съ коробами, хоть москаль съ квасомъ, хоть слепцы, нищие съ вожатымъ, хоть старуха, хоть молодца имъ на встрѣчу, не избираютъ никого; такъ на всякаго прямо лавою и напираютъ, и пруть и вынутъ и съ ногъ валяютъ; а сами—и нужды мало; будто и не видятъ никого и ничего, будто это и не они!

Вотъ, увидавъ дѣвок повадили слѣдомъ за ними, чтобы такъ на нихъ и налетѣть стѣною; а какъ только тѣ разбѣгутся, такъ тутъ и ловить ихъ, и *пожартовать*, и побаловаться, да пошалить. Извѣстно уже, дѣлю холостое! А чтобы кто посмѣлъ ихъ унять? Какъ бы не такъ! Они всей гурьбою, не разъ уже и самого Писаря, бывало, такъ унотчуютъ да утомняютъ, что тотъ насилу встряхнется послѣ, да прочхается! А десляскіе, такъ отъ нихъ просто прячутся подъ тынъ, да въ *бурьяны*, такъ уже тутъ нечего толковать! Всякъ, махнувъ рукой, говорить: пусть нагуляются ребята; больше чѣмъ на полтину грѣха да бѣды отъ нихъ не будетъ!

Вотъ и идутъ; и какъ накинута глазомъ дѣвокъ, такъ и пошли мимо писанаго солдата, за ними слѣдомъ. А вожакъ-атаманъ ихъ, чеботарь Терѣшка, снлъ впередъ нимъ, передъ солдатомъ тѣмъ, шапку, да и говоритъ: «здравствуйте господа служба!» Тутъ какъ захохочетъ народъ, и торговки, и прасолы, и тѣ что съ возами приѣхали, всѣ въ голосъ

такъ и заливаются; да и пу кричать на него: «Чуръ дурня! Да развѣ это живой! Это писанный солдатъ! Нешто бѣльмы-те повывѣзли у тебя, что-ли? Вотъ-то оглашенный не разбереть!» Прикусилъ же нашъ Терёшка языкъ, какъ и самъ разглядѣлъ, что это и вправду писанный солдатъ, и что весь базаръ на него зубы скалить! «Теперь — думаетъ сердечный, мнѣ и проходу не будетъ; будутъ зубоскальничать, да горю драть, да на смѣхъ подымать и Богъ знаетъ чего еще не придумаютъ! бѣда да и только; что тутъ станешь дѣлать!» Стоить, носъ повѣсивъ да и думаетъ. Да вдругъ и спохватился, захохоталъ и самъ, да и говоритъ: «А будто я и не вижу, что это солдатъ малеванный! — да я поклонился ему за тѣмъ, чтобы одурачить малира; нешто такъ-то и маляють? чтобы его не легкая малевала! Да это и стѣной разглядить, что это не живой человекъ, а писанный! нешто тутъ были дурни такіе, что считали его живымъ? Не знаю! *тѣбу*, чортъ знаетъ что намазано! глядите, люди добрые, развѣ эдакъ шьется сапогъ? И чеботарь первый на селѣ; такъ я уже знаю, что голенищу вотъ какъ надо быть» да самъ и сталъ погтемъ по картинѣ царапать «вотъ, и въ подборачъ враще; да и подъемъ не такой; да такъ и все не такъ. Ну, его, братцы, пойдеть-дальше; намазала тамъ какой-то дурень!» Вотъ и пошли себѣ своею дорогою, и Терёшка радъ себѣ радѣшенскъ, что свалилъ бѣду эту съ плечъ.

Да и закрутилъ же носомъ нашъ Кузьма Трофимовичъ, будто тертаго хрыну пошохалъ! Больно ему

досадно стало, что вся ярмарка, и сколько тутъ ни было народу, таки можетъ-статься дунь съ пятьдесятъ, коли еще не больше, да все таки до единого, все не узнали, что солдатъ этотъ писанный, думали что живой; а тутъ, чортъ его знаетъ откогда взялся чеботарь, да и распушилъ работу его на пропалую! «Это уже, говоритъ самъ себѣ Трофимовичъ, курамъ смѣхъ будетъ! Я таки, правда, о сапогахъ не болѣно и заботился; можетъ-статься оно тамъ чтонибудь и не такъ; я только и старался, чтобъ у него лице и самъ онъ весь, и мундиръ и ружье, чтобы такъ были, какъ у живаго, а до сапоговъ мнѣ было и нужды мало: не думалъ, чтобы кто сталъ зорко болѣно приглядываться, туда, куда и не всякій смотритъ. Пусть же такъ будетъ, какъ чеботарь сказалъ: перемалую, чтобы и его удовлетворять и чтобы фальши никакой не было въ моей работѣ».

И выйдъ онъ изъ подъ шатра своего, досталъ палитру съ красками и кисть, подмалевалъ, какъ тамъ сапожникъ нацарапалъ, да опять и пойдъ назадъ, и говоритъ: «Погожу еще маленько, покуда краска подсохнетъ; а тамъ и соберусь домой. Теперь и чеботарь не скажетъ, что не такъ сапогъ мамалевагъ!»

Анъ, глядъ! Терѣшка съ ребятами, не догнавши дѣвокъ, воротились, чтобы перенять ихъ впоперегъ, да и идутъ опять подлѣ портрета. Вотъ, одинъ нарешь, глянувши на него и говорятъ: «Глади-тка Терѣшка, мамляръ тебя послушалъ, вишь, перемалевагъ

саногъ, по твоему! «Эге,» сказала Терёшка, передвинувъ шапку на самое темя, да подбоченясь «а еще бы онъ меня не послушать! Я всю силу знаю, и какъ разъ вижу, гдѣ ч о не хватаетъ!» А какъ ему, Терёшкѣ, все еще было досадно, и на маляра, и на к ргину эту, изъ-за которой люди подишли было его на смѣхъ, такъ онъ себя и подумалъ: «дай, еще такъ разругаю да обракую, чтобъ маляра вовсе съ току свести, и чтобы народъ думать, будто Терёшка великую силу въ малярствѣ знаетъ;» самъ, notwithstanding, да похваставши и говоритъ: «Вотъ, и опять такъ не утерплю, скажу, за тѣмъ что вижу самъ, что не такъ! Саногн теперь такъ похожи на саногн, какъ я научилъ, такъ мундиръ не гуда глядѣть; надо чтобъ рукава вотъ такъ.....»

«А *засѣ* не знаешь?» обозвался Кузьма Трофимовичъ подъ ридномъ своимъ: «*чеботаръ!* *знай свое кривое голенище, а въ закроушки не суйся!*»

Какъ залился хохотомъ весь базаръ, слышал проказы эти, и что Кузьма Трофимовичъ такъ огорилъ Терёшку чеботаря! Какъ подишли его на зубы! Смѣлясь надъ нимъ, смѣлясь, да такъ же, ей Богу, что не то что, что ань-да за рѣчкую слышно было!

А Терёшка остался какъ обпзанный,—да какъ кпнестя, безъ оглѣдки, куда глаза глядѣть, да и забѣжать Богъ знаетъ куда! А Кузьма Трофимовичъ въ тихомолку себя посмѣляся, собрался съ пор-

третомъ своимъ и со всѣмъ приборомъ, приѣхать къ бирину своему, да по уговору денежки и *горь-ложку* съ него сбрить, да и правъ.

Ярмарка разошлась; только уже Терѣшкѣ нашему полно молодцевать, да горю драть; не далось ему впродолженіи молодчества это, хоть на улицахъ тамъ, либо на вечерницахъ, или хоть бы и въ шинкѣ; только что замасничаютъ, а тутъ его ктонибудь и отбѣдетъ: *знай, теботорь, свое криное голенище, а съ закройщики не суйся!* То онъ себѣ такъ языкъ и прикуситъ и уже ни гу, гу!

Вотъ и вся.

Съ Украинскаго: *В. Луцкій.*

ЭЛЕГИЯ.

«Туда, туда где нѣтъ снѣговъ
Гдѣ роицы вѣчно зеленыютъ,
Гдѣ вѣтры теплыя благоуханно вѣютъ,
Гдѣ хоробы облаковъ
Какъ въ праздникъ радостныя дѣвы —
Всѣ въ златѣ, лентахъ и цвѣтахъ —
Играютъ и блестятъ на синихъ небесахъ;
Гдѣ безконечныя пѣвны —
Народа цѣлаго согласный разговоръ —
Звучать на лонѣ водъ, звучать по скату горъ,
Туда пожить хоть мигъ единый
Умчите на крылахъ меня,
О Духи! стражи бытія,
Земнаго счастья властелины!.....»

* *
*

Такъ сжатый холодомъ всегда
Подъ небомъ сѣверной столицы,
Я бредилъ и молилъ, и всё глядѣлъ туда
Куда въ годину бурь летятъ пролѣтны птицы.

Ужь дни мои, тускнѣя въ смутной мглѣ
Казаюсь, близилась къ закату;
И вѣнечь думалъ я оплакать на землѣ
Моихъ надеждъ, послѣднихъ благъ утрату.
Но вдругъ мой темный небосклонъ
Чудеснымъ свѣтомъ озарился,
Какъ будто горній Духъ крыломъ ко мнѣ склонился
И свѣтлѣ съ чувствъ предсмертный сонъ.
Какъ будто силою волшебной
Онь въ край моей мечты увлекъ, унесъ меня,
И наполни струей цѣлебной
И искрой оживилъ небеснаго огня.
Всѣ измѣнилось: открылась предо мною
Страна роскошная, сокровище земли
И я затрепеталъ душою
Какъ лира юности отъ нѣги и любви.
И сталъ я бодръ и свѣжъ, и ужь не мигъ единый
Молю у стражей быгил;
Нѣтъ! я бѣ отвѣтствовалъ теперь на зовъ Судьбины:
Прочь! я въ Италию, и смерть не для меня!

В. ТУМАВСКІЙ.

ЭЛЕГИЯ.

Въ груди не разцвѣтете вновь,
Мечты, веселость и любовь!
И все чѣмъ утро жизни мило.
Васъ сердце грустное забыло;
Погасъ души веселый свѣтъ;
Моей звѣзды на небѣ нѣтъ!
Я съ вами рано распростился
И преждевременно склонился
Цвѣтъ лркій юности моей.
Такъ въ блескъ утреннихъ лучей
Съ улыбкой ясной солнце всходитъ,
Но вдругъ за облако заходитъ
И гаснетъ въ мглѣ холодныхъ тучъ
Его едва всплывшій лучъ.

А. Лагозовъ.

О Р Г А Н Ъ .

(ИЗЪ ГЕРДЕРА *).

Кто изобрѣлъ то дивное строенье,
Гдѣ въ голосахъ все слышится творенье?
Одушевленный храмъ дыханьемъ Бога
Въ себѣ одномъ ты смѣло заключилъ
Источники неистижимыхъ силъ,
Высокихъ чувствъ святаго умиленья :
Вотъ звуки тихіе поющей флейты,
Вотъ клики радости, цимбаловъ звонъ,
Они слышны съ свистящею свирелью
Вотъ барабанъ.... (его призывный рокотъ....)
Съ побѣдною трубою загремя
И звукъ рогагетъ..... заглушена свирель, —
Ударъ въ литавры..... громъ трубы последней:
На Судъ зовутъ!—Вскрываются могилы
И мертвецы проснулись и встаютъ.

* *
*

(*) Намъ пріятно извѣстить нашихъ читателей, что всѣ 19 песенъ знаменитаго Гердера переведены и издѣляются къ изданію А. П. Глинкаго, которой одолжены мы отличнымъ переводомъ Шиллеровой пѣсни о колоколѣ. *Ред.*

Какіе звуки посятея? И міръ
 Созданія пернатыхъ ожидаетъ
 И зануметь зорь. Грядеть... внимайте
 Грядеть Иегова!.... То громъ Его
 И звуками живыми вѣсть слыше
 И, гласомъ смертнаго вѣщаль Безсмертный
 И, трепеща, откликнулося сердце.
 И души всѣхъ и голоса согласно
 Поднявшись вверху, на облакахъ почли....
 Молитесь! Азбуку! Молитесь!

* * *

Самъ Аполлонъ — изобрѣтатель цитры,
 Сынь Майи изобрѣлъ златую лиру,
 Устроилъ флейгу Панъ. Кто-жь былъ тотъ дивный
 Кто съединилъ созданій всѣхъ дыханье?

* * *

Цецилія, Римлянкѣ знаменитой
 Не нравился струнь шелковистый звукъ.
 Она душой молилась: еслибъ можно
 Услышать мнѣ хвалебную ту пѣнь
 Что отроки средь пламени воспѣли
 Творенья пѣнь!

До уха вдругъ ея

Коснулся Ангель, часто ей въ молитвѣ
 Являлся онъ. Восторженная слышитъ
 Творенья пѣнь. Луна и звѣзды, солнце

И тьма и свѣтъ и день и ночь и вихри
 И года времена и мразь и буря
 Роса и дождь, снѣгъ, иней, ледъ и горы
 Долины въ ихъ весенней красотѣ,
 Ключи, потоки, море, лѣсъ, скалы
 Въ эфирѣ хоръ пѣвцевъ, и на землѣ,
 Что только дышетъ все Творца хвалило
 Могущаго, благаго. Ницѣ унала
 Она молясь. О, Ангель! Мнѣ оставь
 Сей пѣсни отголосокъ. Онъ пошелъ
 Къ художнику что полонъ былъ внушеній
 Святаго Висанна. Ангель самъ
 Далъ мѣру и число. И вотъ строгое
 Гармоніи возникло. Раздалась
 Пѣснь Ангеловъ, хвала и слава Богу.
 И въ Богѣ все въ одну сливались душу
 И Христіанъ гремятъ высокій *Кредо*.
 Когдажъ при совершеннѣ тайнѣ взошло:
 «Благословенъ грядый во имя Бога!»
 Блаженные отъ умиленья пали
 И приняли благоговѣнья жертву.
 Въ единый хоръ слились земля и небо;
 Злодѣи сраженъ вступа въ преддверье Храма:
 Онъ узнаетъ трубу Суда и гнѣва.....
 И, радуясь съ народомъ Христіанъ,
 Цецилія *тѣмъ* въ звукахъ наслаждалась

Чего молящихся сердца желаютъ
Желаютъ вѣрные и ждутъ что будетъ:
Единство дунь — въ Христѣ союзъ свѣгой....
«Какъ назову, она рекла, ту бурю
Что въ море вѣчности влечетъ такъ мощно?»
И Ангелъ ей: «ты видишь въ семь орудьи
Желанное тобой. — То органъ духа:
Сей духъ теперь сердца народовъ движетъ,
И онъ-же иѣсь творенія настроитъ
Когда, въ путяхъ запутанныхъ столѣтій,
Настанетъ часъ вещей соединенья:
О будь же онъ органъ благоговѣнья!»

Авдотья Гляпка

АНГЕЛЪ.

Судь мірамъ уготовляется,
Ходить Богъ по небесамъ;
Звѣздъ громада разступается
На просторъ его всѣсамъ.....

И, послышавъ Бога, дальнія
Тучи Ангеловъ взвилась;
Протѣснясь въ врата кристальныя
Хоры, съ пѣньемъ понеслись.....

И мой Ангелъ охранительный,
Ужъ терявшій на землѣ
Блескъ небесный, блескъ пѣнигельный,
Распустилъ свои крыль...

У судьбы земной подъ молотомъ
Въ сторонѣ страстей и бурь
Яркихъ крыль потускло золото
Полинула въ нихъ лазурь...

Но какъ все переѣнилось!
Онъ на Бога посмотрѣлъ —
И лице его свѣтилося
И хитонъ его свѣтлѣлъ!....

Ахъ! когдажь жилищамъ - юдолицамъ
Возвратить полѣтъ и намъ —
И дадутъ земнымъ невольникамъ
Вольный доступъ къ небесамъ!...

Ф е д о р ъ Г л я б к а .

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ДИПЛОМАТЪ, ЛИТЕРАТОРЪ, ВОИЩЪ.

Войдите въ любую столичную гостиную, когда въ ней много народу — и вы непременно остановитесь на которомъ нибудь изъ трехъ характерныхъ отпечатковъ современной общественной жизни, литераторъ, дипломатъ или свѣтскомъ человѣкѣ. Благодаря чудесной многосторонности нашего вѣка, они даже бывають слиты въ одной особѣ, на которой иногда найдете въ дополненіе четвертый отличительный признакъ — боевой парадъ и вооруженіе вонна. Любопытна ихъ физиогномія. Угодники, любимцы женщинъ и вельможъ, присяжные судьи публичныхъ зрѣлищъ, живые телеграфы новостей всякаго разбора — они какъ будто рождены оправдывать на дѣлѣ истину эпитафия: «Sic vos non vobis,» жить чужимъ погтомъ. Они — настоящіе актеры на сценѣ жизни. Имъ принадлежать и громкія роли, и блестящія, часто мишурныя одежды, и рукоплесканія толпы. За то и ненавидятъ ихъ такъ называемые дѣльные люди. Но эта ненависть неискренняя, она смѣшана съ завистью. Да какъ и не завидовать

счастливцамъ? передъ ними ученый, судья, знатокъ финансовъ, то же что предъ актеромъ темная сволочь театральныхъ служителей. — Вотъ вамъ скудная плата; метите соръ, зажигайте люстры, двигайте кулисы; но Боже васъ избави показываться на сцену! васъ освѣтятъ: на ней стоитъ актеръ и за всѣхъ васъ торжествуетъ. — Больше всѣхъ неблаговоить къ нашимъ баловнямъ ученый; онъ безъ пощады изливаетъ на нихъ желчь, которая, какъ известно, накопится въ изобиліи отъ сидячей жизни. Къ чести ихъ надо замѣтить, что они никому не воздаютъ равною враждою; напротивъ, готовы раскланиваться съ каждымъ, слушать каждаго даже не понимая, удивляться всему чему другіе дивятся, но за то и консулствовать коль скоро другіе насмѣхаются. Истинно практическіе мудрецы, они чуждаются бурныхъ оцущеній, не сердиты ни на кого въ мірѣ и ненавидятъ одно скучное, то есть, принуждающее ихъ въ какому бы то ни было напряженію.

Не станемъ осуждать безусловно этихъ трехъ представителей нашего времени. Благоговѣніе къ фактамъ! они существуютъ, слѣдственно необходимы, слѣдственно полезны; иначе мы дошли бы до богохульства. Бытіе этихъ характеровъ строго опредѣляется ходомъ новѣйшей образованности. Скажу болѣе: изъ послѣдствій они становятся причиною, и въ свой чередъ имѣютъ рѣшительное дѣяніе на ея развитіе; такъ маховое колесо, движимое первоначальною силою машины въ свой чередъ усеугубляетъ и уравниваетъ быстроту ея движеній. Свѣтъ,

среди котораго они существуютъ, въ отношеніи къ обществу то самое что биржа въ отношеніи къ торговлѣ. Какое дѣло если маклера не имѣютъ собственныхъ капиталовъ? они облегчаютъ ихъ оборотъ между другими. Нѣтъ сомнѣній, оборотъ мыслей многимъ обязанъ вліянію свѣтской жизни: она приучила науку выражаться языкомъ понятнымъ. Ученый въ глуши письменной комнаты, безъ сознанія, часто нехотя, повинуется требованіямъ свѣтскости. Мыслитель, гордый мнимою независимостію ума! положи руку на сердце и соизнися: не билось ли оно сильнѣе когда до тебя доходилъ слухъ, что твое имя съ похвалою произносили тѣ, кого ты честишь прозваніемъ трутней безнозешныхъ въ обществѣнномъ ульѣ.

Есть одинъ умный человекъ, который долго путешествовалъ и много посмотрѣлся чуднаго въ природѣ; онъ сознался что во все продолженіе своихъ странствій, не встрѣчалъ ни разу одной любопытной рѣдкости: пошлаго дурака. Богъ вѣсть, существовало ли когда нибудь это племя; журналы-ль, пароходы или желѣзныя дороги довершали его истребленіе; но то достоверно что оно исчезло съ лица земли; вѣсть о немъ живетъ лишь въ дѣдовскихъ преданіяхъ, и нужень новый Кювье, что бы дать намъ полюбоваться на него хоть въ окаменѣлости.

Есть другая рѣдкость, которая также существуетъ въ однихъ легендахъ: это человекъ злой. Я знаю

людей съ вредными предразсудками, вредными страстями, но не знавъ ни одного злаго. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что нѣтъ злости въ человѣческой природѣ? къ сожалѣнію, не думаю. Взгляните на невиннаго ребенка, съ какимъ онъ удовольствіемъ ломаетъ свою куклу и мучитъ животное попавшее ему подъ руку. Откуда въ немъ жадность къ истребленію? Да и мы возмужалые, не рады ли посмотрѣть на смертную казнь, на звѣриную травлю? Сколько зла мы творимъ въ мірѣ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, когда оно позволено обычаемъ. Не говоря уже объ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, кто даль намъ право убивать животныхъ и питаться ими? кто позволилъ давить равнодушно насѣкомое случайно ужалившее цѣку? Всякій согласенъ что въ силу теоріи добродѣтели, не слѣдуетъ уничтожать бытіе, которое не мы создали, и которое воскресить не въ нашей власти. Однако мы не пойдемъ же, подражая добродушному дядѣ Тоби въ Триграмъ Шанди, вставать изъ-за стола и выносить комара за окно, съ чувствительнымъ замѣчаніемъ, что обонимъ просторно на свѣтѣ.

Вы спросите, къ чему это пошлое примѣненіе? Къ тому чтобъ доказать не менѣе пошлаю истину, что чистый умъ и чистая добродѣтель не существуютъ.

Не смотря на то, въ прежнія времена жили люди, которыхъ разсужденія походили на образъ мыслей 20-ти лѣтняго студента, только лишь окончив-

шаго курсъ академическій. Въ его юной головѣ раньше разрѣшены всѣ задачи, и весь родъ человѣческой распределенъ на сыновъ тьмы и сыновъ свѣта, ангеловъ и демоновъ, теневъ и блудцовъ. — Но это были времена фашизма и гонимій.

Вольтеръ не любилъ математики утверждал, что она обыкновенно оставляетъ умъ на той самой высотѣ гдѣ застала его. Не углубившись въ науку, онъ не могъ оцѣнить ея высшіе результаты. Но то справедливо, что пылкій способъ судить о вещахъ посредствомъ цифръ, и прирѣнять такъ называемую политическую арифметику къ философскимъ и нравственнымъ наукамъ, кажется намъ счастливымъ изобрѣтеніемъ, и между тѣмъ только поощряетъ лишь, врожденной уму человеческому. Число на первый взглядъ кажется простѣе вещи: предметъ требуетъ осмотра со многихъ сторонъ, а цифра безъ хлопотъ остается въ головѣ и не мешаетъ переходить даѣе. При пылкомъ удобствѣ быть начитаннымъ, мнѣ случалось видѣть людей одаренныхъ счастливою памятью; благодаря статистическимъ таблицамъ, они изъяснятъ перескажутъ вамъ народонаселеніе государствъ, ихъ долги и доходы, квадратъ почвы, длину рѣкъ, площадь морей, — и при всемъ этомъ не имѣютъ ни о чемъ зрѣлаго понятія, — а какъ примется судить о политикѣ, хоть вонъ бѣги. Нѣтъ ничего обманчивѣе арифметическихъ выводовъ. Одна, сначала незамѣтная, погрѣшность въ основаніи — даетъ всѣмъ заключеніямъ ошибочную постройку. Примеръ тому Диопесвы сравни-

тельные таблицы образованности разныхъ департаментовъ Франціи; вы ищете въ нихъ, гдѣ люди образованнѣе, а находите гдѣ больше мальчиковъ и дѣвочекъ ходять читать и писать въ школу. Средство принято за цѣль.

Съ такою же лѣнію большая часть людей слывущихъ зоркими, привыкли судить о степени ума другихъ. Способъ для этого не труденъ. Стоитъ вообразить что умъ есть нечто постороннее, влитое въ голову какъ жидкость въ сосудъ; подайте лишь мѣрку, которую бы можно опустить въ мозговую глубину каждаго, и мы опредѣлимъ тотчасъ, на сколько градусовъ у него ума, сколькими линіями онъ умнѣе М, глупѣе N, и такъ далѣе. Это напоминаетъ о заблужденіи медика, который разсѣкнувъ голову труна, увѣрялъ что можетъ положить палецъ на сѣдалище души человѣческой.

Къ счастью до сихъ поръ не найдено еще такого уметвеннаго градусника, да еслибъ и нашли, то онъ не могъ бы повести ни къ какому точному открытію. Умы различаются не столько *величиною* сколько *качествомъ*; и еслибы съ этой точки зрѣнія, быть досугъ заняться пристальнымъ разборомъ людей населяющихъ землю, мы вѣроятно отыскали бы столько видовъ ума, сколько есть людей на планетѣ; не нашлось бы можетъ быть даже ни одного смертнаго, сколь бы онъ ни слылъ посредственнымъ, котораго умъ, при данныхъ обстоятельствахъ и въ данномъ отношеніи, не могъ бы выдержать

борьбу съ умомъ всякаго другаго. И обратно, земной шаръ не производитъ еще такого генія, которому подь часъ, бѣднѣйшій духомъ изъ его ближнихъ не имѣлъ бы права шепнуть на ухо: другъ, ты дѣлаешь глупость.

Кто знаетъ, сколько примѣчательныхъ умовъ жили и умерли неузнанные, потому что имъ не случилось встрѣтить въ этой жизни сродныхъ себѣ отношеній, и можно ли предвидѣть до какой степени развитія способны дойти умъ, на взглядъ самый обыкновенный, когда обстоятельства укажутъ ему именно то направленіе, для котораго онъ созданъ. Мало-ли примѣровъ находимъ въ Исторіи, что человекъ жилъ, жилъ не обращая ни чего вниманія, когда возникли нежданная событія, и онъ вдругъ выросъ великаномъ, къ удивленію современниковъ и потомства. Смирнѣе, успокойтесь; славные, будьте скромны!

Въ духѣ человѣческомъ двѣ стихіи: умъ и характеръ. Это все знаютъ. Скажу болѣе. Умъ и характеръ связаны цѣпью неразрывною. Одинъ безъ другаго не существуетъ; это одинъ и тотъ же лучъ, который мы аналитическою приемою искусственно разлагаемъ на двѣ краски. Здоровый характеръ облекается умомъ здравымъ; недостатки ума указываютъ на недостатки въ характерѣ; судить о нихъ отдѣльно — нѣтъ возможности.

Характеръ начинается съ душевнаго чувства и доходитъ до воли. Но умъ, влгтый въ обширномъ

значеніи, не есть ли тоже что сочувствіе, помощію котораго мы переносимся во внѣшніе предметы и усвоаемъ ихъ? Мы ошибаемся говоря: умъ *судитъ*, онъ *угадываетъ*, и сужденіе, силлогизмъ, ничто иное какъ формула для повѣрки приговора, заранѣе нами произнесеннаго. Есть множество людей, которые быстро проникаютъ мысли другихъ, но лишь гораздо позже отдають себѣ отчетъ о томъ въ видѣ сужденія. Самымъ умнымъ человекомъ я назвала бы того, кто одаренъ самымъ обширнымъ сочувствіемъ, кто способенъ переноситься и усвоить себѣ наибольшее число душъ, отношеній и предметовъ. Такіе умы рѣдки, блаженныя внутреннимъ равновѣсіемъ способностей, они мало оцѣняются толпою; какъ воздухъ, они не замѣтны для глаза, именно по своей прозрачности.

Для толпы осязательнѣе тѣ умы, которые можно назвать *узелками*; слѣдые со многихъ сторонъ, они одарены явнымъ сочувствіемъ къ одному роду предметовъ или къ одному извѣстному порядку отношеній. Особенно важна ихъ роль въ мірѣ практическомъ, ибо они удобнѣе могутъ служить орудіемъ; а мы по врожденному чувству эгоизма, любимъ принимать людей не за цѣль, но за средство къ достиженію данныхъ видовъ. Для умовъ этого разряда впрочемъ необходимо, чтобы случай опредѣлялъ имъ дѣйствовать въ кругу соотвѣтственномъ роду ихъ дарованій; тогда они счастливы, и снискиваютъ славу. — Игла и долото одинаково полезны; одно вышиваесть узоры, другое пробиваесть камень;

но пускай отличное долото попадетъ въ руки швеи; она уступитъ его за безцѣнокъ, и охотнѣе купитъ плохую иглу.

Есть умы движенія, есть умы созерцанія. Первые преобладаютъ въ нашу вѣкъ: ибо отличительныя его черты суть хлонативность, почти совершенное отсутствіе созерцательной способности, страсть переходить отъ одного мелкаго впечатлѣнія къ другому, ни на чемъ не останавливаясь. Умъ движенія суждено гремѣть въ мірѣ, когда воля у нихъ развита въ сильной степени, и когда обстоятельства даютъ ей просторъ. Но умы созерцанія блаженнѣе внутри себя, независимѣе отъ вѣншихъ обстоятельствъ; сочувствіе и любовь ихъ обширнѣе и глубже. Они и для міра живутъ не даромъ: потомки не произносятъ ихъ имени; но слово въ тишинѣ ими зароненное не умираетъ; оно арѣетъ переходя изъ одной души въ другую, и потомство, наслаждаясь иногда поздней жатвой, почитаетъ другихъ виновниками блага. Какое дѣло святое? онъ былъ и безъ того счастливъ.

Хотите видѣть олицетворенное изображеніе того, что я называю умомъ движенія? разверните у Лаватера портретъ Юлія Цезаря, впрочемъ идеальный. Взгляните на его орлиный взглядъ, на гордую шею, на черты изрытыя мускулами и сжестами.— Хотите-ль видѣть воплощенный духъ созерцанія? поѣжайте въ Дрезденъ, остановитесь предъ картиною Сикстовой Мадоны, сдружитесь съ чертами од-

ного изъ Херувимовъ, который внизу, облокотясь, глядитъ на Богоматерь и Младенца. Лице его безстрастно и спокойно; но взоры утонули въ созерцаніи красоты и величія; онъ вѣкъ будетъ смотреть и вѣкъ не посмотрителъ, непрерывно находя въ нихъ новые источники наслажденій.

Юноша, чье сердце томится жаждою славы, и желало бы кунить ее хоть мученіями! ты ихъ не испытать и потому цѣна тебѣ кажется дешевою. Но когдабъ ты лишь подумаешь, какъ часто известность достигается въ удѣль уметвенной несправильности!—люди скорѣе удивляются уродливому нежели прекрасному; умы привлекающіе рукоплесканія толпы, обыкновенно богаты по одной части, страдаютъ ницетою по многимъ другимъ, и тѣмъ тяжелѣ чувствую свою неполноту, чѣмъ болѣе близки къ истинному превосходству. Тебѣ илѣяется гора, высотой изумляющая путника за нѣсколько сотъ верстъ. Но подойди ближе: едва проходимыя болота отдѣлили ея подошву отъ земли обитаемой, грудь нѣрѣга нагими развалинами скалъ, чело подернуто тучами, и вѣчные снѣга легли на темя, за то что лучъ денницы озаряетъ его ранѣе долинныхъ равнинъ, богатыхъ плодородіемъ.

Мнѣ особенно правится у Омсонатовъ то, что они рѣшились уничтожить отвѣщенные названія болѣзней и хотѣть имѣть дѣло съ одними *симптомами*, признаками. Какалъ нужда ломать голову надъ тѣмъ, чашотка ли у моего знакомаго, или ане-

врязмъ, или желчное разстройство. Спросите чѣмъ онъ жалуется: одышкою, колющемъ въ правомъ боку, или онѣмѣніемъ въ лѣвомъ ухѣ; по этому пропишутъ билліонную долю порошка № 3, 4 или 10, и кончено. Я не вхожу въ медицинскія распри, но полагаю, что судя о недостаткахъ умственныхъ, благоразумно было бы поступать эмпеопатически. Я не понимаю, когда вы говорите: такой-то глупъ или уменъ, добръ или золъ; скажите просто: онъ сего дня поступилъ умно, полезно, благородно или низко. Это для меня ясно. Кто знаетъ, можетъ быть самый тотъ человѣкъ поступитъ завтра совсѣмъ иначе. Не даромъ Испанцы, говоря о личномъ мужествѣ, употребляютъ выраженіе: я былъ храбръ *въ такой-то день*.

Таковы обыкновенно сужденія свѣтскихъ людей, такова сушая практическая мудрость. Огрекнишь произносить общее мнѣніе о достоинствахъ, они сего дня рады дружитья съ тѣмъ, для кого вчера смирительный или желтый домъ казался имъ личною квартирою. Въ этомъ еще нѣтъ ничего противнаго; я первый готовъ идти въ свѣтскіе люди на такомъ условіи. Противна неискренность, когда съ видомъ величайшаго простодушія выдаютъ недостойный, либо весьма обыкновенный поступокъ, за подвигъ добродѣтели — или пожимая плечами, будто мимоходомъ, издѣваются надъ чертою заслуживающей уваженія. Но и въ этомъ случаѣ, рѣже виловато сердце, нежели рассудокъ, гдѣ *прилигіе* заглушило попятіе о *далгѣ*. Вотъ корри-

пой, неизгладимый порокъ свѣтской жизни; будемъ снисходительны; даже изъ него могло бы происходить хорошее.

Люди дѣловые, т. е. посвятившіе себя какой нибудь особой отрасли уметственныхъ занятій, показываютъ въ свѣтъ лишь ненарокомъ, для отдохновенія; но вообще они не уважаютъ свѣта и питаютъ глубокое презрѣніе къ его записнымъ гражданамъ, называя ихъ просто тунелдцами. Посмотримъ же на чемъ основано это обвиненіе? отвѣчаютъ: свѣтскій человекъ не способенъ ни глубоко мыслить, ни глубоко чувствовать; для него главная наука—чужія отношенія, главный законъ нравственный — приличія, главная цѣль жизни — нравиться. Но скажите по совѣсти, эти три задачи въ самомъ ли дѣлѣ такъ пусты какъ вамъ кажется? Начиная съ науки, о чемъ думалъ Пифагоръ, когда называлъ науку наукой, лобомудріе — познаніемъ числа? что же есть число, какъ не самое общее выраженіе отношенія? Умъ, который бы могъ объять взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ предметовъ, былъ бы умъ не только универсальный, но божественный. Обратимся къ частнымъ вѣтвямъ познанія; наприкладъ: къ чему клонятся вычисленія астронома? къ тому чтобы найти отношенія земли къ солнцу, солнца къ планетамъ, планетъ къ неподвижнымъ звѣздамъ, и такъ до безконечности. Исслѣдованія математика не имѣютъ ли цѣлю найти общій способъ открывать отношенія между всѣми возможными величинами, во всѣхъ возможныхъ видахъ? Въ

чемъ заключается вся наука права, если не въ точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей, или другими словами отношеній, какіе должны бы существовать между людьми? Далѣе, человекъ не есть ли для насъ самое занимательное явленіе въ природѣ? слѣдственно познаніе отношеній, не въ теоріи, и на самомъ дѣлѣ существующихъ между нашими ближними, достойно быть однимъ изъ важнѣйшихъ занятій ума истинно мыслящаго.

Вы негодуете на *приличія*. Но скажите, гдѣ первый источникъ добродѣтели? не въ томъ-ли внутреннемъ чувствѣ, помощію котораго мы различаемъ то, что должно, прилично дѣлать, отъ того что не прилично. Не даромъ одинъ изъ семи мудрецовъ, на вопросъ: что есть доброе? отвѣчалъ: *пристойное*. Въ этомъ значеніи понятіе о приличіи выше понятія о пользѣ, выше и общѣе какого бы то ни было теоретическаго опредѣленія добра. — Когда люди приносятъ святую обязанность въ жертву пустому приличію, они виноваты единственно въ томъ, что принимаютъ муху за слона, и разучились постигать истинную важность пристойнаго.

Далѣе, вы не хотите простить людямъ, за чѣмъ они желаютъ нравиться, и въ исполненіи этой цѣли ставятъ свое главное благополучіе. Но назовите мнѣ для земнаго бытія цѣль выше, чище и полнѣе той, что бы оставлять по себѣ пріятное впечатлѣніе при жизни, добрую память по смерти? Желаніе доброй славы, откуда происходятъ всѣ благіе

подвиги, въ обширномъ смыслѣ не тождественно ли желанію правиться? Это самый простой ключъ къ достиженію счастья и для отдѣльнаго человека, и для всего человѣчества. Къ этому счастью, согласитесь, должны клониться окончательно все ваши изысканія и открытія въ наукахъ, художествахъ, устройствѣ гражданскомъ. Следственно васъ мудрѣе, кто избралъ къ нему практическій путь, не проходя сквозь трупы и мятарства, какими вы гордитесь и считаете себя превзоходяще его.

Да! свѣтская жизнь, жизнь утѣхъ и любезности общественной — вотъ окончательная цѣль человѣчества. Она необходимо образуется во всякомъ государствѣ, гдѣ порядокъ, просвѣщеніе и народное богатство создали сословіе, которое можетъ жить исключительно для того чтобъ жить, не преслѣдуя никакой побочной цѣли.

Тоже было въ древнихъ государствахъ, тоже сбывается и нынѣ, только съ тою разницею, что на развитіе нашей свѣтской жизни имѣли сильное вліяніе женщины. Ихъ облагородила Христіанская вѣра. Онѣ въ среднихъ вѣкахъ создали рыцарство, вѣжливость, бытъ семейный, три явленія, о которыхъ древніе почти не имѣли понятія; не во гнѣвъ господамъ полггикамъ, онѣ продолжаютъ и донныи дѣйствовать сильно на насъ и на ходъ нашего образованія. По этой причинѣ, характеръ ея женоподобенъ во многихъ отношеніяхъ. Это не похвала, и не порицаніе, но сущая истина. Возьмите съ одной

стороны современную внутренность, словоохотливость, любовь къ перемѣнамъ, господство моды, мелочное любопытство, мелкую, но замысловатую наблюдательность — съ другой, отсутствіе фанатизма, упорныхъ страстей и крайностей какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и во внѣшнихъ условіяхъ житейскаго быта, нѣжность, здравый смыслъ поведенію преобладающій, не смотря на раздоръ нелѣпныхъ мнѣній и криковъ: — все это не есть ли плодъ женскаго владычества и примѣра? Женщина по своей природѣ, существо умеренное, врагъ фанатизму и великой крайности. Всмотритесь въ нее — вы удивитесь, какимъ чуткимъ наблюденіемъ одарила ее природа, какъ будто въ оборону безсилію и зависности ея пола; какъ легко она способна предаваться сильнымъ ощущеніямъ и мгновенно покидать ихъ, возстановляя гармонію души самымъ непростодительнымъ ея движеніемъ. Мужчина или чуждъ страстей, или становится ихъ игралищемъ. Женщина предается страстямъ и *или шутитъ*. Ея удѣлъ — счастливая средина. Можно сказать почти утвердительно, что если только женщина не испорчена воспитаніемъ, она способна предаваться вихрю веселій, волненій самолюбія, тщеславія, даже любви, и между тѣмъ не забывать священныхъ обязанностей очага семейнаго. Мы возражать примѣромъ женщинъ, которыя въ пылу страсти или фанатизма, забывали все на свѣтѣ, и становились нестовѣе великаго мужчины. Но для этого нужно стеченіе обстоятельствъ, которыя въ книгахъ встрѣчаются несравненно чаще нежели въ жизни; и въ такомъ случаѣ, страсть нестовѣствуетъ

въ женщинѣ по тому же закону противорѣчя, по которому я никому въ мірѣ не совѣтую раздражать человека тихаго отъ природы: его бѣшенство во сто разъ опаснѣе, неумолимѣе гнѣва души пылкой. Не скоро нагреешь металлъ; но растопи его въ горнилѣ, и попробуй дотронуться.

Ужели же обвиненія дѣловыхъ людей противъ свѣтскихъ совсемъ неосновательны? нѣтъ; но этому вина не свѣтъ, а общество и время, среди котораго они существуютъ. Жизнь, заключенная въ кругу любезности, развлеченій, приличій и домашнихъ отрадъ была бы верхомъ счастія и мудрости, въ вѣкъ мирной непорочности и всеобщаго благоденствія. Теперь она видитъ себя потерянною въ толнѣ людей трудящихся, недовольныхъ, презирающихъ настоящее въ слѣпомъ ожиданіи чего-то грядущаго. При томъ, свѣтскіе люди рѣдко бываютъ тверды въ религиозныхъ убѣжденіяхъ. Они же на бѣду живутъ послѣ эпохи шума, великихъ злодѣяній и громкой славы. Все это, я согласенъ, болѣе относится до западной Европы; но у насъ на Руси своя бѣда. Наши щеголи съ молодыхъ лѣтъ начинаютъ всякихъ книгъ и записокъ объ ужасахъ и громѣ Французской революціи; голова ихъ разгорячилась какъ воображеніе ребенка, котораго боня привидѣній, потому что няня настрашала его сказками и быльями. Этого мало; воздосенные на полуиностраннымъ молокѣ, они не умѣютъ, но хотѣли бы сродниться съ величавою жизнію и спокойнымъ развитіемъ Русскаго народа, который ото-всюду

вкругъ нихъ растутъ и процвѣтаютъ. — Въ виду такихъ странностей, они сами не вѣрятъ ненарушимости своего бездѣйствія, дивятся своему ничтожеству. Имъ хотѣлось бы доказать: что и мы-де не праздны, и у насъ-де есть свои хлопоты; прославиться какимъ нибудь дѣломъ, или хотя пошлать бурною страстью. Женщины съ своимъ живымъ воображенемъ и безотчетною охотою къ новизнѣ, ободряютъ это стремленіе. Отъ того въ стаканѣ воды поднимаются бури. Свѣтскій человѣкъ перестаетъ быть истинно безопаснымъ; онъ видитъ въ свѣтской жизни не цѣль, а средства; гоняется за почестями, идолопоклонствуетъ сильнымъ, мечтаетъ о власти и величїи. Разсудокъ его принимаетъ дживвій оборотъ; умъ замѣняется смѣшнымъ подражаніемъ или еще болѣе смѣшною страстію оригинальничать. За недостаткомъ сильныхъ движеній, онъ надѣваетъ маску ironіи, записывается въ брюзги, и радъ бы надѣваться изъ-подъ тишка надо всемъ, что самъ невольно признаетъ святымъ и ненарушимымъ. Онъ чувствуетъ себя какъ бы не на мѣстѣ, ницетъ и не умѣетъ пристроиться.

Или, другое средство сдѣлаться примѣчательнымъ: притязанїя на ученость. Теперь уже прошелъ золотой вѣкъ отцевъ нашихъ, когда свѣтскій юноша безопасно доживалъ до 40 лѣтъ, не зная и не думая ни о чемъ, кромѣ баловъ, гуляній и поздравленій по праздникамъ. Есть еще такіе, но они по ошибкѣ запоздали родиться пол-столѣтіемъ. Въ наше время, благодаря журналамъ, ученымъ словарямъ и сбор-

никамъ, свѣтскій юноша отчаянно начитанъ. Онъ въ начитанности уступаетъ развѣ только литератору, о которомъ будетъ рѣчь послѣ. А ученому куда съ нимъ тягаться? Этотъ несчастный потѣлъ десять лѣтъ, издалъ книгу о какомъ нибудь важномъ открытїи въ наукахъ, и воображаетъ удивить вселенную. Жалкое заблужденіе. Свѣтскій юноша получаетъ не только Библіотеку для чтенія, но Французскія, даже Англійскія Обозрѣнія; не прошло мѣсяца, онъ знаетъ содержаніе книги лучше сочинителя; мало;—можетъ вычислить какія въ ней недостатки, кто прежде занимался уже этимъ предметомъ, какихъ еще открытїй должно ожидать по этой части. Ученый въ карманъ за справкою. Куда ему? Свѣтскій юноша наизусть помнитъ всѣ цѣнги, часто даже на тѣхъ языкахъ, которымъ никогда не учился. Особенно забавное впечатлѣніе оставила подобная встрѣча въ умѣ одного добродушнаго, добросовѣтнаго профессора въ Германїи. Онъ сперва безмолствовалъ, благоговѣя въ изумленїи предъ необъятной воспрїимчивостїю Русскаго народа, и лишь долго потомъ, подводя справки, говорилъ съ видомъ трогательнаго недоверїя къ самому себѣ: «миѣ кажется, между нами, молодой ващъ соотечественникъ *немножко поверхностенъ.*»

Неодолимымъ побужденіемъ играть во что бы ни стало дѣлительную роль, и занимать степень въ общественной іерархїи, объясняется еще одно любопытное явленіе: страсть свѣтскихъ людей идти въ дипломаты. Избравъ это поприще службы, удобно,

по Французской пословицѣ, «соединять выгоду порока съ заслугою доблести». Посвящая ему себя, они не покидаютъ ни прежней безбечности, ни кочевой жизни; напротивъ могутъ предаваться той и другой свободно, съ благороднымъ самосознаніемъ, что жертвуютъ собою для блага согражданъ.

Начиная говорить о дипломатахъ, надо подробнѣе сказать о примѣчательной чертѣ, отличающей отъ нихъ свѣтскаго человека; впрочемъ онъ недавно вздумалъ ее себѣ присвоить; я разумно—манію народности. Признаюсь, я всегда плохо понималъ: что такое—*стремиться* къ народности? стремиться мы можемъ лишь къ тому, чего не имѣемъ. Ты ищешь — следовательно утратишь. —У свѣтскихъ людей, народность недавно стала на ряду съ непреложными требованіями моды: они почитаютъ ее почти столь же необходимою какъ бантики для того, кто ѣдетъ на званый вечеръ. Изъ этого не слѣдуетъ, что-бы они болѣе прежняго читали по Русски, меньше употребили въ разговорѣ галлицизмовъ, меньше любили Англійскій спилль и заморское шарлатанство всякаго рода. За то ужъ непременно у нихъ предложій кучеръ съ огромною рыжею бородою; они отъявленные заступники зимнихъ катаній на горахъ; хоть лопни — подавай имъ лотерейный билетъ общества поощренія художествъ, и подписку на акціи для застрахованія жизни. Дипломатъ свободенъ всѣхъ этихъ слабостей; онъ по ремеслу и по думѣ—гражданинъ міра; притязанія на народность ему безпокойны, и онъ на вѣкъ съ ними простился.

За симъ исключеніемъ, дипломатъ и свѣтскій человекъ, какъ близнецы походятъ другъ на друга. Въ самомъ дѣлѣ, если они не близнецы, то по крайней мѣрѣ современники. Правда, опытные дипломаты выводятъ свое родоначаліе отъ первыхъ вѣковъ міра, увѣряя будто праотецъ Авраамъ имѣлъ уже политическія сношенія съ Мельхиседекомъ, а Дидона очень искусно вела негоціацію, когда подъ будущій Карфагенъ выговарила пространство земли съ воловьею кожою. Но дипломаты, имѣющіе право на такую родословную, принадлежатъ къ скучному разряду людей *дьяловыхъ*: а мы занимаемся свѣтскими людьми, превращенными въ дипломатовъ; сін послѣдніе рѣшительно возникли въ новѣйшія времена, когда свѣтская жизнь нашла столько приверженцевъ, что принуждены были записать ее въ государственную службу. Дипломатъ въ этомъ смыслѣ, и свѣтскій человекъ—близнецы. Однако между ними существуютъ многія тонкія различія.

Во-первыхъ дипломатъ гораздо добродѣтельнѣе и чистосердечнѣе; не смѣйтесь, говорю безъ всякихъ шутокъ; именно: добродѣтельнѣе и чистосердечнѣе.

Свѣтскій человекъ, мы уже сказали, стыдится своей праздности; чувствуетъ ничтожность своихъ занятій; совѣсть его неспокойна. А совѣсть дипломата чиста какъ хрусталь. Свѣтскія приличія, отношенія и праздники, все это для него имѣетъ официальную важность; все приведено въ систему а priori, которой онъ слѣдуетъ съ благоговѣйною точностію.

Надо-ли на балъ? свѣтскій человѣкъ сердится и зѣваетъ; дипломатъ по часовой стрѣлкѣ садится въ карету, и ѣдетъ въ пріятномъ убѣжденіи, что его присутствіе будетъ невалъ заслуга предъ отечествомъ, исполненіе священнаго долга. Понать ли вельможа въ лѣвную немилость? — свѣтскій человѣкъ не знаетъ какъ бы отсертѣться благовидно; дипломатъ у вельможи быть весьма коротокъ; онъ спокойно шлетъ ему визитную карточку, и затѣмъ, по долгу службы, забываетъ о его существованіи.

Свѣтскій человѣкъ страхъ какъ желать бы прослыть дѣловымъ; дипломатъ напротивъ, ищетъ казаться вертопрахомъ; онъ до того привыкъ порхать отъ дѣла къ бездѣлю, путать то и другое, что уже и самъ сбился между ними въ расчетъ. Вы полагаете онъ влюбленъ въ красавицу у которой сидитъ всякій вечеръ въ театральной ложѣ? ни чуть: она родственница дипломата другой державы, находящейся именно теперь въ тѣсной связи съ его дворомъ; надѣвая шаль на плеча красавицы, онъ оказываетъ важнѣйшую государственную услугу; а влюбился? унаси Боже! это моглобы нарушить политическое равновѣсіе.

Онъ начитанъ какъ и все наше просвѣщенное поколѣніе; однако не въ такой степени какъ свѣтскій человѣкъ; за недосугомъ и важными дѣлами, онъ позволяетъ себѣ не читать ни новыхъ книгъ, ни даже рецензій; а отвѣченныхъ сочиненій рѣшительно не терпитъ; за то газетныя новости извѣстны ему

первому по долгу службы; онъ особенно щеголяетъ точностию своихъ свѣдѣнй въ географіи; по пальцамъ вычислить во сколько часовъ курьеръ можетъ прискакать изъ одной Европейской столицы въ другую, гдѣ лучшія почтовые дороги, и особенно гдѣ самыя покойныя гостиницы. Сверхъ того Гогскій календарь у него почти цѣпкомъ въ головѣ, и денежный курсъ на главныхъ биржахъ извѣстенъ ему до подноготной. Онъ нѣрѣдка любитъ сорить деньгами, но вообще нельзя упрекнуть его въ презрѣніи къ благороднымъ металламъ. Дипломатъ питаетъ сердечную нѣжность къ торговымъ людямъ и ему все кажется, будто они ему съ родни. Слова: богатый и почтенный, у него едва ли не синонимы. Деньги—власть: шутить ими не только грѣхъ, важная ошибка.

Ни горькая иронія, ни сплинъ не въ его духѣ. Онъ долговѣченъ на землѣ: ибо ничто не возмущаетъ его тишины внутренней. Довольный своей участью и мѣстомъ, которое заранѣе принадлежить ему во всемірной исторіи, онъ одаренъ счастливымъ благоразуміемъ: *il est toujours si raisonnable*; прилично подшучиваетъ, но почти никогда не критикуетъ; ни за что не сердится; спорить развѣ лишь для того, чтобъ имѣть удовольствіе согласиться. Онъ въ душѣ оптимистъ, и вѣритъ фатализму, не въ томъ отвѣщенномъ смыслѣ, чтобы міръ шелъ по какимъ-то вѣчнымъ уставамъ Провидѣнія, которыми воля человѣческая безъ сознанія покорствуется; нѣтъ—фатализму случая: да и какъ не вѣрить? онъ посмотрѣлся перемѣнъ вдоволь, видѣлъ какъ отъ ма-

лыхъ причинъ родятся великія событія, отъ истинныхъ дѣйствій благоразумныя послѣдствія. Онъ — опытный философъ.

Люблю дипломата за то, что онъ не жертвуетъ несносной въ наше раздражительное время страсти оригинальничать. Онъ хотѣлъ бы походить на всѣхъ какъ Голландскіе червонцы похожи между собою. Увѣрьте его, что пригожая женщина, имбюнда въ столицѣ всѣхъ ума и любезности, выдавала его при какомъ нибудь важномъ посѣтителѣ за человека съ мнѣніями самостоятельными, иди, Боже сохрани, странными. Съ нимъ сдѣлается душно; онъ почтеть ее врагомъ своимъ, подумаетъ что она просто желаетъ его гибели; онъ готовъ требовать суда для оправданія въ клеветѣ, и божиться что ни одно изъ его мнѣній не ново, что оно гораздо прежде сказано было такимъ-то, именно при томъ случаѣ, и т. д.

Теперь же попросите ту же самую женщину молвить при большомъ кругѣ гостей сидящему близко ея молодому, свѣтскому литератору: *vos idées sont toujours si excentriques*. Эти слова произведутъ волшебное дѣйствіе; рука его безнечю заблудится въ густые локоны; онъ томя начнетъ оправдываться. «Ни сколько, мои сужденія могутъ казаться странными; я привыкъ выражать ихъ рѣзко, но честное слово, я убѣжденъ въ ихъ истинѣ; я нахожу ихъ совсѣмъ обыкновенными» Между тѣмъ румянецъ самодовольствія измѣнилъ ему; онъ счастливъ на цѣлый день.

Свѣтскій юноша — волонтеръ по части оригинальности, для моднаго литератора она — хлѣбъ насущный. Не думайте чтобъ онъ бросать ее на встрѣчу всякому, это дожишно, старо; она у него только для избранныхъ. И фракъ его и походка — на послѣдній ладъ; только онъ или всегда носить черное платье, или три жабы на пуговицахъ рубашки, или перстень съ мистическою буквою, или налку съ мертвою головою вмѣсто набабдашника: словомъ, что нибудь да необыкновенное.

Литераторъ начитанъ горше свѣтскаго юноши. Лишь политическія газеты рѣдко достойны его вниманія; развѣ помѣщена въ нихъ рѣчь какого нибудь оратора, съ которымъ онъ неовѣдуетъ духовную симпатію. Онъ имѣетъ сильныя притязанія на ученость и знакомъ съ учеными, хотя самъ про себя почитаетъ ихъ жалкими, прозаическими труженниками. Впрочемъ его познанія ограничены свѣтскимъ обиходомъ; но кромѣ литературной прозы и поэзіи, гдѣ онъ присвоить себѣ право рѣшать безъ апелляціи, онъ изъ оригинальности занимается еще какою нибудь любимою отраслю свѣденій. Такъ молодой кунецъ, кромѣ главнаго торго, изъ охоты любить промышлять собаками, картинами или другой мелочной статью. Эта отрасль свѣденій, какъ любимый пудель, остается въ милости у литератора годъ, много уже два, — и потомъ уступаетъ мѣсто другой; геральдику замѣняютъ химія и сельское хозяйство, далѣе приходитъ чередъ исторіи художествъ, потомъ кабацкаго, наконецъ металлургіи. Теперь

онъ обрабатываетъ въ одно время двѣ части: черепословіе и науку о пашкомыхъ. На его письменномъ столѣ скалится зубы черепъ расчерченный по Галлеовой системѣ; а на стѣнахъ кабинета припилены жуки, бабочки и другіе мученики неутомимаго любознанія.

Въ нашемъ отечественномъ литераторѣ похвально по крайней мѣрѣ то, что онъ вовсе не пишетъ. Въ первой молодости онъ сдѣлался извѣстенъ двумя, тремя журнальными статьями; ихъ довольно для потомства; на этомъ капиталѣ онъ бережливо живетъ нѣсколько лѣтъ; спросить, для чего онъ перестать писать, осмѣлится развѣ лишь новичекъ, невѣжа: ибо все пріятель нашего литератора знаетъ положительно, что у него подъ снудомъ готовится огромное сочиненіе, долженствующее упрочить его безсмертіе.

Похвально, повторяю, что нашъ литераторъ вовсе не пишетъ. Взгляните на его собранія во Франціи, которая со великою почтою даритъ насъ фабричными произведеніями словесности. Тамъ одинъ подслушаетъ анекдотъ или прочтетъ отрывокъ въ старинной лѣтописи, и бухъ посредственною повѣстью или романомъ. Двое другихъ изъ этой повѣсти скрепятъ посредственную драму; четвертый на эту драму напишетъ плохую статейку; иногда, чего добраго, пятый и на эту статейку напишетъ замѣчанія. Читающая публика находитъ, что все это умно, все занимательно; а вижу только разливъ словъ, и

засуху мыслей. — Помните, отвѣчаютъ, за что же вы сердитесь? вѣдь это разговоръ перенесеть въ литературу подъ видомъ газетъ и журналовъ: о чемъ прежде говорили, то нынѣ пишутъ и печатаютъ. — Тѣмъ хуже: разговоръ слово живое, печатная страница — мертвое. Въ разговоръ человекъ говоритъ мнѣ не однимъ языкомъ, но чертами лица, тѣлодвиженіями. Ему труднѣе обмануть меня, нежели сочинителею журнальной страницы, которую я едва имѣю время просмотрѣть, ибо замѣтьте—отъ чрезмернаго чтенія мы почти разучились читать; мы только *просматриваемъ*.

Замѣтьте еще другое досадное послѣдованіе: По мѣрѣ того какъ журналистика и мелкая литература живится на счетъ разговора, самъ разговоръ становится тонче и безцвѣтнѣе. Мы почти утратили способность *беседовать*, т. е. говорить изъ одного удовольствія мѣняться другъ съ другомъ минутными впечатлѣніями, чувствованіями, мыслями. Эта первобытная поэзія разговора можетъ быть еще сохранилась только въ обращеніи съ женщинами: но и тутъ, куда какъ рѣдко она свободна отъ жеманства. Между мужчинами обменъ словъ обходится простѣе; за то въ немъ есть что-то купеческое. Они либо толкуютъ о какомънибудь частномъ дѣлѣ, и выныгавъ взаимныя мысли сколько нужно, молчатъ—или болтаютъ о такихъ пустякахъ, которые забыты едва сказаны. У обоихъ душа остается праздною—отъ того и скука на которую повсемѣстно жалуются въ нашихъ обществахъ. Я не

знаю на пикъ лучшей карикатуры какъ *рауть* въ новомъ Англійскомъ вкусѣ. — Что такое рауть? это не пляска, гдѣ мы любуемся стройными тѣло-движеніями; не драматическое зрѣлище, гдѣ поэтъ намъ открываетъ тайны судьбы или сердца; не дружеская бесѣда; это даже не праздникъ, а хлопотливое биржевое сборище; туда толпа людей събѣгается развѣдать текуція новости, посмотреть чей курсъ поднялся или понизился въ общественномъ балансѣ, и всѣ уходятъ столь же мало знакомые другъ съ другомъ, какъ вошши. Рауть въ наше время необходимъ; на него часъ отъ часу болѣе сбиваются всѣ многолюдныя собранія; онъ вмѣстѣ и зеркало и плодъ современной свѣтлости.

Мы во многомъ опередили древнихъ Грековъ и Римлянъ. Но у нихъ было одно важное преимущество: они меньше насъ читали, и болѣе учились отъ изустнаго сообщенія. Не въ этомъ ли одна изъ главныхъ причинъ, почему древніе писатели дѣлаютъ насъ той первородною силою, той дѣвственной простотою и прелестью выраженія, которая навѣкъ останутся образцовыми?

Положимъ, посреди насъ явился бы новый Анахарсисъ, всемірный путешественникъ, умный сынъ природы. Начни мы увѣрять его, что по нашему, мудрѣйшій изъ смертныхъ, кто на своемъ вѣку перелетаетъ наиболѣе лоскутъ старого тряпья, называемаго бумагою, измаранныхъ чернилами. Онъ подумаетъ что это насмѣшка, и вспомнить объ Ни-

дѣйскомъ браминѣ, который просидѣлъ всю жизнь, не спуская глазъ съ своего мизинца, и прослыть за то мудрецомъ, богоугодиномъ.

Менѣ всѣхъ загромождена чтеніемъ голова воспанаго; онъ въ свѣтѣ заметный гость, и не ищетъ бланкетать умомъ. Женщины почитаютъ его необразованнымъ, но съ природною вѣрностію чувства, которою правильность разсудка у нихъ замѣняется, невольно его любятъ. И какъ не любить? онъ веселъ, онъ красенъ, ему въ государствѣ необходимо предназначена роль замѣтная. Онъ всѣхъ радушите наслаждается свѣтскою жизнью: ибо видитъ въ ней то, чѣмъ она должна быть — средство провести время, и пользоваться юностію, безъ всякой побочной цѣли.

Между извѣстнымъ классомъ людей нашего поколѣнія существуетъ предразсудокъ, что военное ремесло убиваетъ умъ, отучаетъ мыслить. Они увѣрили самихъ себя, будто главный предметъ жизни военнаго — тѣлесныя упражненія. Положимъ на мигу, что это справедливо. Вспомните, господа мыслители, не вашъ ли праотецъ Платонъ утверждалъ, что благое воспитаніе не полно безъ *музыки и гимнастики*, взятыхъ въ обширномъ смыслѣ? Въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа — вотъ золотая истина. Многихъ душевныхъ недуговъ не зналъ бы нашъ вѣкъ, когда бы меньше нерадѣли о воспитаніи тѣла.

Благоговѣніе къ фактамъ, сказали мы сначала; а въ наше время несомнѣнный фактъ — вліяніе не-

куствъ дипломатическаго и военнаго въ быту гражданскомъ. Я не знаю болѣе общаго опредѣленія для Европы, какъ назвать се военно-дипломатическою частию свѣта. Она только и дѣлаетъ, что воюеть да торгуется. Между сими двумя господствующими стихіями, перевѣсъ на сторонѣ дипломатической, Богъ вѣсть ко благу-ли человечества. Мы Русскіе видимъ ее лишь издали, въ сношеніяхъ внѣшнихъ и частию въ торговлѣ. Но въ западной Европѣ она выдѣлась во все дѣла и отношенія внутреннія. Тамъ государства перестали быть дружными семействами. Управленіе въ рукахъ партій, которыя безъ отдыха борются, торгуются, ведутъ между собою негочіаціи. Все лавируютъ, никто нейдетъ прямо къ добру и правдѣ. Прислушайтесь къ словамъ депутата, когда онъ горько нападетъ на распоряженія министровъ. Вы думаете, онъ вѣрится своимъ возраженіямъ? Ни сколько; да и слушатели это хорошо знаютъ. Будь завтра въ министерствѣ онъ или его пріятель, они распорядятся точно также, и тотъ самый ораторъ еще съ большимъ краснорѣчіемъ станетъ защищать то, противъ чего вчера вооружался.

Все знаютъ, какой одинъ изъ главныхъ признаковъ дипломатическаго способа дѣйствія. Онъ занимаетъ средину между торговлею и обыкновеннымъ свѣтскимъ обращеніемъ. На заданный вопросъ никогда не отвѣчаютъ безусловно, а съ извѣстными ограниченіями, уступками, оговорками, въ пользу противной стороны. Чрезъ это и умъ, разсуждалъ съ

самимъ собой, отвыкастъ смотрѣть смѣло въ глаза истинѣ. *Ди и титъ* теряютъ мѣсто въ его словарѣ. *Если бы, кажется, можетъ быть, илькоторыи образомъ, до известной степени*—тъма глубокомысленныхъ словъ такого рода встрѣчаются на каждомъ шагу, и часто стоятъ рядомъ съ выраженіями совсѣмъ противной силы. Напримерь: «замѣчаніе вашего пріятеля *илькоторыи образомъ вполне* основательно; — *ильтъ солищнїя*, вашъ братецъ *кажется* поступилъ очень благородно, — *я тасрдо успреленъ* что онъ *можетъ быть* выиграетъ свою тяжбу; — вы назвали эту краску бѣлою? я рѣшительно съ вами согласенъ, *особливо если* она не сѣрая и не подходитъ къ черной» и проч. и проч. Хотите ли учиться строгосѣ, отчетливости сужденїя? ийдите въ эту школу. За то вы икреймете въ ней три безцѣнныхъ урока: наблюдательность, безпристрастіе и терпимость. Вы увидите какъ разсудокъ, это существо, по вашему мнѣнію непреклонное, гнетел и раболѣнствуетъ въ виду страстей и выгодъ; какъ онъ ловко и простодушно подбираетъ неоспоримые доводы въ ихъ пользу; наконецъ какъ мало истинъ, безусловно истинныхъ, не допускающихъ никакаго возраженїя. Вы на опытѣ ознакомитесь съ умомъ и сердцемъ человѣческимъ, и убѣдитесь что они всегда неразлучно дѣйствуютъ.

Странно: военный быгъ, съ перваго взгляда противоположенный совершенно дипломатическому, ведетъ къ сходнымъ результатамъ, преподаетъ почти тѣ же уроки. Дипломать намекастъ, внушаетъ

уговариваетъ, крадется на цыпочкахъ какъ будто по стекламъ. Военный умѣетъ лишь повиноваться, и приказывать: онъ не въ правѣ даже судить о прегрѣшителяхъ. Что же сходнаго въ сихъ двухъ рѣзко-противныхъ способахъ дѣйствій? То, что оба совершаются гораздо менѣе доказательствами разсудка, нежели вліяніемъ нравственнымъ. Завладѣйте лишь сердцемъ челоуѣка, и его голова принадлежитъ вамъ. Офицеръ не достоинъ энелеть своихъ, если не имѣетъ нравственнаго вліянія надъ рядовыми. Уважайте его, хоть бы онъ и не учился книжной діалектикѣ.

Въ нашемъ отечествѣ военное поприще представляетъ еще одну огромную, доселѣ не довольно цѣнимую выгоду. Оно дополняетъ полу-русское наше воспитаніе. Оно ставитъ юношу, получившаго школьную образованность, въ прямое, личное соприкосновеніе съ коренною массою народа, на которой зиждется сила и величіе Россіи, съ тою массою народа, которой иноземное вліяніе доселѣ коснулось лишь въ матеріальномъ отношеніи. Среди ея свято уцѣлѣли еще старинная *вѣра*, простой Русскій умъ, можетъ быть еще не развитый до степени *образа мыслей*, но искренно, почти слѣпо исповѣдующій *родное чувство*. Военный изъ опыта знакомится съ чувствами, побужденіями, нуждами обширнаго семейства соотчичей. Такъ объясняется почему многіе люди, отъ воинскихъ занятій вдругъ призываемые къ гражданскимъ, обнаруживаютъ практическую сноровку и смѣтливость, иногда превосходную бумажнаго навыка.

Не пещайте же на юношей, зачѣмъ они любятъ начинать службу по военной и дипломатической части. Человѣкъ всегда рабъ своего ремесла. Эти два рода занятій, подобно какъ и всѣ другіе, кладутъ свое клеймо на людей посвятившихъ имъ лучшія лѣта жизни, следовательно порождаютъ и недостатки неизбежныя; но драгоценны какъ средство воспитанія: ибо знакомать коротко съ людьми и людскимъ бытомъ.

Еще недавно Русскій юноша, одаренный способностями, могъ въ столицѣ пройти курсъ академической, въ той же столицѣ записаться въ канцелярскую службу, сочинять бумаги, отличаясь между сверстниками, достигать степеней важныхъ, и умирать, зная людей и дѣла лишь на письмѣ и по наслышкѣ отъ знакомыхъ, большею частію заключенныхъ въ томъ же ошибочномъ кругу.

Это было великое зло. Есть превосходные умы, удачно развившіеся не смотря на такой образъ жизни; но ихъ не много. Подумаемъ о большинствѣ: оно состоитъ изъ умовъ посредственныхъ, и къ числу ихъ сочинитель этой статьи охотно себя относитъ.

Т. Космократовъ.

Май 1837.

САМОУБИЙЦА.

Онъ смертию смерть предупредилъ,
Земля добычу приоткрыла,
Но не въ семьѣ родныхъ могилъ
Его чернѣется могила.
Я видѣлъ блѣдный трупъ въ углу,
Оцѣпсѣла длань съ книжаломъ,
И кровь багровымъ покрываломъ
Запечатлѣлась на полу.
Самоубийцы ликъ кровавый
Какъ Божій гнѣвъ былъ страшенъ мнѣ,
Такъ воню сѣдшійся безъ славы
Презрѣнъ въ родимой сторонѣ.
Не отпѣвали трупъ окаянный,
Но робко въ полночь унесли,
И съ укоризной крестъ печальный
Стоитъ надъ насыпью земли.

Д. Струйскій.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ:
«КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЕ*».

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Палата въ Кремлевскоиъ дворцѣ.)

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Постельничій (старикъ). Прокопій Петровичъ Ляпуновъ въ дорожноиъ платьѣ, сходитъ.

У т р о.

Ляпуновъ.

Изволить-ли проснуться Государь?

Постельничій.

Давнымъ давно. Всталъ нынѣ до заутрени,

Затѣнулъ самъ лампаду, безъ меня.

Предъ образомъ Николаи Чудотворца

Молился цѣлый часъ, колѣна преклоня,

Позвалъ меня: «врача!» — я кликнулъ Нѣмца.

* Эта трагедія уже кончена и скоро поступитъ въ печать.

О здравьи долго съ нимъ державный совѣцать,
 Съ нимъ переносывать тѣ кожаныя книги,
 Что я видалъ въ рукахъ мошенника Разстриги,
 Какъ онъ съ Басмановымъ надъ ними колдовать.
 Вотъ Пьемецъ началъ съ нимъ ученую бесѣду.
 И Царь возвысилъ гласъ руками разводиль;
 Какъ вконанный столъ я у поставца,
 Дыханіи не смѣлъ въ груди перевести,
 Заслушался Царя, какъ пѣнья райской птицы,
 Куда какъ онъ рѣчь и судить мудроно!
 Хоть Русскимъ языкомъ бесѣдоваль онъ съ Пьемцемъ,
 Ни слова я, вотъ Богъ, не разумѣлъ;
 Не диво, Государь туманъ бросаетъ въ очи,
 Не даромъ, колдуномъ въ народѣ онъ сльветъ.

Д л у н о в ъ .

Стыдись старикъ, ты мелень сунцій бредъ. —
 Нашъ Государь смышленіе насъ грѣшныхъ,
 Рѣчь свѣтлая темна, для темнаго ума. —
 Не доросли съ тобой мы до его науки.
 Чѣмъ разглашать въ народѣ пустяки
 Совѣтоваль бы взять Евангеліе въ руки,
 Примѣръ должны давать народу старики,
 Какъ некогда свѣтые Патріархи.
 Въ Законѣ Божіемъ они растли чадъ,
 Не затемняли умъ нечестнымъ суевѣремъ.

Насъ опытъ убѣдилъ сколь гибельно оно:
 Вѣдь суетвѣрь блуждасть вѣчно въ мракѣ,
 Какъ оцунью сѣнецъ, а пламенникъ и ножъ
 Въ рукахъ его вреднѣй чѣмъ у сѣнаго...

Г о с т е л ь н и ч ій.

Какъ рѣчь его, кажись, ни безтолкова,
 А все таки она меня бросаетъ въ дрожь.

(Уходя.)

Пойду и доложу—прямой Оома невѣрный.

Л я п у н о в ь *(одинъ.)*

Не трудно колдуномъ прослыть между невѣждъ.
 Вотъ, Государь, тебѣ неправая награда
 За всѣ твои тяжелые труды
 Въ тебѣ ночи долгія, когда бывало ты
 За книгой бодрствовала за тусклою лампадой,
 Очей своихъ державныхъ не жалѣлъ,
 Законы Русскіе прилежно изучалъ,
 Прозванія воихва ты ждалъ ли отъ невѣждъ?

Я В Л Е Н І Е 2-е.

Царь Василій Юан. Шуйскій и Липуновъ.

Л я п у н о в ь.

Не прогнѣвнись, державный, что тревожу
 Твой краткій сонъ.

ЦАРЬ.

Не я ль велѣть моимъ гонцамъ
 Не знать ко мнѣ ни на-волося пощады?
 Гдѣ бы ни быть я, среди-ль семьи родной,
 Или на пиру, или на одрѣ болѣзни,
 Зови, хотя бы я стоялъ у алтара. —
 Могу-ль безпечнымъ быть и лежаться въ покоѣ,
 Когда взывать къ намъ отечество святое.

(Садится)

Охъ, ноша тяжела на плечахъ у Царя.
 Не зависти достоинъ Царь—участья.
 Высокъ!—мы издали его привыкли видѣть,
 А издали все гладко для очей....
 Какую вѣсть принесть?

Ляпуновъ.

Побѣду надъ врагами.

Царь *(крестится.)*

Хваменье Господу! Здоровъ ли Михаилъ?

Ляпуновъ.

Онъ побѣдилъ Лисовскаго Сапѣгу,
 Тялами Польскими онъ Жабуу заплотилъ.
 Онъ грудью отстоялъ Макарія обитель.

Въ Колѣннѣ теперь раскинулъ станъ,
Ждетъ свѣжихъ ратниковъ себѣ изъ Ярославъ,
Изъ Костромы, изъ всѣхъ низовыхъ городовъ.
И вонювъ своихъ снарядомъ огнестрѣльнымъ
Онъ учить управлять на Европейскій ладъ.

Ц а р ь.

Благодарю его—мои онъ понималъ чувства:
Что храбрость намъ безъ ратнаго искусства?

Л я п у н о в ь.

Какъ порохъ безъ ружья.

Ц а р ь.

Насъ будутъ Шведы бить,
Поляки раздирать Россію не престануть,
Доколѣ мы народность сохраняя,
Къ Россіи не привьемъ плодовъ ихъ просвѣщенья.
Удаченъ ли сей опытъ?

Л я п у н о в ь.

Восхищенья

Не могъ я скрытъ, увидя въ первый разъ
Дружину подъ ружьемъ идущую въ порядкѣ.
Подъ музыку ступали ровно въ шагъ,
Какъ будто слитые въ одну прямую стѣну

Со всей святой Руси притекшіе сыны.
 Забыто было все и споры и раздоры
 О старшинствѣ и чинѣ городовъ.
 Рязанцы объ руку стояли съ Москвичами,
 Тверитянинъ съ Владимірцемъ, Пермь
 Въ строю стоялъ пресвятыи Новгородца.

ЦАРЬ (*съ удосольствіемъ слушающий.*)

Но кто же учить ихъ? ужель племянникъ?

Ляпуновъ.

Нѣтъ.

Къ чему изъ дружбы воевода Зоме.

ЦАРЬ.

Знакомо имя мнѣ, такъ, точно Зоме....
 Онъ защищалъ Кольмаръ въ послѣднюю войну
 Межъ Польшею и Швеціей—такъ точно—
 Онъ сдалъ Кольмаръ Полякамъ...

(*Ляпуновъ киваетъ головой.*)

ЦАРЬ (*грозно.*)

Онъ изменникъ!

Платно на немъ постыдное лежитъ,
 Какъ можетъ ладить съ нимъ племянникъ?

Ляпуновъ.

Не двился,

Вѣдь отъ него перенимаетъ онъ
Дружнѣю управлять и посылать къ побѣдамъ.

Ц А Р Ъ *(лирично.)*

Лишь бы не перенялъ какъ измѣнять Царю.

Л Я Н У Н О В Ъ.

Господь съ тобой! Когда бы вѣдалъ ты, Державный,
Какъ вѣрнѣ князь тебѣ и Руси православной.
Всѣмъ долгу жертвуетъ, какъ истый гражданинъ,
Цвѣтущей юностью, и златомъ, и покоемъ:
День цѣлый носится предъ строемъ дружинъ,
Въ вечерній часъ читаетъ предъ намомъ
Святую Библию,—гостиница царскій твой.
Ты помнишь, отсылавъ для договора къ Шведамъ,
Ты повелѣлъ ему Писаніе читать
И пренія еретиковъ не слушать.
Донинѣ онъ блюдетъ твои слова.
Какъ голубь чистъ душею правовѣрной,
И навожденіямъ не вѣритъ Лютеращъ.

Ц А Р Ъ.

Надежный тотъ слуга, кто вѣрнѣ православию.

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Онъ къ ратникамъ своимъ, я знаю строгъ, суровъ,
Казнить виновниковъ и часто безъ пощады.

Какъ могъ въ дружинахъ онъ порядокъ собности
Одною строгостью!

Ляпуновъ.

Строжайшимъ правосудьемъ

Онъ привязалъ себѣ всѣ Русскія сердца;
Любовію къ нему, какъ бы волшебной цѣпью
Дружины связаны въ единос. Не долгъ
И не одна приверженность къ отчизнѣ
Мчитъ Русскаго въ огонь, на вражье копіе,
Но и любовь къ вождю правдивому, благому,
Достойному пособнику царя.
Когда бъ послушаль ты хвалы, благодаренья,
Младому Скопину. Вся Русская земля
Взрастъ на него, какъ на свѣтило жизни,
На Ангела слетѣвшаго съ небесъ.
Не слышишь ты въ Кремлѣ своемъ высококомъ,
Какъ славить и тебѣ вся Русская земля,
Какъ чествуетъ тебѣ за выборъ восводи,
Не знаешь ты, какъ любо всемъ сердцамъ,
Что постоянно ты своей щедротой царской
Достойнаго вождя изволишь отличать
И по всему судя, надѣяться мы правы,
Что прочишь ты его въ пресмики державы.

ЦАРЬ.

Какъ, Скопина? Возможно ли, а братъ
Димитрій, обойду ли я роднаго брата! —
Старѣйшій онъ.

Ляпуновъ.

Когда-бъ онъ былъ твой сынъ,
Не занкился-бъ я,—но ты бездѣтень.
Власть царская наследника избрать.
Твой братъ старѣйшій, такъ! не въ бородѣ заслуга,
А въ разумъ и сердце — не взыщи,
Что слово вырвалось, — вѣдь я не царедворецъ,
И гдѣть ~~вѣдь~~ я воинъ, не привыкъ.

ЦАРЬ.

Милый мнѣ воинъ безхитростный языкъ,
Чѣмъ сладкій лдъ придворныхъ краснобаствъ.
Будь откровенень, мы съ тобой на единѣ.
Одинъ Господь бесѣду нашу слышитъ.

(Придвигаясь къ Ляпунову)

А знаетъ ли Скопинъ желаніе сіе,
Надѣется-ль достигъ вѣнца?

(Смотритъ на него пристально)

Ляпуновъ.

Онъ знать - то знаетъ,

Да слушать-то не хочетъ, — онъ въ тебѣ
Родителя, Царя и друга уважаетъ
И любитъ пламенно всей чистою душой.

ЦАРЬ (*отодвигаясь*).

Вънца достоинъ онъ за разумъ и смиренье.
 Другой давно воспользовался-бъ тѣмъ
 Въ годшю черную гражданскаго волненья,
 Когда вожди себѣ не сгавить въ стыдъ
 Играть присягою на вѣрность государю.
 Когда же думать онъ выступить въ походъ?

Ляпуновъ.

Вотъ здѣсь онъ начертить весь ходъ военныхъ дѣй-
 ствій.

(*Вынимаетъ изъ за-пазухи бумагу.*)

Онъ царской милости велѣтъ мнѣ доложить,
 Лишь съ государева рѣшится одобренья
 Послѣдовать ему

ЦАРЬ

Подай сюда... (*читаетъ и об-
 думываетъ*).

Освободить Переславль Залѣскій
 И въ Александровской сосредоточить рать —
 Оттуда Поляковъ набѣгами тревожить, —
 Бить по частямъ, ослабить тѣмъ врага,
 Сапѣгу подстеречь, напасть въ расщель, отрѣзать
 Въ селѣ Коринскомъ, — сжечь его — люблю за то!
 Обдумалъ дѣло онъ — подай мнѣ этотъ свитокъ.

(Ляпуновъ подаетъ. Царь развѣтываетъ первую карту Россіи при Годуновѣ составленную)

Вотъ здѣсь Москва, а вотъ Переславль —
 Съ широкимъ озеромъ, вотъ слобода.— Не вижу
 Села Коринскаго—Бояринъ, помоги *(ищетъ)* .

Л я п у н о в ъ (смотритъ на карту).

Въ глазахъ рябигъ, не вижу я ни эги,
 Какія вычуры! насилу разбираю... *(ищетъ)*.
 Москву нашелъ, здѣсь быть родному краю,
 Рязань, Рязань, ты здѣсь моя краса.
 Вотъ синей лентою здѣсь вьется полоса,
 То быть Окѣ. — Ахъ, государь, впервые
 Я хартию Борисову узялъ.
 Похвалъ наслушался въ Рязани ей довольно,
 А видѣть не видать.— *(Любуется, разсматриваетъ съ удовольствіемъ неспѣжды)*.

Ц а р ь (смотря на него съ удовольствіемъ).

Угъшься царь Борисъ,
 Возрадуйся въ твоемъ опальномъ гробѣ.
 Какъ за грѣхи тебѣ народъ твой ни клинетъ,
 Великодушію не измѣляетъ Русскій.
 Онъ съ честію твою заслуги признаетъ,
 Изображеніе твоей страны родной,
 Сей первый плодъ высокаго ума,

Пребудеть памятникъ твоей заботы о Россіи.
 И въ лучший вѣкъ, когда невѣдѣній тьма,
 Какъ утренній туманъ по солнечномъ восходѣ
 Подыметя съ твоихъ родныхъ полей,
 Среди просвѣтителей отечества царей
 Ты возсіяешь вновь и не умрешь въ народѣ!

Ляпуновъ (глядя на карту).

Налюбоваться я картиной не могу,
 Какъ широко раскинулась отчизна,
 Какъ на востокъ она всея грудью налегла.

(Показывая на Балтійское и Черное моря).

Лишь моря нѣтъ у насъ.—Привольно сине море.
 Отъ Немцевъ къ намъ забѣжихъ я слыхалъ,
 Что небо и вода слились тамъ въ сводъ лазурный,
 И ростомъ съ гору тамъ девятый ходитъ валъ;
 Какъ разыграется въ часы погоды бурной,
 Что Волга въ ярости, что Ладога предъ нимъ,
 Чу — море какъ стекло — а волны некротны
 И чуды сталми разгуливаютъ тамъ.
 Китъ восводой тамъ, а рыбы тамъ несметны,
 Вѣдь нашъ осетръ не диво морякамъ
 Лишь неводъ опуститъ, не вытянешь—утонеть....

(въ восторгъ)

Ахъ, Государь, намъ море завоюй.

ЦАРЬ (*откладываетъ къ сторону
планъ Скопина*).

Эй голова, меня ты право озадачилъ.

Смужу я въ заперти, не сладить съ Ляхомъ я,

А по тебѣ — я завоюю Европу! (*Хохочетъ*).

Л я п у н о в ь.

Вотъ, вотъ начертано — Европа! — вотъ она!

Вотъ неуклюжія, щедушныя землицы.

Что пользы въ нихъ! нѣтъ, намъ не надо ихъ!

Стволомъ владѣемъ мы — не надо тощихъ сучьевъ.

ЦАРЬ.

Какимъ стволомъ?

Л я п у н о в ь.

Вотъ видишь-ли, Державный,

Ты поверни лишь хартію вотъ такъ,

Не древо-ли вѣтвистое Европы?

Святая Русь не есть ли стволъ ея?

Не вѣтви-ли его всѣ эти государства,

Не всѣ-ль они на стволъ широкій оперлись,

Не онъ ли ихъ невидимо питаетъ?

Лишь подѣлки ты стволъ и древо упадутъ. —

Я человекъ простой, неграмотной, но смѣю

Вслухъ произнести мое сужденіе при Царѣ:

Для цѣли высшій назначена Россія.

Подпорой царствъ Господь ее избралъ,

И рано-ль, поздно-ль — мы не доживемъ годины —

На дѣлѣ сбудется, что Вышній завѣщаль —

ЦАРЬ (*всплеснувъ руками*).

Спасибо, угодилъ ты мнѣ, Прокопъ Петровичъ,
Таланта за тобой я рѣдкаго не знаю,
Да ты рѣчишь, какъ витія духовный
И съмыль въ сравненіяхъ, — какъ дивный элатоустъ;
Но сердцу мнѣ твоя блага притча.
Тщеславыю Русекаго она невольно льстишь.

(*Торжественное молчаніе.*)

Поддерживать должны народную мы гордость,
Величья Государствъ зародить въ ней сокрытъ.
Коль благородную въ себѣ увѣренность питаемъ
И вѣру теплую въ Создателя хранимъ,
Мы въ буряхъ жизни сей въ конецъ не погибнемъ;
Какъ мѣсяць въ облакъ исчезнувъ, возблестимъ.
Иди, Господь съ тобой, ты сослужилъ мнѣ службу.
Для новаго пути оправься, отдохни.
Отъ царской трапезы тебѣ сошло я блюдо...
Спасибо за твою къ племяннику любовь;
Онъ Шуйскій какъ и мы, ты любишь нашу кровь.
За вѣсти добрыя пребудемъ благосклонны, —
Что до пресемника, ты выкинь изъ ума.
Судить, рѣшить не намъ, гдѣ править Божья воля.

(*Ляпуновъ уходитъ*)

И. Оводовскій

ИМЯ МИЛОЕ РОССИИ.

У подножія Бакана,
На побѣдныхъ берегахъ,
Имя милое Россіи
Часто на моихъ устахъ.

Часто вырваршисъ изъ града,
Всадникъ страшный и нѣмой,
Я въ раздумьѣ тду, тду
Долго всё на сѣверъ мой.

Часто, родина святая,
За тебя молюсь во спѣ;
Даже въ образахъ чужбинны
Вѣрный ликъ твой свѣтитъ мнѣ.

Слышу ль моря плескъ и грохотъ
Я сочувственно горжусь,
Мысля: такъ гремятъ и плещетъ
Вновь прославленная Русь!

Вижу-ль минареть всходящій
Бѣлый, стройный въ облака,
Я взываю: наша слава
Такъ бѣла и высока!

♦

И объятый гордой думой
Я не помню сердца ранъ:
Имя милое Россіи
Мнѣ отъ скорби талисманъ.

В. Туманскій.

1850
Бургасъ.

— — —

ЛѢТОПИСЬ

СЕЛА ГОРОХИНА.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть, и не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у котораго батюшка былъ некогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человекомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ, и къ сожалѣнію никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его какъ нѣкоего древняго полу-бога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ

его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ пустою милою, издавшею изысканій новаго Нибура. Однако же оны все преслѣдовали мое воображеніе, я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ, что долженъ оны быть походить на Земскаго Засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву, и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ; ибо насъ разлучили передъ вступленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню..... (*)

Сія эпоха жизни моеѣ столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранее прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употребляю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный; — прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ свернуть на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогою. Хотя я права отъ природы тихаго, но нестерпиво увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣю мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями; и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развѣ-

(*) Здѣсь въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и изъ написанныхъ!—Ред.

зывать конскіе, то признаюсь раза три и ударить его, что отъ роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все таки затягивалъ гужи. — Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Безъезки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, — теперь обращенъ былъ въ некоше- ный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всеми ими цѣлуясь: мои потѣшныя мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Женщинамъ говорить я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла.» — И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на

заднее крыльцо, на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ какъ многострадательнаго Одиссея. Побѣжали толпить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣду или ужинъ — ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ конхѣ жила кормилица съ двумя дѣвками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители, и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ Засѣдателями, Предводителями и всевозможными губерскими чиновниками. Наконецъ принять я наследство и быть введенъ во владѣніе вотчиной. — Я успокоился, но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ соседомъ моимъ * *. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли щетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Послышшиль Писемниковиль*, въ которомъ я зналъ на какой страницѣ, какую найду строчку. Пастолцій же заслуженный писемовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ потерялъ для

меня прежнюю свою прелесть; я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому что нибудь сочинить? Благо-склонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги.

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ-ли я надѣяться попасть когда нибудь въ число Писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтитъ съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разказать въ доказательство всегдашней страсти моея къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ П. б.; я прожилъ въ немъ недѣлю, и не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ * * негражную съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлаинъ, въ драмѣ: *Зна-вистъ къ людямъ и раскаяніе*. Утромъ, возвраща-ясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфектную лавку, и за чашкой шо-коладу читалъ Литературныя журналы. Однажды

сидѣть я углубленный въ критическую статью *Благославленнаго*; вдругъ некто въ гороховой шинели ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки, тихонько потянулъ листокъ Гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазу. Незнакомый спросилъ себя бифстекку и съѣлъ передомною; я все читалъ не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито поборанилъ мальчика за несправность, вынулъ пол-бутылки вина и выпилъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. «Знаешь-ли кто это былъ» сказалъ одинъ другому — «это В, сочинитель.» — Сочинитель, воскликнулъ я невольно — и оставя журналъ не дочитаннымъ и чашку не допитою, побѣжалъ расслачиваться, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во все стороны увидѣлъ я издали гороховую шинель, и пустился по Певекому проспекту — только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкнуть его на тротуаръ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ сего выговора, я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою поминутно встречались мнѣ офицеры, я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель: «позвольте спросить,» сказалъ я присгавя ко лбу руку, «вы г. В. коего прекрасныя статьи имѣть я счастію

читать въ Соревнователь Просвѣщенія? Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не сочинитель, а стражничій; но В мнѣ очень знакомъ, четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго мосту. Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился съ твердымъ намѣреніемъ наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды Поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ), были мною разобраны, оценены, и я непременно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной Исторіи. Не должно искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу

Къ стихамъ пріобрѣлъ я нѣкоторый навѣкъ, переносивая тетрадки ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Ирпенскіе пруды, опаснаго сосѣда* и т. д. Не смотря на то поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ что эпическій родъ не мой родъ и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу — но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, я

начать и благополучно окончить: подпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что подпись моя была не во все недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодого стихотворца, однакожь я почувствовалъ, что не рожденъ поэтомъ, и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки, такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ перейти къ прозѣ. На первый случай не желая занятъ предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ не повинующійся законамъ разсудка, и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію.»

Мысль конечно справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти, но не умѣя съ непривычки расположить вымышленное произшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, иногда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало по малу, образовалъ я свой

слозь и пріучился выражаться правильно, пріятно, и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочныя и сомнительныя анекдоты, для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій, давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ въковъ и народовъ, казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моею жалкою образованностію? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощилъ уже ими? Стану-ль писать исторію всемірную — но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь-ли къ исторіи отечественной—что скажу я послѣ Татищева, Щербатова, Голікова? и мнѣ ли рыгься въ лѣтописяхъ, и добираться до сокровеннаго смысла обвѣтшалаго языка, когда не могъ я выучиться цыфрамъ Славнскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, на пр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій для меня неодолимыхъ! Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для поэтѣтика, и представляла мало нищи краснорѣчію. Единственное замѣчательное происшествіе сохранившееся въ его лѣтописяхъ,—есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственныя мѣста.

Нечаянный случай разрышил мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя, въ то самое время, какъ я сидя за моею тетрадкою грызъ перо, и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги!— «Книги!» повторилъ я съ восторгомъ, и бросился къ корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ, въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ, все же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиной серебра.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799 г. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вылетаемые въ календари, были все написаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что они заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные щеты, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоценныхъ записокъ, и вскорѣ нашелъ что онѣ представляли полную исторію моей вотчины, въ теченіи почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ несто-

цимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюдений. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ, заняло меня исключительно — ибо увидѣвъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина; и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлыя шесть мѣсяцовъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего Ноября 1827 года. Нынѣ какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, когото имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ, кладу перо, и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершенно. Кажется и мнѣ, что написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ, и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина: 1.) Собраніе старинныхъ календарей 55 частей. Первые 20 частей писаны стариннымъ почеркомъ съ титулами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, напримѣръ: 4-го Мая Снѣгъ. Тришка за грубость бить. 6-го Корова бурая пала. Сенька за пьянство бить. 8-го Погода ясная. 9-го Дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство бить..... и тому подобное безо великихъ размышленій. 11-го Погода ле-

ная, пороня; затравилъ трехъ зайцевъ. — Остальные 55 частей писаны разными почерками, болышею частию такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодovitо, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кой-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксин Алексеевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтописъ Горохнинскаго дѣльца. Сія любопытная рукопись отыскана мною у моего пона, жена-таго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны, и употреблены дѣтми священника на такъ называемыя змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ было возвратитъ дѣтмъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ неписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью, успѣлъ спасти остальное. Лѣтописъ сія, пріобрѣтенная мною за четверть ова, отличается: глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязагъ многимъ Аграфенѣ Трифионовой, матери Авдея старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревнжскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ, касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

5-го Октября.

Баснословныя времена — староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго, покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны, что оброкъ собирали единожды въ годъ, и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащикова не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили прихвально, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достоверно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкннхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчь, мірскою сходкою называсмой.

Въ теченіи времени родовыя владѣнія Бѣлкннхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Объединившіе внуки богатаго дѣда, не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже

уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчь; старшины витѣйствовали; міръ волновался—а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы писанныя на засадской бумагѣ и запечатанныя грошемя.

Мрачная туча встѣла надъ Горохиннымъ—а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ вѣствованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчій именуемое , или бродилъ по улицамъ, обильнѣе между собою и громко воспѣвая пѣсни Архина Лысаго, — въѣхала въ село ямская крытая бричка, заложенная парюю клячь сдва живыхъ: на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ—изъ брички высунулась голова въ картузъ, и казалось съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили новозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою возкраія одѣждь, безумцы глумились надъ Еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо! . . . *Ап. топись дѣлка*). Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда прѣзжій вынырнувъ изъ нее, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно.

но. Староста былъ неграмотенъ. Послали за Земскимъ Авдѣемъ. Его нашии не подалеку спяшаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и Земскаго Авдѣя, съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькой чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное происшествіе, но вскорѣ брѣчка, жидъ и незнакомецъ были забыты; день кончился шумно и весело—и Горохино заснуло не предвиди что ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане одинъ за другимъ явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевой площадью. Глаза ихъ были мутны и красны; лица опухлыя; они зѣвая и почесываясь смотрѣли на челоуѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы—и старались припомнить себѣ черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и Земской Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ съ видомъ подобострастія и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ. —Всѣ ли-ста здѣсь?—повторилъ староста.—Всѣ-ста,

отвѣчали граждане, а староста объявить, что отъ барина получена грамота и приказалъ Земскому прочесть ее во услышаніе міра. Авдѣй выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее: (В. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона Старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ.)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего повѣренный мой ** ѣдетъ въ отчину мою село Горохино, для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего ** имъ мужикамъ слушаться какъ своимъ собственнымъ, и все чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда ** растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта—произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите-жь вы у меня, не очень умничайте—вы я знаю, народъ избалованный, да я небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ, скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ и Горохницы какъ гро-

момъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

*Правленіе прикащика * *.*

* * принявъ бразды правленія онъ потребовалъ опись крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы,—она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія :

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе тѣмъ смиреннѣе.—Въ слѣдствіе сего * * старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недопмки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же по его расчетамъ трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недопмокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рескрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю; ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разо-

реинаго. Мірскіе сходки были уничтожены. Оброкъ собирають овъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики кажется платили и не слишкомъ больше противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино приуныло, базаръ запустѣлъ, ивены Архина Лысаго умолкли; ребятишки пошли по міру и день храмоваго праздника сдѣлался по выраженію льгонника не днемъ радости и ликовапія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Донесеніе Горохинскаго старосты.

Посадили окалпный прикащикъ Антона Тимофьева въ желѣзы, а старикъ Тимошей сына откупилъ за 100 руб., — а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупили отецъ за 68 руб., и хотѣлъ окалпный сковать Леху Тарасова, но тотъ убѣжалъ въ лѣсъ — и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣствовалъ во словесахъ — а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пльницу.

Времена историческія.

Страна (Горохинымъ называемая по имени столицы своей, — число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ Сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховымъ и Переуховымъ (кого обитатели бѣд-

ны и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію зайчей охоты). Къ Югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбонашцевъ — сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ жестокостію правовъ. Къ Западу облегаютъ его цвѣтуція поля Захарыинскія, благоденствующія подѣ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ. Къ Востоку примыкаетъ она къ дикимъ необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клоква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ бытъ обиталищу некоего бѣса.

НВ. Сіе болото называется *Висошкннѣ*. Рассказываютъ, будто одна полу-умная пастушка стерегла стадо свиней не далеко отъ сего мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая; глазъ народный обвинилъ болотнаго бѣса, — но сія сказка не достойна вниманія Историка и послѣ Шибюра не прости-тельно было бы кому ей вѣрить.

Издравас Горохно славилось своимъ плодородіемъ и благораствореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и словой лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ, на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клоквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные

въ смѣтанѣ представляють пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями; а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрыя, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностию.

НВ. Баба здоровенная. Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревнскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многие изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околѣхъ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступаютъ имъ въ отважности; рѣдкая изъ нихъ боится старосты. Онъ столь же цѣломудренны какъ и предестны; на покушенія дерзновеннаго, отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обширный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ подобно древнимъ Скандинавцамъ.

динавамъ, а прочее время года переходять въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до коленъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшительно отрасль Славянскаго, но столь же разнится отъ него какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями — нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожь Русскимъ легко понять Горохинца и обратно.

Мужчины женятся обыкновенно на 13 году, на дѣвцахъ 20 лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіи четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужа уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ: въ самый день смерти покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ, въ ту самую минуту какъ его выносили въ гробъ за околицу. — Жены оплакивали мужевъ воли и приговаривая: «Свѣтъ, моя удалая головушка! на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?» — При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника; и родственники и друзья бывали пьяны два, три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію

и привязанности къ его памяти. Сѣи древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохницевъ состояла изъ рубахи, надеваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимною носили они овчинныя тулупы, но болѣе для красоты нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надевали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія, издревле находились въ Горохницѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. — Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтописецъ упоминаетъ о Земскомъ Терентѣи, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человекъ прославился въ околудкѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадалъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его, были уже слишкомъ извѣстны. — Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ), важную роль и въ исторіи Горохница.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохницевъ; балабайка и волянка услаж-

далъ чувства и сердце, понинѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Довольно стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти погومتва. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
 Акимъ староста идетъ,
 Берки въ пазухъ несетъ,
 Боярину падаетъ;
 А бояринъ смотритъ,
 Ничего не смыслитъ.
 Ахъ ты староста Акимъ
 Обокрасть бояръ кругомъ,
 Селю по мірупустишь,
 Старостиху падаришь.

Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія, далеко превосходятъ они идилліи г. Сумарокова. И хотя въ щеголеватости и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними зачѣтливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнился. Оно попеременно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды

и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія, будутъ развиты мною, въ теченіи моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со правами и обычаями ея обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію.

А. Пушкиль.

МОЛІТВА.

Хочу я молитися; душа моя просить
Бесѣды отрадной съ источникомъ силъ;
Волненіе міра она не выносить,
Ей мало куреній обычныхъ кадилъ,
Ей тусклымъ сіяньемъ горятъ наши свѣчи,
Безжизненны наши хвалебныя рѣчи,
И слабъ и незвученъ нашъ клиръ!
О дайте мнѣ волю! гдѣ степи родныя
Синясь съ небосклономъ въ безбрежной дали,
Гдѣ чистые своды небесъ, голубые,
Лобзаютъ зеленныя волны земли,
Туда полечу я: въ часъ грозныя буря,
Какъ вѣтеръ взволнуетъ степной океанъ,
И тучи столпятся въ небесной лазури,
Безтрепетно стану на дикій курганъ.
Пусть небо сверкастъ святыми огнями,

Земля, какъ преступникъ, дрожитъ подъ ногами;
Спокойствіе ляжетъ на душу мою.
И тамъ я внимая громовъ перекаты,
Святую молитву, Святому трикраты,
Языкомъ достойнымъ спую!

Е. ГРЕБЕНКА.

ГРУСТЬ.

Я счастливъ ; бремя нуждъ не тяготитъ меня ;

Покоемъ совети довольный,

Его на блескъ вѣнца не променяю я . . .

Что-жь ностъ все дуна и въ дальнѣе края

Несется съ грустнѣю невольной ?

Не знаю , но та грусть сжилась съ душой моею

Какъ сила дивнаго недуга ;

Всегда, вездѣ со мной, отъ самыхъ первыхъ дней:

Средь дѣвъ, за чашкою, въ родномъ кругу друзей,

Въ часы безпечнаго досуга . . .

Слежу ли взоромъ я за цѣпью облаковъ,

Бѣгущихъ по зыблямъ небеснымъ,—

Она влечетъ меня обътомъ тайныхъ сновъ

На край земли, туда, гдѣ неба легкой кровъ

Спустился куполомъ чудеснымъ ;

Туда, гдѣ ярый вѣтръ взволнованныхъ морей
Клубить мятущіяся воды:
И грустно, грустно мнѣ, и для души моей
Понятенъ стонъ волны, зовущей купно съ ней
Искать простора и свободы...

Иль въ часъ, какъ пламень дня потухнетъ за горой,
И на спокойномъ лонѣ ночи
Какъ сны разсѣются свѣтила надъ землею,
И грудь споконется... но грустенъ тотъ покой,
И къ звездамъ я подъемлю очи:

Гляжу, и мнится мнѣ, ихъ безмятежный свѣтъ,
Какъ взоръ подруги благосклонной,
Шлетъ путнику земли таинственный привѣтъ,
И я готовъ летѣть, вдаль отъ земныхъ суетъ,
Въ пучину синевы бездонной...

На перепутьи-ли урочномъ своего
Безсмертнаго существованья,
Нашъ духъ тоскуетъ здѣсь, и рвется изъ него
Въ путь дальній... въ міръ иной? Иль жаль ему того,
Отколь вступилъ онъ въ путь изгнанья?

Какъ знать? Но тайный гласъ мнѣ шепчетъ какъ
во снѣ

Что на землѣ я гость минутный;

Что родина души въ падзвѣздной вышинѣ;

Что я по ней грущу, какъ по родной странѣ

Грустить изгнанникъ безпріютный!

М. Деларю.

1835 года.

ВОСПОМНАНІЯ О БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священная для души поэта. . . .
Она Державнымъ воспита
И славой Русскою полна.
Еще донинѣ тѣнь Назона,
Дунайскихъ ищеть береговъ.

(Пушкинъ посл. Баратынско-му изъ Бессарабіи.)

Отъездъ изъ Тельчнна.—Книженіе во время вѣстности въ немъ Госу-
даря Императора Александра;—Балъ.— Знакомство съ SOLITUDO
GETICAE.—Трапнновыя вѣлы и значеніе ихъ.—Кіевецъ на Дунавъ.—Аккерманъ.
— Озеро Овидево.—Овидевы Гелы есть Готы.—Овидевы метаморфо-
зы—подражаніе Эдда.— Описаніе сотворенія міра взято имъ изъ
Волосна.—Днѣстръ.—Селенца, или мѣста бывшихъ селеній Татарскихъ.—
Колоши въ Буджакѣ.—Средняя и верхняя часть Бессарабіи.—Орхей.—
Монастырь въ скалѣ.—Хотинъ.

Когда приостановишься на пути и взглянешь на-
задъ, сколько было свѣта и жизни, въ погаса-
ющемъ, сумрачномъ отдаленіи! сколько потеряно
тамъ надеждъ, сколько погребено чувствъ! Те-
перь и тогда, здѣсь и тамъ сколько времени и

пространства между этими словами! . . . и все это населено уже безплотными образами, безмолвными призраками.

Когда пронеслась печальная вѣсть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла въ памяти знавшихъ его, — и первая грусть была о Пушкинѣ - человѣкѣ. Все перенеслось мыслію въ прошедшее, въ которомъ видѣю и знаю его, чтобы потомъ спросить себя: гдѣ же онъ?

Я узналъ его въ Бессарабіи, и очеркъ этой страны будетъ рамой, въ которой я вставлю воспоминаніе о Пушкинѣ.

Въ 1818 году, я отправился изъ Тульчина, главной квартиры 2-й арміи, въ Бессарабію. — Меня сопровождали въ дорогу слухи о нестерпимыхъ жарахъ, о стенахъ населенныхъ змѣями, скорпіонами и тарантулами, о чумѣ, о вѣчныхъ лихорадкахъ . . . но я былъ тогда еще въ первой порѣ юности, съ головой, которая не задумывалась, съ чувствами ненапуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проѣздъ по Подольской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ былъ еще спокоенъ: въ ней нѣтъ ничего пустынного, хотя я и не имѣлъ еще понятія о ея красотѣ во время лѣта, о ея протяжныхъ долинахъ, устьинныхъ селами посреди садовъ, огражденныхъ тополями. Но проѣзжая по Херсонской губерніи отъ Бал-

ты до Дубосарь, я уже считалъ это пространство преддверіемъ Гетскихъ пустынь. По дорогѣ нѣтъ ни одного селенія, станціи уединенно стоятъ въ полѣ, и это только хата, безъ ограды, даже безъ сарая и конюшни; ибо почтовый лошади пасутся постоянно въ табуны близъ станціи. — Наконецъ я пріѣхалъ въ Дубосары, грустный городокъ, въ которомъ не съ большимъ одна церковь и не съ большимъ одна харчевня, утоляющая голодь проѣзжихъ чѣмъ Богъ послалъ. Но передо мной уже была туманная полоса, за которой злелались берега Бессарабин. Я уже смотрѣлъ на гряды возвышеній и на далекую долину, по которой извивался Дунай къ морю.

Проѣхавъ карантинъ и таможенно, я переправился чрезъ древній Тирась, задумался и очутился подлѣ корчемки Молдаванской, одинъ, какъ сирота: почтарь Дубосарскій сложивъ мои вещи съ брочки на землю, поскакалъ назадъ, какъ отъ брошеннаго на жертву чумъ, змѣль, знойному солнцу и будущности. Покуда съ Кривинской почты пріѣхала за мной почтовая каруца, я просидѣлъ на завалинкѣ хаты и просмотрѣлъ на физиогномію Молдавана, который мнѣ повторялъ время отъ времени: *акушь, акушь* (*)!

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ я услышалъ свистъ, дребезгъ, и хлопанье бича; пріѣхала каруца не больше дѣтской колыбели; я усѣлся въ нее; *суруджи* (**)

(*) Сей часъ, сей часъ.

(**) Ящичъ — такъ произносится, вѣроятно, каруцаръ — отъ каруца — Caruque.

верхомъ на одной изъ запряженныхъ веревочными шлейками въ дышло клячь, закрутилъ долгохвостый бичъ, хлопнулъ по воздуху надъ двумя передними копытами, которыми онъ правилъ — и экипажъ мой затрещалъ какъ пожарная трещетка.

Новая страна, новые чувства; я углублялся въ горы и долины Бессарабіи, какъ въ таинственный Дульмагъ. Все уже одѣлось зеленью, дышало Масмъ; и я живо чувствовалъ разницу между правымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣстра. Кажется что природныя календари ихъ разнятся цѣлымъ мѣсяцемъ: — въ Бессарабіи весна, а въ Подольской губерніи едва только показались ея вѣстники.

Впечатлѣнія при въѣздѣ въ Кишеневъ, не могли высказаться иначе, какъ высказались въ «Странникѣ.»

Я пріѣхалъ въ Кишеневъ въ самое счастливѣйшее время его, когда все готовилось съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ приѣму Императора Александра. — Молдавскіе Бояре стекались отсюда въ Кишеневъ, и этотъ городъ закипѣлъ народомъ.

Встрѣчи Императора я не могъ видѣть; ибо былъ занятъ въ это время у кн. М....., который пріѣхалъ передъ Государемъ. Это было уже въ сумерки; но я слышалъ клики встрѣчи, которые раздавались неумолкающимъ гуломъ, приближаясь отъ

возвышеній по дорогѣ изъ Бѣлицъ къ городу, неслись городомъ и умолкли на время у собора, чтобъ снова сопровождать Императора до дома Намѣстника. Возвышаясь на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ, этотъ домъ превратился мгновенно въ дворець Освободителя Европы.

На другой день, 28 апрѣля (1818) Государь Императоръ былъ въ Митрополіи у обѣдни, и потомъ на завтракъ у сѣдовавшаго Экзарха Гавриила.

Въ тотъ же день Его Величество удостоить присутствіемъ Своимъ балъ данный дворянствомъ Бессарабскимъ, въ огромной залѣ нарочно устроенной въ домѣ Т. Крупенскаго. — Въ угожденіе излщному вкусу Государя къ колоннадамъ, явился вокругъ залы рядъ огромныхъ колоннъ порфироваго цвѣта, обвитыхъ вѣями разноцвѣтныхъ огней.

Съ позаранка зала наполнилась уже боярами, куконами и куконницами. Намѣстница (*) успѣла въ короткое время много внушить образованнаго вкуса въ дамъ Кишиневскихъ: онѣ знали что такое балъ, чувствовали уже необходимость во Французскомъ магазинѣ модъ, умѣли уже рдниться по Вѣнскимъ и Парижскимъ образцамъ, умѣли рисоваться въ кадрилихъ и мазуркахъ; но къ балу, гдѣ будетъ присутствовать Императоръ, съѣхалось множество Бояръ, со всѣхъ сторонъ, даже изъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи, Бояръ, которымъ извѣстны были только приличія Азіятскіа.

(*) Викторія Станиславошна Бахметова.

Притѣжлія куконы облеклись во всю роскошь Европы и Востока; и еслибъ намѣстница, какъ заботливая хозяйка приѣма, не обратила заблаговременно вниманія на нарядъ посѣтителей, Государь засталъ бы на балу всѣхъ дамъ, окутанными въ драгоценныя Турецкія шали; а болръ въ кочулахъ (*) и въ папушахъ (**), сверхъ желтыхъ и красныхъ *мисити*. Почти передъ самымъ входомъ Государя, шали были сняты; а *папуши* нѣсколькихъ сотъ челоувѣкъ были свалены въ кучи за колоннами.

Когда Государь вступилъ въ залу, все стѣснилось въ молчаніи, безъ шума, почти незамѣтно, въ кругъ, коего первые ряды состояли изъ женщинъ; женщины окружали стѣной бородатые, первостатейные болре, а за ними болре втораго и третьяго класса.

Государь открылъ балъ съ намѣстницей, и обошелъ съ нею, преслѣдуемый рядами Польскаго, чрезъ всѣ комнаты; удостоить вниманія другихъ почетнѣйшихъ дамъ; потомъ началась Французская кадрили, первая въ Кишеневѣ, выученная въ домѣ намѣстницы.

Неподвижность всѣхъ, царствующая тишина и взоры устремленные на Государя, разговаривавшаго съ Принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ и намѣстницей, должны были скоро Его утомить:—Его Величество

(*) У Молдаванъ кочула, смушковая сѣрая шапка въ родѣ опрокинутой огромной корчаги, не снималась прежде ни въ церкви, ни даже передъ Султаномъ, подобно чалмѣ.

(**) *Турфаш* сверхъ *мисити* или желтыхъ, красныхъ сѣбялиныхъ носковъ. —

пробыть не болѣе двухъ часовъ ; но передъ отъѣздомъ любопытствовала видѣть Молдавскіе танцы. Лучшій во всей Молдавіи оркестръ музыки, вышесанный изъ Яссы, грянулъ въ кобзы и въ скрипки; цыгане запѣли.

«Мититика, мититика, винамъ коачь!

Баю, баю, намъ чи фачь!»

Бояре и куконы стали въ кругъ, — Джокъ начался.

Въ воспоминаніе посѣщенія Государемъ Императоромъ Кишинева, намѣстница подали мысль завести публичный городской садъ. Сколько я могу припомнить Государь Самъ избралъ мѣсто въ право отъ Митрополіи.

На третій день Государь выѣхалъ изъ Кишинева; но жители долго еще хвалились, что Императоръ называлъ Бессарабію золотымъ краемъ.

Съ 1818 года по 1821 годъ, означенный Греческой Этеріей, я познакомился съ Буджакомъ, или бывшей Татарской частью Бессарабіи. Тогда еще почти все пространство между рѣками Прутомъ, Днѣстромъ и верхнимъ Трапезнымъ валомъ, была маловаселенная степь, изрѣзанная протяжными хребтами, которые сглаживались къ морю, и образовали часть пустыни, носившей некогда названіе Solitudo Getica, и тѣ сѣдыя волны ковыля, посреди кото-

рыхъ ицѣ-ицѣ, видна крытая *арба* чабана (*), уединенное кѣпцю, или хуторъ, обставленный пирамидами кизлка. Это-то пространство воспѣлъ Мицкевичъ, подъ названіемъ «Аккерманскія степи».

Но часть Буджака, прилежащая къ рѣкѣ Пруту, гористѣе и населеннѣе; самый же холмистый берегъ отъ м. Формозъ до Вадулуй-Исаки покрытъ садами и представляетъ въ миниатюрѣ Италію, безъ ея исторій и памятниковъ прошедшаго величія.

Здѣсь-то, надъ самымъ селеніемъ Вадулуй-Исаки, начинается тотъ знаменитый валъ, который прозванъ *Траяновымъ путемъ*. Но тутъ имя Траяна Императора кажется не можетъ играть никакой роли: Бессарабія никогда не принадлежала Римлянамъ: рѣка Прутъ была границей Дакии; валы Бессарабскіе не могли служить защитою ни со стороны сѣвера, ни стороны юга; ибо они тянутся почти по прямой линіи, не разбирая мѣстоположенія и командованія высотъ. И если Траянъ построилъ нижній валъ противъ варваровъ, населявшихъ Бессарабію чтобъ охранить отъ нихъ колоніи по Дунаю и Черному морю; для чего же строилъ бы онъ верхній валъ и боковые вдоль крутаго берега Прута и Днѣстра (**). По всемъ соображеніямъ эти валы были не что иное какъ разграниченія земель. По Лактанцію изъ Бессарабіи въ 304 году Готы изгнали

(*) Чабанъ—пастухъ; *арба*—кочевая повозка съ кровлею.

(**) Днѣстровскій названъ на картахъ *Зимсвалъ*; но что ибудь да не такъ; тамъ не кому было дать ему Русское прозваніе.—

неизвѣстный народъ, который, съ дозволенія Императора Галерія, поселился въ его предѣлахъ; по жизнеописанію Имп. Проба, народъ, переселившийся въ это время во Фракію, были Бастарны (*). — Извѣстно, что орда Печенѣговъ населяла издавна Бессарабію. — Не утвердительно, но я рѣшаюсь заключать, что эти 100,000 Бастарновъ переселившихся во Фракію были Босняки (Бешилги — по Венгерски *Bosnyak*, по Турецки *Bosnali*.)

Жители Бессарабіи всѣ валаы вообще называютъ словомъ *Тралнъ*, — валъ разделяющій Добрушскую область, или бывшую малую Скицію, отъ Мизіи также называется *Тралнъ*. На Мизоготскомъ нарѣчій, по Ульфиулу, котораго языкъ царствовалъ въ этихъ мѣстахъ, слово *thraihan* — значитъ *сжимать, стѣснять, ограждать*; *thraihands vigs* — *сжатая огражденная дорога, стезя*; слово, которое могло значить и *граница, граница*. Вотъ кажется откуда произошло названіе *via Trajana*; по Ульфиулу также *thragjan* — значитъ бѣгъ, вѣда, сходное съ греческимъ *Γοργω* — *сигго*, и съ Русскимъ: *дорога, дороги, трактъ*.

Тралнъ Булгарскій, совершенно сходенъ съ Бужакскимъ; по почти на всемъ его протяженіи по берегу черной рѣки (Карасу) видны слѣды честве-

(*) По Маттею Претору (кн. II. гл. 7) Бастарны есть тѣ же Бессы. — Овидій пишетъ: *vivere quam miserum est inter Bessoque Getasque*. — Названіе свое Бессарабія получила вѣроятно отъ Готовъ въ значеніи *Bess-arg* или *arg* (*Erbe, земля, Erbe, наследіе*) т. е. земля Бессовъ. —

роугольныхъ окоповъ, со стороны Булгаринъ, въ которыхъ вѣроятно содержалась пограничная стража.

Этотъ Тралновъ валъ ознаменованъ въ 1828 году маневромъ, на которомъ батарея во 120 орудій, по слову Русскаго Царя, неслась въ карьеръ въ атаку, по отлогому скату праваго берега Кара-су. — По гребню этого Тралпа, Императоръ проѣхалъ 17 верстъ, для осмотра осажденной крѣпости *Кистенжи*, некогда знаменитаго *Истра*.

Спускаясь отъ Рени, по дорогѣ къ Измаилу, проходящей между Дунаемъ и озеромъ *Кагулоль*, напоминающимъ побѣду Румянцева надъ Турками; и отъ селенія *Сатуноса* къ Дунаю, по тропинкѣ между плавнями, на пути чрезъ Дунай, Персовъ (за 508 лѣтъ до Р. Х.) и Русскихъ (въ 1828 году), есть слѣдъ подобнаго же вала, который, какъ ограда между озерами *Карталоль* и *Кугурдусель*, перегородываетъ этотъ путь; и можетъ быть служить мостовымъ укрѣпленіемъ Дарію при отступленіи его изъ Скивіи.

Проѣхавъ Измаилъ неразлучный съ именемъ Суворова, — я скажу нѣсколько словъ о крѣпости *Кили*, которую нѣкоторые принимаютъ за *Кіевецъ*, построенный на Дунаѣ мнимымъ *Кіель*, путешествовавшимъ въ Царь-градъ и полюбившимъ это мѣсто.

Сказаніе о существованіи *Кіевца*, или *малаго Кіева* на Дунаѣ, не можетъ быть ложно; но мѣсто

старой Килин, за Дунаемъ, посреди плавней, вѣрл сказанію о Кіѣ, не могло ему поправиться, и тѣмъ болѣе здѣсь не могъ быть Кіевецъ, что слово *городъ* и *городокъ*, въ смыслѣ древнихъ, значить укрѣпленная отдѣльная гора, или холмъ (*). — Въ замѣну Килин я полагаю *Cius*, или *Cium*, находившійся, по дорожнику Антоннову, ниже *Трозьми*, на правомъ берегу Дуная. Это нынѣшній *Гирсовъ*

Высокая скала надъ Дунаемъ, составляющая нынѣ сѣверную сторону крѣпости, могла быть выбрана для основанія городка. Здѣсь въ скалѣ могли быть *Кіфа* (**), или *пещеры Готфскія*, отъ названія которыхъ, по моему мнѣнію получили свое названіе и Кіевъ. — Если мнимый Кій любилъ жить у перевоза, то противъ самаго Гирсова есть и перевозъ черезъ Дунай, на ладьяхъ.

Дорога къ Аккерману тлится по бесплодной землѣ, нанитанной солью, надъ вершинами озеръ *Сасика* или *Кундука*, *Шаганы* или *Муртазы*, *Карачаусть*, *Алибей-улу* и *Бурна-сола*, населенныхъ весной исласканами, а лѣтомъ покрытыхъ корой соли.

За песчаной степью открываются передъ вами почернѣвшія отъ времени башни замка Аккерман-

(*) Слово *Gard*, городъ—не раздѣльно съ словомъ *гора*, (*Hori*) такъ какъ *Berg* и *Burg—Heim* и *holm—холмъ*.

(**) Отсюда *save*, *saveau*, погребъ, склянка.

скаго. Его окружаютъ не болѣе 500 домовъ города; а вправо видны извѣстные Аккерманскіе сады (*).

Замокъ Аккерманскій, по преданію, построенъ Генуэзцами въ XII столѣтіи, когда они обладали торговлею Чернаго моря. — На этомъ мѣстѣ въ древности былъ городъ Офіуза, а во время Геродота колонія Тирасть.

За Лиманомъ виднѣтъ *Овидіополь*, мнимое мѣсто жительства Римскаго пѣвца - изгнанника. Но, что странно: въ вершинѣ Лимана, при впаденіи Днѣстра, не въ далекомъ отъ селенія Паланка (**) (гдѣ также небольшой четвероугольной замокъ) есть озерцо, которое называется, по словамъ Кантемира *Лакулъ Овидулуй*—озеро Овидія,—во время моего проѣзда, оно почти пересыхало и мнѣ назвали его *Дувьдулуй*; сколько помнится мнѣ, говорятъ, будто тутъ очень давно уже жилъ какой-то пустыяникъ, именемъ котораго и прозвалось озеро. — Близъ этаго мѣста есть переправа чрезъ Днѣстръ при селеніи *Малкъ*, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ въ сорока отъ Овидіополя.

Посѣтивъ въ послѣдствіи и Монголію, на берегу Чернаго моря, которая также принимается за *Томи*, мѣсто обитанія Назона во время изгнанія, не льзя было не сказать:

(*) Въ мое время считалось ихъ слишкомъ 900.

(**) Слово *Паланка*—значитъ укрѣпленное селеніе.

Зачѣмъ намъ знать, гдѣ жилъ изгнанникъ сей,
 И прахъ его влечь съ кладбища на кладбище?
 Онъ жилъ, онъ пѣлъ, и—вѣчно жилище
 Поэта — въ памяти людей. —

Къ стати объ Овидіи. Суди по слѣдующимъ его
 стихамъ:

«Ah! pudet et Getico scripsi sermone libellum.
 (de Ponto. Lib IV epist. 13.)
 Nam dedici Getice Sarmaticeque loqui.
 Nec te mirari, si sunt vitiosa, decebit
 Carmina que faciam penè poeta Getes.
 (Ib. III. 2.)

Threicio Scythicoque serè circumsonor ore,
 Et videor Geticis scribere posse modis.
 (Trist III. ult.)

Овидій зналъ языкъ Гетовъ и писалъ на немъ (*);
 Пинкертонъ убѣдительно доказываетъ, что Геты
 Овидія есть Готы; и кажется сомнѣніе исчезаетъ
 въ этомъ, когда сравнишь *Метаморфозы* Овидія съ
 Готской *Волоспа* и *Гильфи-Гиннингъ*. Gilfa Ginning
 значитъ: *сновидный, мечты, басни Гильфа*; А сло-
 во *Метаморфозы*—значитъ тоже, если припомнить,
 что изъ 1000 сыновъ сна, обязанностью Морфея бы-

(*) Если Геты имѣли уже поэтовъ и письмена, слѣдовательно они
 были не Сарматы; Готы же до Ульфила, имѣли письмена называв-
 шья *Рунтескипи*, состояща изъ 16 буквъ.— Впрочемъ названіе *руны*,
 даваемое дрсвиннымъ чертамъ — несправедливо: оно, кажется принадлежить
 по смыслу круглымъ бувамъ.

ло поддѣлываться подъ наружность и голосъ тѣней людей существовавшихъ; — я слѣдовательно настояще значеніе *преображеній*, есть *видѣнія*, *мстны*.

Овидій читаетъ Эдду, и его *Метаморфозы* есть подражаніе Gilfa Ginning; а описаніе созданія міра есть почти переводъ строфъ Волюсна.

Пусть знатоки сравнятъ, и—Овидій поможетъ имъ понять вѣрнѣе смыслъ Волюсна:

Метаморфозы.

In nova fert animus mutatas dicere formas
Corpora. Di, coeptis; nam vos mutastis et illas;
Adspirate meis primaque ab origine mundi
Ad mea p̄petuum deducite tempora carmen.

Волюсна.

Значеніе.

Þliods (*) þil ek	Пѣть желаю я (<i>вѣсто пѣсни прому</i>);
Allar kindir.	Вся породы (**);
Meiri ok minni	Великія и малыя
Mango Þeindallar.	Мелкой природы.
Vildo it ek Valfandur,	Благослови Творецъ міра
Vel fyr teha	Чтобъ достойно высказать,
Fornspjól fira	Проведи отъ начало всего
Þau er frenst um man.	До образованія.

Метаморфозы.

«Ante mare et tellus, et quod tegit omnia, caelum;
Unus erat toto naturæ vultus in orbe,
Quem dixere Chaos; . . .»

(*) Þliods—не значитъ *попсаніе* или *оплканіе*; но пѣсь отъ liod—или liud—пѣсь, звукъ; на древнескѣ Aug. Saks. bliud. (смъ Hre).

(**) Kind—родъ, порода.

*Волюсна.**Значеніе.*

Es man jotna(*)	Прежде чѣмъ стихій
Ag um borna,	Начало произошло,
Pa er fordom mic
Födda höfdo.
Nio man ec heima	Не было неба, (<i>вершины</i>)
Nio ivile,	Ни тверди,
Miotrid möran,	Ни моря посреднѣ
Fyri mold neðan.	Земли (<i>прага</i>)
Ag (**) var allða	Пустота была повсюду
Par er Ymir bygdi.	Гдѣ обитаетъ Хаосъ (**).

Met. «nec circumfuso pendebant in aere tellus.»

Вол. Jord fauz acva	Земля не была
Né uphlimin.	обнята небесаши.

Метаморфозы.

Наче Deus et Melior litem Naturo diremit
Nam caelo terras, et terris abscidit undas.

*Волюсна.**Значеніе.*

Adur Burs sunir	Тогда сыны Бура (причины рожденіа природы.)
Biodum um urro	Объезди сводъ,
Peir er Midgard	Гдѣ земной шаръ
Möran seoro.	Отдѣлили отъ моря.

По окончаніи описанія сотворенія вещей, которое распространено у Овидія, онъ говоритъ о сотвореніи чловѣка:

Sanctius his animal, mentisque caracius altæ,
Deerat adhuc, et quod dominari in cætera posset.

(*) Великаы — проименованіе стихій.

(**) Ag—значитъ начало, источникъ, единство.— Въ этомъ стихѣ звукъ иници неопредѣленный въ своемъ значеніи всего и ничего.

(***) Ymir—великанъ изъ частей котораго образовался свѣтъ, *Оттовка*—преданіи Халдейскіихъ.

Natus homo est, sive hunc divino semine fecit
 Ille opifex rerum, mundi meliores origo:
 Sive recens tellus, seductaque nuper ab alto
 Æthere, cognati retinebat semina cœli....

Волюта.

Значеніе.

.
 Hwer scyldi dwerga
 Drottin skerpa;
 Or brinnis blodi
 Ok or blám leggjom?

И совѣщались (божества)
 Кто долженъ надъ тварями
 Держать управленіе?
 Кровь ли Бримера (разума)
 Или черныя кости (тѣло).

Кажется на первый разъ достаточно приведенныхъ здѣсь мѣстъ для подтвержденія сказаннаго мною.

Природа Днѣстра со стороны Бессарабін очаровательна; вдоль всего берега тянется цѣпь садовъ виноградныхъ и фруктовыхъ; селенія богаты; но вообще не похожи на наши, которыя образуя уличу, есть зародыши городовъ.— Молдавскія саты (*) похожи болѣе на разбросанные шатры табора; касы (**) стоятъ дверями во всѣ стороны; это мазанки, построенныя изъ плетня, обмазанныя галпной и выбѣленные, совершенно похожія на Малороссійскія хаты, по гораздо опрятнѣе снаружи, и внутри также выбѣленные; часто раскрашены узорами вохрой и умброй;

(*) *Сату*—деревня, село; Татары называютъ *Сату*—торгъ; *Тигру*—по Молд. городъ, торговое мѣсто.

(**) Сходное съ Итальянскимъ *саса*, или съ Готорскимъ *Низ*—домъ.

арабески выведенныя на стѣнахъ рукой самой хозяйки, или ея дочери, очень похожи на Синайскія письмена. Смазываніе глиной половъ, бѣленіе и крашеніе стѣнъ, возобновляется передъ каждымъ праздникомъ. — Въ каждой половинѣ касы, раздѣленной на двое стѣнами, близъ дверей—соба (печка), у которой устье очень низко, не болѣе какъ на четверть отъ полу. За трубой на печи обыкновенно бывають обитель старухъ, стѣнныхъ, неподвижныхъ, ничто уже не чающихъ и *хортось*—гончихъ собакъ, которыхъ Молдаване пѣжать какъ дѣтей, — и они стоять того: Молдаваць отправляясь въ степь, беретъ съ собой *хорта*, и — зайцы не попадайся на встрѣчу(*)).

Почтовая дорога изъ Аккермана въ Бендеры идетъ степью чрезъ *Каушаны*, бывший сарай Хана Буджакскаго, нынѣ ничтожное мѣстечко. — Въ 25 верстахъ отъ Каушанъ—крѣпость Бендеры.— Она лежитъ надъ Днѣстромъ, въ равнинѣ окруженной нагорнымъ

(*) Бугарскія селенія иначе строятся, хотя столь же неправильно. У нихъ семья не раздѣляется, но раздѣльны и дома; съ каждымъ поколѣніемъ, съ увеличеніемъ семейства, разрастается и домъ, но большей части въ-прямую линію; женатыя правнуки, внуки и сыновья живутъ подъ одной общей кровлей своего Патріарха - прадеда, который бѣтъ какъ лувъ и потерзалъ уже щель своимъ годамъ, но еще не лишился ни одного изъ чувствъ слонхъ, еще дѣятельный работникъ, и рассказываетъ о томъ, что случилось за 100 лѣтъ, какъ о вчерашнемъ днѣ. Бугарскія хаты простѣе и пустѣе Молдавнскихъ; стѣны голы, вмѣсто окошь деревянныя рѣшетки, вмѣсто лавокъ низенькое возвышеніе изъ земли, въ родѣ широкаго дивана, устланное бѣлымъ войлокомъ, близъ дверей, въ родѣ столба, или пирамиды: это печь, которая топится изъ сѣней; устье почти на землѣ; тутъ подъ навѣсомъ трубы виситъ цѣпь съ крючкомъ для котла, въ которомъ варится обѣдъ. — Вмѣсто стола кружокъ, или мѣдный круглый подносъ на низенькихъ ножкахъ. —

Берегомъ. — Это древній *Тигинъ*. Выше крѣпости верстахъ въ трехъ на Днѣстръ селеніе Варинца, надъ Варинцей по скату берега слѣды лагеря и канцеляріи Сѣвернаго капрала Карла XII. Здѣсь жилъ онъ гостемъ у Турокъ, отсюда Турки изгнали своего гостя.

Вообще въ нижней части Бессарабин или Буджакъ, почти всѣ рѣки, какъ то: Чага, Кульиникъ, Сарата и пр. текутъ по солончакамъ; въ колодцахъ вода также солона. — По всѣмъ рѣкамъ и лощинамъ разстѣланы слѣды бывшихъ Татарскихъ селеній. — Эти слѣды замѣтны по кучамъ золы, и по густому бурьяну; такъ, что издали, замѣчая темноцвѣтное пространство посреди зелени, знаешь, что это *селнище*, (но Молдавскому произношенію *селниште*) т. е. мѣсто бывшаго селенія. Имена этихъ селнищъ, сохранились въ памяти жителей, на пр. Селниште Акмангытъ, Мангытъ, Эдиге, Эникіой и т. д. — После того какъ Буджакскія степи разданы Правительствомъ для населенія, вѣроятно слѣды селнищъ уже стерлись, но названіе урочищъ долго сохранялся. Провѣзжая чрезъ эти мѣста поросшія глухой высокой травой, почти не возможно выносить душнаваго запаха какихъ-то дикихъ, мрачныхъ растений, напоминающихъ бывшую обитель челоуѣка. — Селнища обыкновенно любимыи бульваръ куронатокъ во время вечера. Цѣлыми стадами слѣтаются онѣ на курганы золы.

На щетъ населенія Буджака Татарамн можно предположить слѣдующее: извѣстно что въ 1597 году

Литовскій Герцогъ Витольдъ послалъ орду Татаръ близъ Вильны. Въ Палатинатахъ: Подлякин, Августовскомъ, Виленскомъ и другихъ ихъ считалось до 50,000 душъ. При Янѣ Собіесскомъ изъ нихъ составились первые полки Уланъ (аланъ) противъ Магомета IV. — Но извѣстно также что при Магометѣ IV вышли изъ Литвы Липскіе Татары. — Бишингъ упоминаетъ о жилищѣ Липскихъ Татаръ въ Хотинскомъ и Сорокскомъ цынутахъ; но вѣроятно главное переселеніе было въ Буджакъ, болѣе удобный для кочевья. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Татары Буджакскіе имѣли уже навѣкъ жить деревнями. Сверхъ того, какъ извѣстно, въ нижней части Бессарабіи жили *Аланы*, хотя время ихъ жительства тамъ не извѣстно.

Въ обзорѣнн Буджака кетати должно упомянуть и о 14 Нѣмецкихъ колоніяхъ поселенныхъ по обѣ стороны Куляника, въ 1817 году. Какъ ни трудно развести довольствіе посреди знойной степи, лишешной хорошей воды; но при данныхъ правительствомъ средствахъ къ упроченію этихъ поселеній, дѣятельные переселенцы въ два три года обзавелись скоро домами (построенными на первый случай изъ земляныхъ кирпичей), огородами, засеяли поля, и обставили загородки скирдами. Въ первые годы они поддерживали себя заработками у богатыхъ Царановъ (*).—

(*) Боларь, или Мазилловъ (родъ Шляхты), живущихъ въ Царанъ т. е. на пахатныхъ мѣстахъ, посреди степи, собственномъ или наемномъ. Царанъ—значитъ видѣющій землю пахатною отдѣльною; Хуторъ—

Бѣда вамъ, если вы играете на какомъ нибудь инструментахъ, и васъ подслушиваютъ Колѣннесты, возвращаясь съ поля. Они обещиваютъ васъ, умоляютъ играть, и играть, и еще играть вамъ, и пляснуть до упаду.—Я никогда не забуду одного Ганса, который писалъ въ прислѣдку по Русски; онъ не требовалъ похвалы, а просилъ только не переставать играть *баритю*.

Въ 1819 году открылась въ Бессарабіи въ Хотинскомъ цѣлнть чума, завезенная изъ Молдавіи. По данному мнѣ порученію усилить пограничную цѣнь, я проѣзжалъ по рѣкѣ Пруту и по границѣ Австрійской до Днѣстра. Въ эту поѣзду и во время рекогносцировки верхней части Бессарабіи въ томъ же году, я выучилъ назусть этотъ край, древнюю обитатель Бастарновъ, или Бессовъ.

Верхняя часть Бессарабіи, начиная отъ верхняго Траянова вала представляеть совершенно уже другую природу; это уже гористыя мѣста, покрытыя лѣсами, садами, селеніями и уединенными монастырями, железными и мужскими, посреди романтическихъ красотъ природы.

Отрасль Карпатскаго хребта тянется отъ вершинъ рѣки Прута въ Галиціи, и проникаеть между Днѣ-

значить также вѣчное жительство въ степи, для паханія земл, содержація стада или пчелъ; *Киншю*—землянка, приютъ степныхъ Чабановъ, или пастуховъ; безъ всякаго сомнѣнія отъ Татарскаго *Киншю*—зимовье.

сгромъ и Прутомъ въ Бессарабію по Хотинскому цыпуту. Въ Яскомъ цыпутъ она сглаживается между рѣками впадающими въ Реутъ; но въ вершинѣ этой рѣки, ниже гор. Бельць, она какъ будто возрождается снова въ отдельной горѣ Могура (*), которая развѣтвляется вдоль всей Бессарабіи, также возникая въ некоторыхъ мѣстахъ отдельными горами, и сохраняетъ свои силы и крутизну до самаго моря.

Въ верхней части Бессарабіи, отлогой берегъ рѣки Прута, (ибо крутой съ противной стороны, въ Молдавіи), единообразенъ и не богатъ населеніемъ; но рѣка Днѣстръ сохраняетъ вездѣ и крутизны своего нагорнаго берега, и частыя селы, и сады, богатые виноградомъ, Волошскими орѣхами (грецкими), яблоками, сливами, вишнями, черешнями, грушами, абрикосами, не уступая даже степнымъ мѣстамъ въ богатствѣ баштановъ (полей засѣянныхъ арбузами, дынями, тыквами, Турецкими огурцами и надыжанами). На Днѣстрѣ—ароматъ акацій, пѣсни ночныхъ соловьевъ, въ полтора аршина стерляди, слишкомъ въ сажень осетры, посреди плавней непереводамал дичь, дикіе гуся, утки, всѣ роды шпеповъ и куликовъ; здѣсь народъ дѣлательнѣе, женщины прекраснѣе. Но говоря о красотѣ женщинъ простаго народа, — горнистыя, здоровыя мѣста Орхеевскаго цыпута, должны славиться ими. Тамъ *фаты* (**), истинно *формошки*: цвѣтъ здоровья и роскошь форма.

(*) Туманъ.

(**) *Фата* — дѣвушка, *формошка* — прекрасная.

Орхей - вьки (древній Орхей), по словамъ жителей, былъ на другомъ мѣстѣ; по Кантемиру, на Западномъ берегу Орхевскаго озера, но какъ я слышалъ, этотъ городъ былъ ближе къ Днѣстру на Ругѣ, противъ Дубоссаръ и слѣдственно противъ главной переправы черезъ Днѣстръ.— Можетъ быть здѣсь была *Olyxionia*, которую приписываютъ мѣстечку *Сороки* или *Соколы*.

Верстахъ въ сорока отъ Орхей, на Днѣстрѣ, въ вершинѣ береговыхъ скалъ, есть монастырь—*Городице*. Смотри снизу, отъ рѣки, кельи кажутся порами птицъ. Скалы стоятъ стѣной. Взобравшись на гору въ объѣздъ по каменной, крутой дорогѣ, вы найдете тамъ нѣсколько домовъ, принадлежащихъ монастырю, обитель настоятеля и сады; настоятель поведетъ васъ черезъ садъ къ вершинѣ скалы; вышина ужаснетъ васъ, когда вы приблизитесь къ обрыву, и станете спускаться по узенькой вырубленной снаружн лѣсенкѣ; по положенной надъ обрывомъ доскѣ, вы перейдете въ старую церковь и въ искусственныя пещеры, вырубленныя въ камень; въ послѣднюю должно пролезать сквозь узкой прорубъ. Здѣсь хранится нѣсколько старыхъ пицалей (*), и широкое отверстіе наружу, задѣлано толстыми дубовыми досками, въ которыхъ прорублены ружейныя амбразуры.—Говорятъ, что здѣсь въ старину Христіане скрывались отъ Татаръ.— Возвратив-

(*) Кажется отъ этого слова Молдаване называютъ ружье *пицкой*, пушку—*тужуръ*—громомъ.

шившись на уступъ скалы, составляющій площадку, вы помолитесь Богу въ новой церкви, вырубленной также въ камень, посетите трапезную и Калугерей въ ихъ пещерахъ, съ однимъ окошечкомъ и трубой выведенной наружу скалы. Высота скалы надъ Днѣстромъ до 100 сажень.

Настоятель васъ угоститъ виномъ своихъ садовъ и сотами меду; и вы, разставаясь съ м. Городищемъ, скажете въ душѣ то-же, что сказалъ Гете, разставаясь съ обителемъ Мелькъ на Дунаѣ.

Продолжая путь по Днѣстру, и не доѣзжая верегъ трехъ до мѣстечка Сорокъ, вы увидите въ скалахъ слѣды подобной же обители, какъ и въ Городищѣ, но давно уже оставленной.

Проѣзжая отъ м. Сорокъ, (гдѣ также есть Готской архитектуры замокъ), въ Хотинъ, почти во всемъ Хотинскомъ цѣнютъ вы встрѣтите совсѣмъ уже другой мѣръ, и подумаете что кака-то сила внезапно васъ перенесла въ Малоросію. — Тутъ живутъ Руснаки (такъ они сами себя называютъ) лице-роглазые Сарматы, родовитые Бессы (*).

(*) Кажется что это названіе происходитъ отъ Bejas — бѣлый, названіе, которое дали имъ сосѣди Турецкаго племени.

Печенѣгами (Бессы, Бешляги, также какъ Русь—Руснакъ) назывались можетъ быть первые переселенцы Славянскаго племени на тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Боспа, или Бонпя, и Рашия (разумѣется производа не отъ рѣкъ назвашя этихъ областей). Въ послѣдствіи же Печенѣгами называли можетъ быть племена Татарскія, вновь приходившіе къ Дунаю; ибо имя Печенѣговъ исчезло по Виз. Ист. въ Балкансахъ.

Готическій замокъ Хотина, надъ самымъ Днѣстромъ, на береговомъ холмѣ, обнятомъ крутою лоциною, похожъ на замокъ *Копай* въ Бретани. Теперь онъ составляетъ уже цитадель крѣпости.

До пріобрѣтенія Хотина Русскими, — этотъ городъ считался сильнѣйшимъ во всей Молдавіи. Онъ извѣстенъ побѣдой Владислава, одержанной надъ Султаномъ Османомъ въ 1621 году. Въ 1744 году Турки при Хотинѣ же разбиты Яномъ Собіесскимъ, который спасъ Вѣну отъ осады Магометомъ IV, въ 1685 году.

По трактату Хотинскому, заключенному въ 1622 году, Польша пріобрѣла право имѣть своихъ легатовъ въ Константинополь. Въ это же время была основана Королемъ Польскимъ въ Хотинѣ школа восточныхъ языковъ, для чего и были выписаны учителя изъ Константинополя. Въ этомъ то заведеніи Янъ Собіескій и его братъ Марко (дѣти Якова Собіесскаго, бывшаго Кастанланомъ Краковскимъ и уполномоченнымъ посломъ въ Турціи, въ 1621 году) приготовлялись къ путешествію на востокъ. Перемены постигнувшія Польшу были причиной уничтоженія этой школы.

Б У Р Я.

(ПЪЗЪ I-й ПЪСНИ ВИРГІЛІЕВОЙ ЭНЕИДЫ).

ПРІЧИНЫ ГИЗВА ЮНОНЫ НА ТРОІАНЪ.—ОТПЛЫТІЕ ЭНЕА ПЪЗЪ СИЦИЛІИ.—
ЮНОНА УГОВАРИВАЕТЪ ЭОЛА ВОЗМЪТНТЬ ВОЛНЫ.—БУРЯ И КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.
—НЕНТУНЪ УЪРОЩАЕТЪ ВОЛНЫ И ПРОГОНЯЕТЪ ВЪТРЫ.—ПРІБЫТІЕ ТРОІАНЪ
КЪ ЛІВІЙСКОМУ ВЕРЕТУ.

Ст. 16—177.

Быль древній градъ, въ которомъ Тирійскіе вы-
ходцы жили,
Градъ Кароагенъ, далеко отъ Италіи, сѹпротивъ
устьевъ
Тибровыхъ струй: богатъ и къ воинскому дѣлу при-
выченъ.
Болѣе прочихъ, гласятъ, любила страну ту Юнона,
Даже и Самоса болѣе. Здѣсь сохранились достѣхи,
Здѣсь колесница ея: дабы градъ сей главой быль
народамъ,

Если дозволить то рокъ, домогалась она и пеклася,
Но услыкала богиня, что племя отъ крови Троян-
ской
Нѣкогда будетъ должно низринуть ограды Тирійцевъ;
Будто народъ, превосходный въ войнѣ и повсюду
владычный,
Придетъ на Ливіи гибель отголь: какъ назначили
Парки.
Сильно сграшася того, не забыла богиня и прежней
Бранш, что противу Трои вела за любезныхъ ей
Грековъ;
Также не вышли еще изъ души и причины досады
Вмѣстѣ съ печалію тяжкой: таится на сердцѣ глу-
боко
Сына Пріямова судъ, красоты оскорбленье, презрѣн-
ный
И ненавистный ихъ родъ, и данная честь Ганимеду.
Гнѣвомъ пылая за то, разбросаннымъ по морю
Тевкрамъ,
Малымъ остаткамъ, избѣгшимъ Данайцевъ и мести
Ахилла,
Въ Лаціумъ путь преграждала она: и многіе годы
Вкругъ всѣхъ морей скитались они, гонимые рокомъ.
Вотъ сколь усиленъ былъ трудъ для созданія Рим-
скаго царства!

Только изъ виду земли Сицилійской въ открытое
море

Радостно вышли суда, разсѣкая соленую пѣну,
 Зевса супруга, подъ сердцемъ храни свою вѣчную
 лэву,
 Такъ про себя: «Ужь не мнѣль уступить, предпри-
 ятье покнувъ?»
 Нль отъ Италин я не могу отклонить царя Тевкровъ?
 Мнѣ возпрещаютъ судьбы! Но могла же богиня
 Паллада
 Флотъ весь Аргивлянь сожечь и самихъ потопить
 въ безднѣ понга,
 Ради неистовыхъ дѣлъ одного Оллея Алкса?
 Быстрый Зевсовъ Перунъ сама изъ-за тучъ низ-
 вергал,
 Флотъ разметала она и возставила зыбь; а безумца,
 Огнь изъ разверстой груди издыхавшаго съ жиз-
 ню вмѣстѣ,
 Вихремъ на воздухъ взвила и на острый утесъ по-
 садила.
 Я же, которую всѣ признають за царицу безсмерт-
 ныхъ,
 Зевса супруга-сестра, съ единымъ народомъ столь
 долго
 Распрю веду! Кто отнынѣ прибѣгнетъ ко власти
 Юноны,
 Кто на алтарь сй, съ мольбой, возложитъ почет-
 ную жертву?»

Такъ разсуждалъ въ себѣ пылающимъ сердцемъ,
 богиня
 Въ родину бурь, обильныя лрыми вѣтрами скалы,
 Въ царство Эола приходить. Здѣсь среди обширной
 пещеры
 Вѣтровъ борьбу царь Эоль и далеко-голосыя бури
 Властью смирляетъ своей, заключая въ темницу и
 узы.
 Съ ропотомъ сильнымъ они, негодуя на власть,
 вокругъ ущелий
 Скалы тѣхъ режутъ. На высокомъ утесѣ Эоль возсѣ-
 даетъ
 Съ скинтромъ въ рукѣ; укрощаетъ сердца, утоля-
 етъ свирѣпость.
 Если бѣ не сила его,—то и море, и землю, и небо,
 Быстрые, вѣрно бѣ, умчались съ собой и разбѣгли
 прахомъ.
 Но всемогущій отецъ, опасался того, заключить ихъ
 Во мрачныхъ ущелияхъ горъ, заключивши огромно-
 тяжелой
 Грудною скалою, и назначилъ царя, который умѣлъ
 бы
 Въ случаѣ нужды ихъ силой смирять, или бранды
 ослаблять имъ.
 Съ просьбой покорной къ нему обратилась въ то
 время Юнона:

«Мощный! (тебѣ безсмертныхъ отцемъ и царемъ
 челоуѣковъ
 Власть вручена усмирять и смущать непогоды вол-
 ны.)
 Племя, враждебное мнѣ, плыветъ по Тирренскому
 морю,
 Къ берегу Италиі Трою неся и изгнанныхъ Пена-
 товъ:
 Двини же съ силою вѣтръ, и суда потопа въ без-
 днахъ моря,
 Иль размечи всѣ ихъ врозь и наполни трупами
 волны.
 Есть у меня четырнадцать Нимфъ красоты несправ-
 венной:
 Всѣхъ же красотою лица превзошедшую, Деіопею,
 Въ руки тебѣ я предаю и съ тобою съединю ее
 бракомъ;
 Пусть, за услуги твои, всѣ грядущіе годы прово-
 дить
 вмѣстѣ съ тобою, и главою тебя сдѣлаетъ дивнаго
 рода.»

Ей возражаетъ Эоль: «Размысли о собственной
 волѣ —
 Дѣло, царца, твое; а мой долгъ — исполнять по-
 велѣнья.
 Ты мнѣ и царство и скипетръ и Зевса любовь да-
 ровала,

Ты мнѣ доставила честь возлегать на пирахъ у без-
 смертныхъ;
 Власть надъ грозой и погодой моя чрезъ тебя же
 дана мнѣ.»

Только сказалъ, и къ пустой внутри горѣ обративъ
 острый дротъ свой,
 Грянулъ ей въ бокъ: и подобно устроеннымъ пол-
 чицамъ, вѣтры
 Въ выходъ отверзтый спѣшать и дыханіемъ выюги
 поднимаютъ.

На море вдругъ налегли, и отъ пѣдръ сокровеннѣй-
 шихъ разомъ

Роютъ его: и Эвръ, и Ноть, и обильный грозою
 Дерзостный Афръ; къ берегу клубятся великія волны.
 Вслѣдъ раздаются и крики людей и скрипленіе вервий.
 Черныя тучи отъ взоровъ Троянъ похищаютъ не-
 запно

Небо и день: глубокая ночь влзгаетъ на море.
 Полнось гремитъ, и сверкаетъ эонръ непрерывно
 отъ молній;
 Все угрожаетъ Троянскимъ мужамъ неминуемой
 смертью.

Ужаса дрожь протрезвляетъ незапно Энеевы члены;
 Тяжко вдохнулъ онъ, и обѣ руки простирая ко
 звѣздамъ,

Такъ вопієтъ:» О трикраты и болѣе долей блаженны,
 Ть, кому въ отчихъ глазахъ, подь стѣнами высоки-
 ми Трои,
 Насть суждено! О храбрѣйшій изъ цѣлаго рода Да-
 найцевъ,
 Мощный Тидидь, для чего я не могъ на поллахъ
 Циіонскихъ
 Съ прочими лечь, отъ десницы твоей испустивъ эту
 душу,
 Тамъ, гдѣ копьемъ Эакиды неистовый Гекторъ из-
 верженъ,
 Тамъ, гдѣ палъ Сарнедонъ, гдѣ въ волнахъ своихъ
 Сімонсъ столько
 Шлемовъ геройскихъ, щитовъ и тѣлъ благородѣй-
 шихъ катить!»

Такъ онъ взывалъ; Аквилонъ въ этотъ мигъ, про-
 свиставъ, ударяеть
 Въ парусъ съ другой стороны, и валы воздымаеть
 до неба.
 Въ дребезги весла летять; тутъ корабль, обратясь,
 подставляется
 Бокъ свой волнамъ: отступая назадъ сокрушен-
 ный холмъ водный.
 Ть высоко надъ пучиной висять; тѣмъ волна, раз-
 верзаясь,
 Дно открываеть средь водъ: самый илъ отъ вол-
 ненья мятеться.

Три корабля захвативъ, Ночь ихъ мчить на сокры-
 тыя скалы,
 Скалы средь водъ, отъ пловцовъ получившія ри-
 фовъ прозванье,
 Грозный хребетъ средь морской глубины. Три дру-
 гіе влекутся
 Эвромъ къ безводнымъ мслямъ — и, о видъ сожа-
 лѣнья достойный!
 Тамъ сокрушаетъ онъ ихъ и подъ грудой песку по-
 гребаеть.
 Несшій Ликійцевъ корабль и ихъ вѣрнаго вождя
 Оронта,
 Въ самыхъ Энея очахъ поражается валомъ огром-
 нымъ
 Прямо въ корму: пошатнулась она, и склонившійся
 кормчій
 Падасть внизъ головой, а корабль самъ, на мѣстѣ
 единомъ
 Трижды кружимый волной, поглощается водъ бы-
 стрымъ яромъ.
 Гдѣ-гдѣ замѣтны въ волнахъ, на обширной по-
 верхности моря,
 Доски судовъ, оружье мужей и сокровища Трои.
 Иліонея дебелый корабль, и героя Ахата,
 И на которомъ Абасъ плыль, и тотъ, что несъ стар-
 ца Алета,

Бурей разбиты уже, и боковъ ослабѣвшею связью

Влагу враждебную черпаютъ всё сквозь разверстыя
щели

Ропоть великій бунтующихъ волнъ и распущен-
ныхъ вѣтровъ
Видя въ это время Нептунъ, и замѣтивъ, что от-
были воды

Съ самыхъ исподнихъ мелей, возмутился душой, и
въ пучину

Взоръ свой впередъ, изъ-подъ волнъ приподнявъ
безмятежный свой образъ:

Видитъ Энея разбросанный флотъ по пространству
морскому,

Видитъ Троянъ, тѣснимыхъ волнами и небомъ смя-
теннымъ.

Гнѣвъ и коварство Юноны не скрылись отъ брат-
ниныхъ взоровъ.

Эвра къ себѣ и Зефира зоветъ, и потомъ гово-
рить имъ:

«Вотъ ужъ куда завлекла васъ отважность вашего
рода?»

Вотъ ужъ, безъ воли моей, дерзаете небо и землю

Вы возмущать, поднимая на море такія громады?

Я васъ!... Но лучше сперва укротить разъярен-
ныя волны.

Впредь не такую цѣной заплатите мнѣ вы за это!

Прочь отлетайте скорый и царю своему донесите:

Власть надъ пучиною морской не ему, вмѣстѣ съ гроз-
нымъ трезубцемъ,

Милъ огъ судьбы вручена. У него есть огромный
 скалы,
 Ваши обители, Эвры! пусть же дмится Золъ своей
 властью
 Въ царствѣ своемъ, и надъ замкнутой вѣтровъ тем-
 ницей владѣть.»

Рскъ, и быстрый чѣмъ сказалъ, укрощаетъ опу-
 шія бездны,
 Гонимъ толпы собравшихся тучъ, и солнце выво-
 дитъ.
 Тутъ Кимотоя и съ нею Тригонъ, напершии, совме-
 каютъ
 Съ острыхъ утесовъ суда: самъ Нептунъ подмо-
 гаетъ трезубцемъ,
 И обнажаетъ обширныя мели, и море равняетъ
 Следомъ легкихъ колесъ пробѣгалъ холмистыя воды.
 Словно , когда въ многолюдной народной толпѣ
 возстаетъ вдругъ
 Лютой мятежъ, и ничтожная чернь свирепствуетъ
 духомъ;
 Огнь ужъ и камни летятъ; доставляетъ оружія ярость:
 Если случайно тогда, по заслугамъ и доблести
 чтимый
 Явится мужъ, замолкаетъ толпа и свой слухъ на-
 прягаетъ;
 Огъ же рѣчами склоняетъ узы, и сердца умиляетъ.
 Такъ весь ревъ моря опалъ, когда на пучину ро-
 дитель

Взоръ устремилъ, и лѣтя въ колесницѣ подѣ чистой
 лазурью
 Правилъ конями, къ быстрѣйшему бѣгу бразды не-
 слабяя.
 Но утомленное войско Эпелъ ближайшаго берега
 Тщится достигъ, и къ Ливійскимъ предѣламъ свой
 бѣгъ обращаетъ.
 Есть сокровенное мѣсто, гдѣ островъ, въ заливѣ ле-
 жащій,
 Вѣрную пристань сулитъ кораблямъ: сокрушаясь
 объ островъ,
 Волны морскія струятся потомъ въ заливѣ углу-
 бленный.
 Грозныя скалы съ обѣихъ сторонъ и угесы двой-
 ные
 Высятся къ небу челомъ; безопасное море подѣ ни-
 ми
 Вѣчно молчитъ; а съ вершинъ ихъ встаетъ блестя-
 щій кустарникъ
 И густой мрачный лѣсъ съ ужасною тѣнью своею.
 Прямо же противу нихъ, подѣ нависшей скалою есть
 пещера;
 Тамъ живые ручьи и лавки изъ дикаго камня
 Нимфъ образуютъ пріютъ: здѣсь судамъ утомлен-
 нымъ не нужны
 Ни корабельный канатъ, ни якоря зубъ искривлен-
 ный.

Семь кораблей, уцѣлѣвшихъ изъ флота всего, въ
эту пристань
Ввелъ прародитель Эней; и съ великой любовью къ
сушѣ
Тевкры стремятся съ судовъ, занимаютъ желанную
землю
И отъ соли засохшіе члены на ней простираютъ...

Съ Латинскаго, М. Деларю.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(ПЪЗ ДЕРИТА.)

Сонетъ.

Какъ серебро нагорнаго каскада,
Летя съ скалъ хрустальною дугой,
Твой круглый стихъ, какъ жемчугъ дорогой,
Шумить, кипить надъ сокомъ винограда!

Горды твоей разгульной лиры чада!
Ихъ не дерзнуть воспѣтъ пѣвецъ другой,
Звукъ ревности подъ Вакховой ногой
Замретъ какъ свистъ, — вотъ дерзости награда!

Какъ аромать душистаго вина,
За пуншевымъ столомъ всегда слышна
Душа пировъ — твоя пѣснь удалая!

Въ ней какъ звезда на небѣ зажжена
Въ лучахъ горить студентовъ старина
Свободный пылъ и молодость былая!...

*

Дерить.

БАЛЛАДА.

Во сыромъ бору могила
Съ буйнымъ вѣтромъ говорила:
Вѣтеръ, ты куда летишь,
Чей ты прахъ лети крутишь?

Вѣтеръ черный крестъ качаетъ
И могила отвѣчаетъ:
«Я до молодца лечу
Прахъ красавицы кручу!»

Въ небѣ ходятъ сини тучи,
Въ полѣ вѣетъ прахъ летучій,
Свистеть вѣтеръ, крестъ трещитъ,
Чу! въ плиту мертвецъ стучитъ!...

Дикимъ звѣремъ вдругъ завыва
Безутѣшная могила:

«Вѣтеръ, вѣтеръ не гуди,
Праха мертвыхъ не буди!»

Приутихла вѣтра сила,
Разступилася могила
И выходитъ наконецъ
Изъ могилы той мертвецъ...

Бродитъ мѣсяць, ходятъ тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Стонетъ вѣтеръ, боръ гудитъ,
Мертвый на небо глядитъ...

Опъ рукой окаменѣлой
Поднять къ небу саванъ бѣлой,
И на мутныя глаза
Вышла черная слеза...

Свѣтитъ мѣсяць, бродятъ тучи,
Вьется клубомъ прахъ летучій,
Свищетъ вѣтеръ, боръ гудитъ,
Мертвый на небо глядитъ!...

Вотъ сорвался саванъ бѣлый
Хитрый трупъ оледѣнѣлый
Зашатался, застоналъ
И склоняся на крестъ упалъ.

Прахъ ислѣвпшій въ видѣ пыли
Разлетѣлся, и завылл,
Наклонясь къ сырой землѣ,
Ели шаткіа во мглѣ.

И какъ облако тумана
Долетѣвъ до Океана
Прахъ разсѣлся надъ волной
И покрывся глубиной...

Дергать.

*

ТРИ ПИСЬМА.

(Отрывокъ изъ путешествія по Россіи.)

1837 Августа 1.

ПИСЬМО I.

Любезный другъ, преданный по склонности и по обстоятельствамъ праздной дѣятельности, считаясь какъ кочующій цыганъ, подъ высокопарнымъ титломъ путешественника по всѣмъ странамъ міра, я былъ заброшенъ судьбою и завезенъ почтовыми лошадьми въ Тамбовъ.—Вотъ, скажешь ты, послѣ писемъ твоихъ о Парижѣ, Голландіи, Кавказѣ, Бессарабіи и иныхъ прочихъ — что новаго нашего о Тамбовѣ, известномъ только по своему бостону, близъ яру, казанбуру Французовъ въ 1812 (tombeau)— и потому еще, что почтамты не рѣдко смѣшиваютъ его съ Тобольскомъ.

Объ немъ-то и буду говорить много любоньгиаго; особенно если ты, несоблазнимый скромностию размирьешь, ни громкими историческими именами—взглянешь на Тамбовъ взглядомъ Русскаго, увидишь въ немъ часть великаго цѣлаго, которое свѣтъ называетъ уже Русскимъ міромъ—а мы еще простодушны: матушкой Россіей! гордимся ею какъ своимъ отечествомъ! Да, славное въ древности: «я Римлянинъ!» насъ не удивляетъ. Съ тою же широкою грудью, и мы говоримъ: «я Русскій!» И въ этомъ, еще не совсемъ знакомомъ ей звукѣ, изумленная Европа уже разбираетъ и паденіе Карла, и гибель Наполеона, и миръ Европы, и покореніе Азии до Евфрата, и Суворова побѣды на Альпахъ, и торжество Брюлова въ Италіи! Однимъ словомъ все чудеса царствій Петра, Екатерины, Александра и Николая!

Россія точно счастлива, что хаосъ ея богатыхъ, Азіиско-Европейскихъ элементовъ, былъ приведенъ въ порядокъ мыслію ея Монарховъ; мощной мыслію, подобной весеннему, благотворному солнцу, съ неприступной высоты изливающей и теплоту и свѣтъ, она оживила, возрастила и развила подавленные силы младенца-исполниа. Счастлива особенно въ сравненіи съ нѣкоторыми странами Европы, которыхъ древнее просвѣщеніе отсвѣчивается кровавымъ заревомъ вулкановъ.—Да, Россія есть обширное поле, роскошная нива, глубоко браздившая геніемъ Монарховъ и щедро ими заѣвасмая! И Тамбовъ, мнѣ кажется «не бесплодной дорогою, и не

твердымъ камнемъ»—гдѣ бы росли только мохъ и плевелы, но однимъ изъ благословенныхъ мѣстъ, гдѣ мысль привилась и общаетъ вознаграждать съятеля обильной жатвою.

На чемъ же основаны эти предположенія; не есть ли это игра воображенія, или весьма извинительный порывъ губернскаго патриотизма? — На фактахъ и на сравненіи! «Имѣй очи да видить.» Я помню Тамбовъ 20 лѣтъ назадъ, и почти въ тѣхъ же обстоятельствахъ; съ тою разницею, что общество дворянское было многочисленнѣе, богатѣе, роскошнѣе; было болѣе, такъ сказать, гостепріимства и радушія, но занятія были вѣтренныя, легкомысленныя; карты, балы, собаки кружили всѣмъ головы; покупка, продажа, или обмѣнъ имѣній — котораго часто ни продавецъ ни покупатель не знали—называлось «дѣломъ» по превосходству! Но ни одной общественной мысли не было въ ходу. Какая разница теперь! Правда, что всеобщее направленіе умовъ въ цѣлой Россіи другое: оно обращено на предметы общей пользы и народности, ибо миновался періодъ смирненія нравовъ посредствомъ общежитія. Отвлеченныя идеи о гражданственности, промышленности и пр. вышли уже изъ кабинета ученыхъ и дѣлаются достояніемъ всего общества. Это общее направленіе вездѣ, но въ Тамбовѣ многіе предметы еще бродячіе идеями, въ головахъ всѣхъ — уже осуществились, приняли форму осязательную, приложены къ дѣлу: однимъ словомъ вступили въ кодексъ гражданственности.

Кромѣ улучшенной паружности города: его мостовой, гдѣ недавно еще тонули въ грязь; довольно правильной и красивой архитектуры домовъ; разведеннаго публичнаго сада; богатыхъ магазиновъ и обдуманнаго рода жизни нѣкоторыхъ помѣщиковъ — съ удовольствіемъ замѣчаешь, что мысль «общей пользы» сдѣлала большіе успѣхи. Изъ Тамбова пошла первая бумага, столь жадно принятая незначительнымъ правительствомъ: о прекращеніи черезполоснаго владѣнія; это весьма ошущаемое, и котораго главы, подобно гидрѣ, грозятъ безпрестаннымъ возрожденіемъ. Тамбовской Статистической Комитетъ въ полномъ дѣйствіи, и съ знаніемъ дѣла собираетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія и матеріалы; нѣкоторыя уже извѣстны и публикѣ и министерству. Здѣсь учреждаются хозяйственные съѣзды для собранія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ агрономическихъ свѣдѣній. Мысль соговарищества, обогатившая Англію, здѣсь понята, что доказывается нѣкоторыми проектами пошедшими въ ходъ. Приказъ Общественнаго Призрѣнія дѣйствуетъ на истинныхъ началахъ государственнаго кредита и сильно распространилъ свои операціи. Здѣсь образовалась гимназія; и уже утвержденный проектъ пансіона. Пожертвованы дворянствомъ значительныя суммы на институтъ для бѣдныхъ дѣвицъ. Наконецъ почти примѣрное дѣло въ Россіи: общественная библиотека составила на акціяхъ — и заключаетъ уже 45.000 томовъ (отъ 1854 г.); тѣсное помѣщеніе ея ежедневно наполнено посѣтителями.

Я приѣхалъ въ Тамбовъ въ самое благопріятное время для моей наблюдательности: за мѣсяць до посѣщенія Государя Наслѣдника Цесаревича. Городъ былъ пустъ, но по немногу все собиралось: Предводители для совѣщаній о принятіи Августѣйшаго небывалаго Гостя; дворянство по тому же предмету и для ярмарки, на которую дѣлательно готовилось кучество. Тутъ же былъ назначенъ недавно открытый бѣгъ рысистыхъ лошадей, весьма занимавшій заводчиковъ. Готовилась также выставка произведеній губерніи, въ силу предписанія министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое тебѣ извѣстно. Мысль благодатная, точное исполненіе которой ознакомитъ Россію съ своею производительностью; разовѣетъ собственные ея источники; откроетъ богатства доселѣ невѣдомыя, и можетъ дать истинное направленіе ея промышленности. Планъ данный министерствомъ обдуманъ глубоко—и весьма обширный; съ нѣкоторой онытностью и догадкой въ него можно включить все. Хорошо сдѣлано, что изыскать средства исполненія возложено на мѣстныхъ начальства и даже на общество; ибо успѣхъ и устройство выставки, послужать мѣриломъ промышленнаго образованія первенствующаго общества въ губерніи.

Но возвратимся къ Тамбовской выставкѣ. Ее казалось легко сдѣлать, если общество въ эту мысль выникнетъ и ею займется: но въ этомъ-то все и дѣло! Кто можетъ въ этомъ поручиться? Кто знаетъ у насъ въ губерніи, общее мнѣніе? Какой его органъ? Тамъ гдѣ оно выражается журналами, газе-

тамъ, литературою—и тамъ трудно добраться до настоящаго мнѣнія, но по крайней мѣрѣ возможно. Но какое для сего средство въ провинціи, обширностью равной Баварскому королевству, гдѣ дворянское общество малочисленно, разсыяно по маленькимъ городкамъ или по своимъ деревнямъ и безъ всякаго почти между собою сношенія! Какъ примутъ они мысль выставки? Кушцы, фабриканты, ремесленники, хотя болѣе знакомые съ сей мыслью, по существу своихъ занятій, рѣшатся ли дѣйствовать по своему, или пойдутъ за дворянствомъ? Одни и большая часть, вѣроятно ничего не прищипотъ подъ благовиднымъ предлогомъ, что ничего нѣтъ чрезвычайнаго; какъ будто выставка дѣлается изъ необыкновеннаго; это не кабинетъ рѣдкостей. Другіе изъ худо направленаго самолюбія, что ихъ издѣлія хуже сосѣдскаго, постараются ничего не выставить. Къ тому же не имѣли и не могли имѣть вѣрнаго понятія о развитіи промышленныхъ силъ губерніи: всѣ ея произведенія видѣли только по частямъ и разбросанныя, нигдѣ и никогда вмѣстѣ, и всѣ почитали ее бѣдною. Сверхъ этаго не было ни помѣщенія, ни прислуги, ни денегъ. Установителемъ выставки назначили знакомаго мнѣ человека, который понималъ всѣ эти трудности и никакъ не надѣялся ихъ преодолѣть: «врочемъ не боги горшки обжигаютъ» приговаривалъ онъ. Цѣлый мѣсяць собиралась выставка: дворянство отдало подъ нее свой клубъ съ услугою и съ обширнымъ дворомъ, на которомъ предложено было выставить животныхъ богатаго скотоводства губер-

нія. Купцы: П. Г. Суворовъ, К. К. Гундобинъ, Прокунинъ, Кожинъ пожертвовали небольшими суммами на необходимыя издержки. «Слава Богу,» сказали мнѣ однажды директоръ «не знаю будетъ ли богата наша выставка, или нѣтъ; богатство вещь относительная и зависитъ не отъ насъ. Я въ этомъ отношеніи не сравнивалъ Тамбовской губерніи съ другими; пока, это—вещь невозможная: мы не имѣемъ ни достаточныхъ для сего документовъ, ни данныхъ; послѣ выставокъ—это другое дѣло! Но наша выставка будетъ правдою! Мы ничего не утаимъ и выставимъ, какъ говорится, все «отъ кебра до исopa!» Насъ пошла: заводчики шлютъ свой скоть; фабриканты свои произведенія; помѣщики свои продукты; даже дамы выставляютъ издѣлія своихъ досуговъ, которыя всюду разсѣяны, но въ массѣ представляютъ одну изъ огромнѣйшихъ фабрикацій. А вотъ лучшее доказательство, какъ общество вникнуло въ мысль министерства: посмотри глубокой слой черноземной почвы, нынѣ намъ присланный. Догадался, что подобное богатство, которому Таеръ вѣрить не хотѣлъ, не есть вещь обыкновенная! Однимъ словомъ мы не совсѣмъ похожи на д'Аламбертову мамку; и съ сей поры успѣхъ выставки не подѣлится никакому сомнѣнію! Чего не сдѣлаешь съ подобнымъ обществомъ?»

Между тѣмъ комитетъ по выставкѣ дѣйствовалъ дѣлательно: огромная переписка по всѣмъ частямъ губерніи, какъ съ должностными такъ и частными

лицами, производилась; для приёма вещей завели приходныя и расходныя книги, куда всякая вещь вписывалась подъ № до возвращенія или продажи: ибо выставка объявила принятое вездѣ правило, продавать вещи желающимъ, по выставленной цѣнѣ. Ресстръ подробный вещамъ составлялся; краткое описаніе выставки сочинилось и печаталось въ губернской типографіи. Я пошло тебѣ особенно это описаніе выставки, гдѣ всѣ главныя статистическія свѣдѣнія были приняты въ соображеніе; всѣ производительныя силы губерніи обозначены, и выставка являлась чѣмъ и быть должна: «сокращенной таблицей всѣхъ произведеній края въ лицахъ.» — Такъ понялъ комитетъ мысль министерства о выставкахъ.

Думали сначала классировать предметы по гражданскому раздѣленію, какъ-то: на земледѣліе, скотоводство, мануфактуры и смѣсь; но скоро замѣтили неудобство сего порядка, и рѣшились придерживаться ученаго раздѣленія министерства, прибавивъ только пятый классъ, художественный. Впрочемъ планъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ учрежденіи выставокъ, столь обдуманъ и столь обширную представлялъ раму въ краткихъ словахъ, что достаточно его понимать и въ точности исполнять.

Въ скоромъ времени приготовили залы; привезли дворъ; поставили коновлазы и отдѣлы для животныихъ; всѣ вещи были почти собраны и назначили репетицію: всѣмъ этимъ не много успѣ-

шали по случаю проезда министра Юстиціи, которому захотѣлось взглянуть на выставку.—По опишу тебѣ не репетицію, а самую выставку, за два часа до посѣщенія ея Великимъ Княземъ, когда осматривалъ ее К. П. А. . . . ъ, которому мы обязаны нынѣшнимъ движеніемъ статистическихъ работъ. Но отложу до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО II.

Я спросилъ у директора какой порядокъ онъ принималъ въ разстановкѣ вещей, и вотъ что онъ мнѣ сказалъ: «Прежде нежели отвѣчать мнѣ удовлетворительно на твой вопросъ, надобно тебѣ дать предварительное понятіе о правилахъ, которыми вообще комитетъ руководствовался. 1) *Ничего не отказывать*, потому что комитетъ не судья; корить и хвалить т. е. судить—есть должность общества, которую оно хорошо исполнить можетъ тогда только, когда все увидитъ и все сравнитъ. Всякой предметъ достоинъ выставки потому уже, что существуетъ; отказавъ же поспѣшному ничтожную вещь, можно лишиться десяти хорошихъ. Къ тому же въ природѣ и системѣ одинъ предметъ важнѣе другаго, но совершенно ничтожныхъ нѣтъ: главное чтобъ всякой стоялъ на своемъ мѣстѣ.—2) Хотя губернія обилуетъ фабриками, заводами и даже рудами, но главное ея богатство—скотоводство и земледѣіе, и потому, *наружности выставки необходимо со-*

*

хранить сей господствующій характеръ губерніи.
 3) *Вся прѣдметы выставить во всѣхъ степеняхъ производительности: отъ колоса до печенаго хлѣба; отъ корня свекловичнаго, до совершеннѣйшаго издѣлія кандитерства; отъ животнаго, до шали изъ его шерсти или пуху вытканнаго, и пр.* 4) *Отстранить всякую роскошь украшеній, не принадлежащую къ выставленнымъ предметамъ, чѣмъ соблюдется экономія общественныхъ денегъ, на которыя всегда не худо скупиться.»*

Послѣ этаго предисловія мы подошли къ обширному двору выставки, который расчистили, обвели дорожками, усыпали пескомъ. 50 жеребцовъ стояли въ своихъ коновязяхъ и при каждомъ—конюхѣ, остриженный въ кружокъ и въ Русскомъ нарядѣ. Мудрено было рѣшить кому отдать преимущество: необыкновенно ли красивымъ статуямъ лошадей завода г-жи Полтавцевой, гигангамъ ли съ Азіатской кровью графа Кутайсова, или сильнымъ, рысистымъ конямъ г. Воейкова. Въ сторонѣ, запряженный въ бѣгвые дрожки стоялъ извѣстный Лебедь, окруженный семью серебряными кубками. Конь Герона, побѣдитель Олимпійскій, воспѣтый Пиндаромъ не былъ горделивымъ и прекраснымъ! Сравненіе едва ли дерзкое, когда вспомнишь, что вся Греція была гораздо поменьше Тамбовской губерніи.

Вправо, противъ лошадей, на зеленомъ дѣрнѣ расположено было прекраснѣйшее стадо изъ шести коровъ (завода г-жи Андреевской); главой и повелите-

лемъ ихъ былъ огромный быкъ. Выраженіе спокойной безмятежной силы рогатаго богатыря живописно контрастировало съ рѣзкими порывами гордыхъ жеребцовъ.

Далѣе стояло стадо меринсовъ, весьма недавно еще, достояніе одной Испаніи и гораздо драгоценнѣе было оно для нее Мексиканскихъ и Перувианскихъ рудниковъ! А теперь шерсть Тамбовскихъ стадъ передѣлывается на ряду съ Инфантадо на Манчестерскихъ прядильняхъ. Какъ это случилось? очень просто: пришла мысль Петру—а что. Ему въ голову не приходило?—подкрѣплена Александромъ, предоставлена Россіи; и съ нашими Заволжскими и Новороссійскими степями, и съ неутомимымъ рвеніемъ помѣщиковъ ко всѣмъ улучшеніямъ, намъ не опасна даже Новая Голландія, куда Англичане ежегодно отправляютъ и отборныя стада, и колонистовъ, и значительныя капиталы. Золотое руно и съ Колхидою у насъ въ рукахъ!

Возлѣ овецъ, заключая классъ животныхъ, находилась свинья Англійской породы безъ щетины, сей необходимой потребности щегольства; Русскія свиньи сохранили пока монополію въ Европѣ: Англійскія чисты, а наши чистятъ. Ростомъ и дородствомъ выставленная свинья могла бы поспорить съ вепремъ Каледонскимъ, и безъ сомнѣнія соблазнила бы Тараса Скотинина.

У самаго входа расположены были земледѣльческія орудія, какъ вообще употребительныя такъ и

улучшенный, начиная съ простой сохи до машинъ вводимыхъ въ многопольныя хозяйства. Тутъ были: распашники разныхъ родовъ; одноконные и для поднятiя нови многоконные плуги съ оглоблями; желѣзные бороны; маковая машина; вѣлка въ родѣ Бутеноповыхъ, только съ бичевкой вмѣсто чугунныхъ тяжелыхъ колесъ; глиномятная машина изобрѣтенiя Кн. Волхонскаго; маленькая коса и грабельки, которыми еще Петръ I желалъ замѣнить серпъ; кровли камышевыя и соломенные, употребительныя въ имѣнiи Кн. Любимирской, отличныя своею чистотою и красотой. Удивительно какъ не обратятъ вниманiя на сей простой, дешевый и красивый способъ кровель, тогда какъ желѣзо намъ не доступно своей дороговизною; тебъ дешево не многимъ: и то и другое сопряжено съ непрiятностью крашенiя; обыкновенныя же наши соломенные крыши безобразятъ строения, ломаютъ стропилы, вспыхиваютъ отъ малѣйшей искры и разносятся первой бурей, сообщая пожаръ цѣлому селенiю. Если Тамбовская выставка ознакомитъ крестьянъ и помѣщиковъ только съ этими кровлями, то уже принесетъ несомнѣнную выгоду цѣлой области.

Улучшенный орудiя доставленные отъ многихъ помѣщиковъ и почти со всѣхъ уѣздовъ губернiи доказываютъ распространяющуюся охоту къ Агрономiи — и присутствiе, хотя еще разсѣпныхъ, элементовъ, для преобразованiя старыхъ привычекъ и предрассудковъ, несвойственныхъ, ни съ духомъ вре-

мени, ни съ поплтіями общества ; останея только эти разсыпанные лучи собрать въ единый свѣточъ. — Воздѣ машинъ стола карета Тамбовскаго издѣлья.

Но пора въ залу. Нечего останавливаться въ первой комнатѣ гдѣ сгрудили серамиковыя произведе- нія ; въ матеріалахъ губерніи не нуждается, но искусства могло бы быть болѣе.

Устройство дома помогло удобному и красному расположенію выставки : комнаты отдѣлились одна отъ другой не стѣнами, но колоннами ; такъ что однимъ взглядомъ можно было обнять весь составъ выставки. Посторонникъ прикрасѣ никакихъ не было ; длинныя, вдоль стѣнъ столы, накрытыя свѣтлозеленымъ сукномъ, уставленные произведеніями губерніи — пріятно поражали своимъ разнообразіемъ. Классъ растительный красовался роскошными сноями, цвѣтами и деревьями, межъ которыми блестяли серебряныя канделябры и золотистая рѣзба класса художественнаго. Яркія пуховыя шапки и каймы ; легкія ткани ; прозрачныя кружева и тюли разноцвѣтными фестонами обвивали стройныя колонны ; стѣны и хоры были драпированы многочисленными коврами.

Полотна, салфетки, шитье и пр. лежали какъ въ магазинѣ на прилавкѣ и заключали классъ мануфактурный.

Посрединѣ залы, столы составляли покой установленный произведеніями царства ископаемаго со-всѣми принадлежностями.

Машины вновь изобрѣтенныя на многочислен-ныхъ фабрикахъ Тамбовской губерніи, занимали особенное отдѣленіе: кругомъ ихъ лежали половники солдатскихъ и тонкихъ суконъ; народныя ткани, крашеная пряжа; мѣховыя надѣлы и руны тонко-шерстныхъ стадъ.

Въ послѣдней комнатѣ были: кожа, юфта, рогожи, сало, деготь, воскъ; домашніе сыры, трюфели Шацкаго уѣзда и пр.

Произведенія класса художественнаго были раз-сѣяны по всѣмъ отдѣленіямъ и служили не малымъ украшеніемъ выставкѣ.

Но чтожь было особенно замѣчательнаго? Я уже разъ сказала, что выставка не есть музей рѣдкостей. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, куда стекается все — должно быть чрезвычайное и превосходное; а въ губерніи замѣчательно должно быть цѣлое. Выставка есть статистическій урокъ Россіи; сумма всѣхъ губернскихъ выставокъ составитъ полный курсъ.

Впрочемъ замѣчательнаго было много: въ растительномъ классѣ то, что хлѣбныхъ зеренъ произ-водится по нынѣшнимъ низкимъ цѣнамъ на 100 м. р.,

а въ голодномъ году (1833) губернія произвела по самымъ умѣреннымъ расчетамъ на 500 м. р. Эта статья конечно заслуживаетъ своего представителя на губернской выставкѣ. А въ частности нельзя не обратить вниманія на новыя породы хлѣбовъ, разводимыя въ видѣ опытовъ, каковы: Сирійская рожь, Гималайской ячмень, голый овесъ, Американская лебеда, Сибирская греча, не боявшая мороза (?), который такъ безжалостно, въ Июль, уничтожилъ почти весь посѣвъ обыкновенной.

Въ царствѣ ископаемомъ замѣчательны произведенія купоросныхъ и сѣрныхъ заводовъ — купцовъ Прокунина, Гундобина и Попова; богатая руда свинцовая! ими же открыта и тѣмъ болѣе любопытная, что свинцовой руды мало въ Сибири, немного въ Англии — и кажется вовсе нѣтъ въ остальной Европѣ. Есть въ этой рудѣ и признаки серебра, но въ столь маломъ количествѣ, что едва-ли заслуживаютъ какого вниманія. Кости гигантскихъ животныхъ — будто допотопныхъ — но въ самомъ-ли дѣлѣ? Странно, что онѣ попадаются весьма часто, не только по всей Россіи, но и во всѣхъ странахъ знаемаго міра.

Мануфактурный классъ отличался разнообразіемъ и превосходной отдѣлкою нѣкоторыхъ статей: тутъ были издѣлія огромныхъ и многочисленныхъ чугуновыхъ заводовъ; 4-хъ заводовъ свекловичный сахаръ, изъ котораго выставлена была большая конфектная пирамида; картофельная патока завода Огарева, еще

не бывала въ губерніи. Чрезвычайно тонкія и отлично отдѣланныя полотна, батистъ и скатерти; шерсти Ангорскихъ козь, которыхъ взялась акклиматировать К. Гаг...а; шали и каймы изъ козьего пуху К. В...й. Въ машинномъ отдѣленіи привлекали вниманіе: двѣ пыльные машины; одна для сученія покровокъ; и одна для накальванія кардъ.— Всѣ четыре вновь изобрѣтенныя съ весьма французскимъ механизмомъ. Первые три г. Беланже на фабрику Л...ъ; а послѣдняя на фабрику г. Полторацкаго, крѣпостнымъ его механикомъ. Многіе ковры отличались добротою и вкусомъ какъ-то: И.б...ъ; и М...ъ; но особеннаго вниманія заслуживалъ бархатный коверъ на оба лица на манеръ Персидскихъ г. П...а.

Классъ художественный былъ не многочисленъ—но не мало украшала выставку: особеннаго замѣчанія заслуживалъ портретъ Наслѣдника на финифти сдѣланный дворovýmъ человекомъ г-жи Андреевской; серебряный въ четыре пуда канделябръ, съ же художникомъ исполненный; иконостаенная рѣзьба золоченая самоучки Наумова и нѣкоторыя масляныя картины.

выставка заключалась глыбой черноземнаго слоя въ 1 ар. 8 вер. толщины—и который покрываетъ почти $\frac{1}{2}$ Тамбовской губерніи. Существованію подобнаго богатства Таеръ вѣрить не хотѣлъ: «говорить» такъ выражается онъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о Рациональномъ Хозяйствѣ, «что въ Венгріи и Малороссіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слой чернозе-

ма глубиною въ два фута; но у насъ въ Германіи ничего похожаго не видно.»

Предметы въ задней комнатѣ находившіеся какъ-то: рогожи, сало, мыло и пр. были отличной доброты и свойства, но признаться надобно, что не всегда таковы въ продажѣ, чему доказательствомъ служить и то, что ихъ по выставленной цѣнѣ — тотчасъ все раскупили.

Вотъ общій обзоръ всей выставки; теперь скажу тебѣ свои выводы и заключенія: растительный классъ отличился своимъ обиліемъ, дѣломъ плодороднѣйшей почвы, щедраго неба—и множества рукъ, которыя, пока, ничемъ кромѣ земледѣлія, заняться не могутъ; потому-то въроятно, искусство тутъ еще въ младенствѣ. Нѣтъ охоты, нѣтъ страсти, нѣтъ пожертвованій; немногія, еще отдѣльныя лица, опереживающія потребности настоящаго, занимаются этой отраслью, которая ожидаетъ духа сообщества.

Со всемъ другимъ въ классѣ животномъ; тутъ заводчики во первыхъ, не опасаются конкурса толпы и неблагопріятной погоды; во вторыхъ видна мысль, охота, капиталы и трудъ; ибо и то и другое вознаграждается. И потому вообще заводы доведены до высокой степени превосходства.

Классъ мануфактурный въ этомъ отношеніи отсталъ: разнообразіа много, что означаетъ предпріимчивость — но превосходство еще впереди. Изъ 16 суконныхъ фабрикъ только одна занимается произ-

водствомъ тонкихъ суконъ — и то окончательно отдѣливаетъ ихъ въ Москвѣ, вѣроятно потому, что губернія еще бѣдна вспомогательными способами. Лучшие механики и технологи въ губерніи пока — иностранцы. И вообще мануфактурная часть требуетъ значительнѣйшихъ капиталовъ, большаго некущества, разнообразныхъ, основательныхъ и положительныхъ свѣденій; въ добавокъ характера трудолюбиваго и постояннаго — который можетъ быть есть не что иное какъ слѣдствіе всего предыдущаго. Самое состояніе общества нашего не совсѣмъ вознаграждаетъ необходимые труды и пожертвованія. Изъ заводовъ и фабрикъ благоденствуютъ только тѣ, которые имѣютъ дѣло съ казною, какъ-то: фабрики солдатскихъ суконъ и винокуренные заводы: за то ихъ произведенія достигли желаемаго превосходства.

Мимоходомъ упомяну только о заводахъ сахарныхъ: эта совершенно новая промышленность вѣроятно вознаградитъ современемъ всѣ пожертвованія, но по сію пору никто еще себя не учелъ. Все что теперь сказать можно, это то, что сахаръ изъ свекловицы дѣлается и хорошо и выгодно, что уже много; но свекловица часто измѣняется, а выгодъ большаго трудно ожидать, доколѣ не будетъ она продаваться на рынкахъ, какъ картофель. Впрочемъ это дѣло одного времени; пожелаемъ только терпѣнія лицамъ, а обществу и государству успѣхъ вѣрный!

Нѣкоторые роскошные предметы домашняго издѣлія, какъ-то: ковры, каймы шальныя, пуховыя

шали; кружева, шитье; полотно и проч. доказываютъ необыкновенную мануфактурную способность нашего народа и вкусъ помещиковъ къ занятіямъ. Но повторить надобно, что все эти опыты даже удачные, есть не что иное какъ произведеніе прихоти богатыхъ, и доколѣ не соберутся въ фабрики—доколѣ общество наше не въ состояніи будетъ вознаградить употребленный трудъ и капиталъ. На иные предметы дѣйствуетъ случайность моды, которую въ губерніяхъ не все имѣютъ возможность знать, и которая сама находится подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Вотъ примѣръ: Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ на выставкѣ изволилъ купить палатинъ изъ индѣчьяго пуха Г. Х...й, очень похожій на *chinchilla* иностранщій; на другой день многіе бросились заказывать такіе же, хотя десять лѣтъ эти мѣха дѣлаются у Г. Х...й—и одинъ былъ съ Московской выставки взятъ для Государыни Императрицы, но объ этомъ почти никто не зналъ—и никакъ не воображали, чтобъ изъ индѣекъ могло выдти что порядочное, кромѣ жаренаго.

Отъ класса художественнаго мудрено многого ожидать въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ отъ обѣихъ столицъ; довольно и того что есть стремленіе. При случаѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, эти возвышенные порывы къ изящному могутъ развернуться съ блескомъ, который трудно принимается на нашей сѣверной почвѣ: представимъ пока эту славу Италиіи и столицамъ.

Но полно: ты имѣешь теперь о Тамбовской выставкѣ такое понятіе, какое я могу только тебѣ представить въ краткомъ обзорѣ. Хочешь большаго, подробнѣйшаго, основательнѣйшаго, толковитаго — потрудишься просмотрѣть напечатанный каталогъ съ статистическими поясненіями и реестръ всѣмъ.

P.S. Совсѣмъ было забылъ поговорить съ тобою о недавно открытомъ бѣгѣ; бѣги теперь въ Россіи не одну пустую забаву составляютъ — но приняли свойственный имъ характеръ пользы. Постигли, что наружная красота лошади есть вещь условная; дѣло вкуса и привычки, неимѣющее викакаго прочнаго общаго основанія и о которой всякому позволительно имѣть свое мнѣніе. Истинное же значеніе красоты столь разнообразно-полезнаго животнаго должно бы заключаться въ чемъ нибудь положительномъ. Существенныя достоинства всякой лошади есть сила, огонь, покорность; всѣ наружные признаки, или стати, заставляющіе предполагать присутствіе этихъ качествъ — должны быть признаны красотою — и даже совершенствомъ, если они находятся въ совокупности; такъ, что красоту наружнаго должно почитать не иначе какъ итогомъ внутренняго достоинства лошади. Сила — обозначается быстротою и неутомимостью; огонь обличаетъ породу и проявляется бодростью; покорность необходима для способности къ ѣздѣ. Скачка и бѣгъ — могутъ только раскрыть эти разнородныя свойства лошадей, и какъ пробирный камень сотрутъ позолоту съ свинца, и въ новомъ

блескъ лить золото. Бѣтъ есть также выставка, гдѣ коннозаводская промышленность должна литься въ послѣдней степени своего развитія.

ПИСЬМО III.

Но вотъ наступилъ день торжественный, желанный! Прискакала курьеръ съ извѣстiемъ, что Наслѣдникъ Цесаревичъ вечеромъ будетъ. Съ 4-хъ часовъ послѣ обѣда загудѣли колокола; духовенство стройнымъ чиномъ потянулось въ соборъ; народъ толпами окружалъ храмъ, волнуясь какъ море, быстрые экипажи неслись по всемъ улицамъ.

Цесаревичъ прѣхалъ уже поздно и прямо во дворецъ: городъ ярко освѣтился, колокола не умолкали, радостное: «ура!» оглашало воздухъ — весь городъ былъ въ движеніи — которое затихло далеко за полночь: съ раннимъ утромъ все опять закипѣло.

Государь Цесаревичъ послѣ выхода поѣхалъ въ соборъ, оттуда въ богоугодныя заведенія и публичную бібліотеку. Народъ всюду стремился за нимъ — но не успѣвалъ за Его экипажемъ; когда же Наслѣдникъ вышелъ пѣшкомъ у обширнаго двора выставки — надобно было видѣть, что такое сдѣлалось: ни одна крѣпость Суворовскимъ штурмомъ братья — не была съ такимъ рвеніемъ осаждаема. Ограду поваши-

ли, заборъ разобрали; лезли черезъ стѣпу, на кровли, тѣснились и волновались между коновязми жеребцовъ и быковъ—безъ страха, безъ осторожности: одно чувство восторга всѣхъ оживляло!

О Царь! высокую мысль Твою поняли. Твой Царевичъ — обручается съ Твоей Россіей! Съ какимъ радостнымъ вниманіемъ всѣ взоры были въ Него вперены: каждый читалъ на Его возвышенномъ челѣ, славную будущность Россіи — благоденствіе которой столь глубоко и прочно основано.

Величественно шелъ царственный юноша: съ какимъ благоговѣніемъ раздвигались передъ Нимъ волны народа. Взоръ ясный, открытое чело, высокой ростъ, приветливая улыбка съ царственной осанкою, напоминали намъ и кровь Славиль, и величіе Отца, и красоту Матери: Онъ предсталъ Россіи символомъ всего прекраснаго въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ!

Онъ шелъ не суетнымъ блескомъ и пышностью окруженный—но представителемъ поэзіи, науки, воинскихъ и гражданскихъ доблестей Его сопровождали: вмѣстѣ съ искренними чувствами преданности.

На выставкѣ Государь Царевичъ съ величайшимъ вниманіемъ выкалъ во всѣ подробности производство; какалъ точность и опредѣлительность въ вопросахъ! какалъ наблюдательность въ замѣчаніяхъ и сравненіяхъ! какой широкій объемъ пространнаго поля промышленности!

Всѣ машины приводили въ движеніе; разговаривать съ фабрикантами и ремесленниками; дѣлать сравненія со всѣмъ Имъ видимымъ! Наконецъ остановился у черноземнаго слоя, показалъ на рядъ сноповъ убранныхъ залу и на руны тонкой шерсти, и сказалъ: «Вотъ ваши главныя богатства». Да, это истинныя богатства наши, дарованныя щедрымъ небомъ и заботливостью Монарховъ нашихъ: намъ остается только упрочить ихъ на вѣки своимъ просвѣщеннымъ трудолюбіемъ!

Послѣ обѣда Цесаревичъ отправился на бѣгу; и, осмотрѣвъ камеру засѣданій, занялъ мѣсто въ приготовленной для Него галлерей; для многочисленной публики была другая. Весело было смотрѣть—какъ на обширномъ полѣ, на трехъ ристалищахъ разомъ неслись сильные и быстрые кони, вздымая облака пыли.

Вечеромъ загорѣлась опять роскошная иллюминація противъ оконъ дворянскаго собранія, гдѣ давали балъ. Входъ въ домъ собранія превращень былъ въ гротъ: свѣжій дернъ, благоуханіе цвѣтовъ, сѣнистыя деревья — маняли нѣгой и прохладою! Танцевальная зала построена въ родѣ древнихъ базиликъ — и походила на Московскую — отличалась своей величественной простотою: огромные размѣры; длинныя ряды стройныхъ колоннъ увѣнчанныхъ акантомъ; блистательная близина стѣнъ, яркое освѣщеніе и въ рѣзной золотой рамѣ подъ бархатнымъ виссономъ портретъ Императора! и

среди всего этого роскошные наряды красавицъ, кружащихся въ быстрыхъ вальсахъ и кадрилихъ, изумляли своимъ эффектомъ. Хоры унижены были зрителями и снаружи зала стѣснена была народомъ, который въ широкія окна жадничалъ взглянуть — «хоть еще разъ на Него!»

Глазъ не спускали съ Царевича, который танцевалъ много, весело; приветливая улыбка играла на устахъ Его, отражалась счастьемъ во всехъ сердцахъ. Онъ былъ душою праздника, который съ Его удаленіемъ вдругъ затихъ, — какъ будто что отлетѣло!

На другой день, передъ отъѣздомъ Государь Паслѣдникъ слушалъ молебень въ Соборѣ: съ какимъ умиленіемъ сынъ Царей, преклонивъ главу передъ крестомъ, принялъ папучетвенное благословеніе отъ пастыря!

И Россія велегласно повторить тоже: «Гряди благословенъ во имя Господне!» Да встрѣтятъ Тебя всюду, на блесглицемъ и трудномъ поприщѣ Провидѣніемъ Тебѣ открытомъ — какъ встрѣчала Россія. Она какъ мать радушная раскинула предъ Первенцемъ Царя своего, несмѣтныя сокровища въ недрахъ ея затасныя — и преклонила передъ Тобою неисчерпаемый фіалъ любви!

Ново-Узенскій помѣщикъ Я. Караманскій.

ЗЕЛЕНЬІЙ ЦВѢТЬ.

Прелестно небо голубое,
Изъ водаь тканное Творцомъ,
Пространнымъ, блестящимъ шатромъ
Оно прстерто на землёю.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестна роза Кашемира!
Весной, въ безмолвіи ночей,
Поеть любовь ей соловей,
При тихомъ вѣяніи эфиря.

Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестны блѣдно-спни воды!
Въ кристаллѣ ихъ — и сводъ небесь,

И дремлющій въ прохладѣ лѣтъ,
И блескъ весеннія природы.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестна ливія долины!
Въ одеждѣ брачныя четы,
Какъ кроткій Ангелъ красоты,
Цвѣтеть въ пустыняхъ Палестины.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

Прелестны жатвы полевья!
При яркиxъ солнечныхъ лучахъ,
Они волнуются въ поляхъ,
Какъ будто волны золотыя.
Все такъ! но мнѣ милѣй
Зеленый цвѣтъ полей.

П. Ершовъ.

КОЛЬЦО съ БИРЮЗОЮ.

Камень милый, бирюзовый,
Ненаглядный цвѣтъ очей!
Ахъ! зачѣмъ мой милый камень,
Ты безвременно потускъ?
Я тебя ли не являлъ?
Я тебя ли не берѣлъ?
Что жъ по прежнему не свѣтишь!
Что не радуешь очей?
Ахъ! я слышу, ахъ! я знаю,
Милый камень, твой отвѣтъ:
«Скоро, скоро насъ оставить
«Незабвенный ангелъ нашъ.
«Свѣтъ очей ея небесныхъ
«Освѣщать меня собой,
«И дыханье устъ прелестныхъ
«Оживляло красотой!»
Ты померкни, ты потускни,

Камень мильный, дорогой!
Распался, разломился,
Ты, — заветное кольцо!
Что мне кольца, что мне камни,
Если нѣтъ со мной се?
Съ ней и радость, съ ней и счастье!
Безъ нея мнѣ жизнь не въ жизнь!

И. Ершовъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (*).

Въ срединѣ Русской земли, тамъ, гдѣ лежатъ тяжелою грядою на ея поляхъ Алаунскія горы, былъ въдревнѣ пріютъ для народа, любившаго кочевать раздольно. Крутые берега Оки сторожили этотъ пріютъ отъ сѣвера, за которыми жили Славянскія племена; къ югу отъ Оки, за темными лѣсами, широко расширялась долина, по которой текли воды рѣки Уны. Надъ долиною возвышался хребтъ, ополсанный съ одной стороны рѣкою Плавой, а съ другой Задонскими степями, гдѣ жили Казары и Полныи. На южномъ уголку этаго хребта спокойно колыбалось Иванъ-озеро, мутное и круглое какъ Татарская ядова. Къ югу изъ этаго озера вытекала небольшой ручеекъ, воды котораго, протекала по Задонскимъ степлямъ, называлъ кто-то Домомъ, а на сѣверъ изъ него же бѣжалъ Шагъ.

(*) Изъ второй части Исторіи Общественаго образованія Тульской губерніи.

На востокъ и на западъ текла та же Ока, были лѣса, рѣки, жили Славяне - Кривичи и Чудь, за ними бродили Варяги.

Дикъ и ужасенъ былъ пріютъ за Окскими берегами; но пришлецъ изъ Азіи полюбилъ его, построилъ хижины, развелъ пахотными и, черезъ двѣсти лѣтъ своей извѣстности, нечезъ съ лица земли отъ руки сильнаго. Властелинъ его пріюта, Русскою человѣкъ захозяйничалъ въ немъ по своему: порубилъ лѣса, провелъ дороги, заселилъ своихъ земляковъ по городамъ и селамъ, и зажилъ совершенно Русскою жизнью. Спустя много лѣтъ послѣ такого хозяйства, Русскіе люди назвали свой пріютъ, со всеми городами, селами, лѣсами и рѣками: *Тульской губернію*.

Исторія Тульской губерніи не такъ древня, какъ міръ, и дѣла ея жителей не такъ важны, какъ дѣла всего Русскаго народа; но люди и земля этой губерніи, волею и неволею, втерлись въ Русскую исторію, и какъ участники ея дѣлъ, радостно живутъ въ народной памяти и важно говорятъ въ книжныхъ сказаніяхъ.

Поля Тульской губерніи, бывшія вдревле пріютомъ для Азійскаго пришельца, теперь родиною Русскаго человѣка, оживились двумя гражданскими обществами: *Азіискимъ* и *Русскимъ*. Азіискій дикарь и просвѣщенный Европеецъ выражаютъ собою главную идею гражданской жизни, полный кругъ общественнаго образованія Тульской губерніи.

Въ продолженіи осьми вѣковъ человѣческой жизни, совершились событія, приготовлявшія для будущаго двѣнадцать городовъ, полныхъ жизнью и дѣятельностію. Гдѣ жить въ палатѣ Азійскій принцъ, тамъ, какъ мы сказали, Русской завелъ свое хозяйство, развелся семействомъ, построилъ сель и городовъ. Въ этихъ городахъ, въ этихъ селеніяхъ поселились люди разныхъ сословій и, какъ люди особенные по своимъ характерамъ, составили свою жизнь городскую, свою жизнь слободскую, свою жизнь сельскую.

Тульская городская жизнь является въ трехъ отдѣльныхъ видахъ: въ жизни *старой* городской, управляемой во благо всемогущею волею великаго князя; въ жизни *зависимой* отъ удѣльныхъ князей, въ явленіи временномъ, двухъ-вѣковомъ; въ жизни *новой*, управляемой въ духъ Самодержавія и Православія.

Слободская жизнь Тульскихъ городовъ существовала въ своихъ особенныхъ правахъ, составляла самый дѣятельный, ремесленный классъ народа.

Жизнь сельская, подчиненная боярѣмъ, дворянамъ, лицамъ духовнымъ, представляла самую труднѣющую Русскую дѣятельность, вѣрную опору отчизны, рать временную для походовъ.

Жизнь городскую составляли: духовные, бояре, дворяне, дѣти боярскіе, и люди посадскіе. Во всѣхъ

трехъ видахъ этой жизни они участвовали: въ дѣлахъ военныхъ, судопроизводствѣ, промышленности, въ изученіи наукъ, знаній, искусствъ. Каждое сословіе имѣло свои права, свои преимущества.

Жизнь слободскую составляли: люди слободскіе, окружившіе своими селеніями города, занимавшіеся искусствами, торговлею. Таковы были: гончары, оружейники, ямщики.

Жизнь сельскую составляли: помещичьи крестьяне, монастырскіе служки и крестьяне бѣлонащцы, бобыли.

Въ этихъ разныхъ даннахъ совершалось общественное образованіе Тульской губерніи. Событія древнихъ лѣтъ, дѣла и люди укажутъ намъ вѣрный взглядъ въ обзорѣніи оной. Дѣла старой жизни нераздѣльны отъ новой; ибо тамъ, гдѣ одна начинала только измѣняться, приготовлялась уже другая. Въ такомъ только сравнительномъ изученіи мы можемъ преслѣдовать общественное образованіе. Въ непонятной жизни Азійскаго пришельца мы увидимъ образованіе Тульскихъ городовъ, селеній; въ прежней жизни городской и сельской мы постепенно будемъ замѣчать — какъ зарождалась, совершенствовалась и созрѣвала наша городская современная жизнь.

Первенецъ древней жизни, основатель перваго шалаша на поляхъ Тульской губерніи былъ Влѣтичь, человекъ не Русской крови. Съ приходомъ

его семейства началось общественное образованіе, и въ дѣтахъ его осуществилось первое гражданское общество. Это было до насъ, можетъ быть, за тысячу лѣтъ, когда на сѣверъ Европы совершалось общественное образованіе Русскаго народа. Въ тѣ времена Азійскіе пришельцы, скитаясь изъ стени въ стени, искали для себя безопасныхъ жилищъ, и каждое ихъ племя въ своемъ новомъ приютѣ, было зародышемъ для великихъ дѣлъ грядущаго человечества. Эти переходы Азійскихъ племенъ, ихъ Европейскіе приюты произвели разрушеніе старобытныхъ поколѣній и стремленіе народовъ къ образованію Европейской государственной системы. Сей всемірный переворотъ, совершенный въ первые вѣка Христіанства, образовалъ великую идею, которая осуществляется въ человечествѣ, и создалъ изъ пришельцовъ огромныя массы Европейскихъ народовъ. Въ эти-то бурные дни, когда люди изгоняли людей, пришель въ Тульскія поля первенецъ древней жизни. Не будемъ печислять древнихъ народовъ, переходившихъ изъ Азіи въ Европу: этотъ предметъ принадлежитъ общей исторіи Русскаго народа. Мы ознакомимся съ Азійскимъ поколѣніемъ, перешедшимъ отъ своихъ соредичей къ берегамъ Оки, въ приютъ, гдѣ Русской человѣкъ образовалъ Тульскую губернію.

Когда Азійскіе пришельцы странствовали въ Европѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго, по рѣкамъ и степямъ, вытѣсняя одинъ другаго, тогда не было между ними грамотныхъ людей, по сказаніямъ ко-

торыхъ мы могли бы узнать переселенцевъ; а полагаться на темныя преданія позднѣйшихъ разсказчиковъ нѣтъ возможности; ибо непроницаемая завѣса, скрывшая отъ насъ древность, уничтожаетъ все догадки. Мы только знаемъ, что въ вѣкахъ этого переселенія явились Венедскія племена, съ жилищами на сѣверѣ Европы. На Волховѣ, отделившись отъ нихъ, жили, съ своею самобытно-стью, Славяне, а на Вислѣ была уже прочная осѣдлость Ляховъ. Когда же Ляхи перешли за Днѣпръ, то, по словамъ Русскаго лѣтописца, отделились отъ нихъ два поколѣнiя съ своими родоначальниками или старшинами. *Радимъ*, предокъ перваго, поселился при рѣкѣ Сожѣ, въ нынѣшней Могилевской губернии, и племя его получило названiе Радимичей; предокъ втораго, Вятко пошелъ отъ Радимичей къ сѣверо-востоку и, разсыпавшись своими сородичами по берегамъ Оки, подъ названiемъ Вятичей, занялъ поля, гдѣ нынѣ находятся губернии Орловская, Тульская, Калужская, до земли Казаровъ, простиравшейся тогда отъ Оки до Чернаго моря.

Вотъ откуда прибылъ Вятчъ на Тульскiя поля и кто основалъ первое Тульское гражданское общество. Въ этомъ фактѣ вмѣщается полный мифъ, разсказываемый въ преданiяхъ, лѣтописяхъ и исторiяхъ болѣе десяти вѣковъ; но при простомъ взглядѣ на него видна бѣдность, и въ очеркахъ жизни самаго народа ярко отсвѣчивается общественная самобытность. Съ тѣхъ поръ, какъ люди XIX вѣка

разобрали гіероглифы, прочитали саги, извѣдали Санскритскія письма, многи освѣтили много темнаго въ исторіи.

Принимая мною о Вятичахъ за историческій фактъ, видимо, единственно изъ сказанія Нестора, что Вятичи вышли изъ Днѣпровскихъ лѣсовъ. Быть сего племени, дикаго и кочующаго, ни малѣйшаго не имѣлъ сходства съ бытомъ Славянскихъ поколѣній. Среди обширной поляны, глава семейства устроивалъ шалашъ, около котораго сосредоточивались дѣйствія его дѣтей, а за предѣлами поляны слабѣла и угасала жизнь дикарей. Весело было ему — онъ жилъ, и дотолъ, пока новыи сосѣдь не вытѣснялъ его. Едва лишь заскучалъ, онъ бросалъ свое жилище, мѣнялъ родину на мѣста чуждыя и спокойныя. Вѣроятно, по тѣмъ же расчетамъ изъ лѣсовъ Днѣпровскихъ двинулись Вятичи къ берегамъ Оки; но чрезъ какія мѣста переходили они и въ какое время, лѣтописецъ намъ объ этомъ ничего не говоритъ. Главнаго пристанища онъ не могъ означить за тѣмъ, что народы дикіе чуждались осѣдности. Въ его время, въ XI столѣтіи, за Окою былъ извѣстенъ только одинъ городъ Дѣдославль, при Шиваронѣ; въ окрестностяхъ же его, до высокихъ Окскихъ береговъ, были лѣса и рѣки. Донъ, Уна, Осетръ, сливался со множествомъ рѣкъ, разграничивали степи, указывая пришельцамъ на мѣстныя выгоды. Не эта ли тишина привлекла Вятичей, утомленныхъ переходами, переступить Окскія грани въ пріютъ Упской долины? Днѣпровскій таборъ безъ

всякаго препятствія могъ селиться за берегами Оки, ибо тогда все пространство между Муромомъ и Ростовомъ наполнили однѣ безмолвныя степи. Только по берегамъ тихаго Дона оглашались кровавыя свѣчи Донскихъ Казаровъ, ужасныхъ одной Греціи.

Родоначальникъ или старшина Вятчей Вятко приводитъ мыслящаго къ разысканіямъ. Безъ всякаго сомнѣнія Вятко и товарищи его Радимъ суть мнѣшескіе представители народа. Не думаемъ, чтобъ этотъ мнѣшъ создалъ нашу Песторъ, Русской XI вѣка, писавшій только то, что видѣлъ, слышалъ и *вычиталъ* по Грецескимъ запискамъ. Вероятно, это было общимъ повѣрьемъ до его записыванія Русскихъ событій. Шлѣцеръ, пріѣхавшій изъ Германіи объяснять Русскимъ Русскаго лѣтописца, первый началъ подозрѣвать бытіе родоначальника Вятчей, и кромѣ подозрѣній ничего не сдѣлалъ. Песторіографъ Карамзинъ принялъ разсказъ Пестора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Бытіе Вятчей, какъ отдельнаго племени, имѣвшаго свою самобытность, осталось несомнѣннымъ въ Русской исторіи. Люди сгибли, но дѣла ихъ сохранились въ сказаніяхъ.

Не обширны были событія перваго гражданскаго общества, разбросившаго свой таборъ на поляхъ Тульскихъ. Политическое бытіе зависѣло отъ сосѣдей, а гражданское было Азійское, дикое, безотчетнос. Въ наше время мы не можемъ объяснить: какіе сосѣди были ихъ друзьями? съ какими племенами они враждовали? На югѣ жили Казары,

враги ихъ непримиримые, далѣе чрезъ степи отъ нихъ, простерались владѣнія Кіевского Князя, сокрушавшаго ихъ самобытность; къ сѣверу были колоніи южныхъ Руссовъ, а отъ Ростова до Волхова бродили толпы независимыхъ народовъ. Лишенные свидѣній о тогдашней географической мѣстности, мы не можемъ очертать границъ, гдѣ вмѣщались хижины Вятичей. Источникъ брачей и междуособій у дикихъ народовъ проистекалъ отъ распространѣнія границъ, а потому скорѣе можно опредѣлить общее мѣстопробываніе, нежели граничное пространство. Нашъ Несторъ говоритъ, что Вятичи строили хижины въ мрачныхъ лѣсахъ, окруженныхъ рѣками, жили безъ всякихъ политическихъ законовъ, съ одною дикою простотою. Обычаи отцовъ, народныя преданія руководили ихъ въ общественной жизни. Среди веселыхъ игрищъ молодой Вятичъ избиралъ себѣ дѣву, подругу жизни и безлечно проводилъ жизнь свою въ бѣдной хижинѣ, не заботясь о будущемъ; за то смерть своего отца торжествовалъ обрядами: сжигалъ его, мертваго, на кострѣ, собиралъ пепелъ въ сосудъ и выставлалъ его для памяти на столбѣ, при большихъ дорогахъ. Жизнь Вятичей въ полной мѣрѣ была Азійская; намъ одно не понятно: почему она во времена Нестора считалась презрительною? Это еще болѣе ведетъ насъ къ тому заключенію, что они не были въ родствѣ съ Славянами.

Гражданскій внутренній бытъ Вятичей остается для насъ неразгаданнымъ. Одинъ только Владиміръ

Мономахъ говоритъ: «А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы, на Ходоту и на сына его.» Изъ этого ограниченнаго свидѣнія мы только можемъ вывести одно заключеніе: что земля Вятичей была неудобна для лѣтней войны, что неизвѣстный Ходотъ и сынъ его были, если не предводителями народными, то вѣрно отважными повелителями набѣдниковъ.

Вятичи до половины XII столѣтія были язычниками. Святѣя истины небесной Вѣры только эту одну область не просвѣщали въ Русской землѣ со времени Владиміра. Изъ святой Печерской обители пришелъ инокъ Кукша къ Вятичамъ для проповѣдованія истиннаго Бога. Гдѣ свершилось крещеніе, мы не знаемъ. Такъ темны извѣстія нашихъ бытописателей. Грубые дикари, вѣроятно, уличаемые въ своихъ заблужденіяхъ, предали Кукшу, вмѣстѣ съ его ученикомъ, позорной смерти: имъ отсѣкли головы. Былъ ли кто послѣ его преемникомъ, и успѣлъ ли онъ воздвигнуть храмъ живому Богу, для насъ остается это въ неизвѣстности. Борьба Вятичей за язычество заставляетъ предполагать, что они имѣли наборниковъ — жрецовъ. Православная Церковь причла Кукшу къ лику Святыхъ, и Русской народъ доселѣ съ благоговѣніемъ поклоняется его мощамъ въ Кіевскихъ пещерахъ.

Время повлеченія перваго гражданскаго общества для исторіи общественнаго образованія Тульской губерніи остается неизвѣстнымъ. Несторъ рассказы-

вал о расселеніи пародовъ въ Русской землѣ, обозначилъ ихъ наряду съ прочими. Въ десятомъ столѣтіи Казары ходили войною по землѣ Вятичей, покоряли и облагали ихъ данью. Въ 964 году Кіевскій Князь Святославъ воевалъ съ ними, и въ свою очередь обложилъ ихъ данью. Вятичи не совсѣмъ покорились власти Кіева. Когда Святославъ ходилъ войною на Казарь, то въ 966 году опять сражался съ Вятичами. Послѣ сего долго не было слуху о нихъ. Владиміръ Великій овладѣвъ Кіевомъ, два раза отправлялъ свои дружины противъ Вятичей и только силою принудилъ ихъ платить прежнюю дань. Въ борьбѣ съ Казарами и Русскими гражданское общество Вятичей теряло быстро свое бытіе. Рѣшительный ударъ нанесъ имъ Владиміръ переселеніемъ ихъ семейства въ свои города, на границы южной Россіи, для огражденія Кіева отъ набѣговъ. Не смотря на это стѣсненное положеніе Вятичей, Русскіе не могли ихъ признавать совершенно своими данниками. Кіевъ, мѣстопробываніе Русскихъ князей, во времена Владиміра Великаго, управлялъ многими городами и окружными областями, и въ немъ одномъ сосредоточивалась политическая общественная жизнь. Но это было на югѣ. Къ сѣверу отъ Кіева смирились люди только предъ мечемъ: слова были ничтожны. Чтобы Кіеву считать людей, разбланныхъ по степямъ, своими данниками надобно было всегда быть съ ними въ войнѣ. За то данники вносили Русскимъ князьямъ известную подать, шли съ ними на войну противъ ихъ враговъ, и при всемъ томъ могли отвергать усло-

вилъ владѣтельнаго князя если они казались имъ невозможными. Въ такой-то жизни исчезла самообитность Вятичей, первое гражданское общество Тульскихъ полей.

Рѣшительное уничтоженіе Азійскихъ пришельцевъ Русской земли началось послѣ достопамятнаго мира 1026 года, когда Ярославъ раздѣлилъ съ Мстиславомъ Русскую землю на области. Поля Тульскія съ Вятичами вошли въ составъ Черниговскаго Княжества, гдѣ Русскіе, сражаясь съ потомками Мономаха, совершенно истребили Азійское гражданское общество.

Второе гражданское общество, явившееся среди Тульскихъ полей, было чисто Русское, образованное подъ защитой городской жизни, въ распорядженіи семейнаго феодализма—Черниговскаго удѣльнаго княженія. Жизнь общественная, люди и князь—переселившіеся изъ Чернигова, при Окѣ, Упѣ и Зушѣ образовали свою городскую жизнь, продолжили отдѣльною отраслю ветхій семейный феодализмъ, котораго совершенное уничтоженіе могъ только произвестъ Іоаннъ Грозный.

Русское гражданское общество Тульской губерніи совершалось въ продолженіи многихъ столѣтій и только въ XIX столѣтіи достигли нынѣшней степени образованія. Первая общественная жизнь этого новаго гражданства началось съ развитія городской жизни, съ явленія удѣловъ, и исчеза-

ла постепенно, въ совместномъ разрушеніи всей старой Русской жизни. Вторая общественная жизнь, созданная гениемъ Великаго Петра, есть чисто Европейская, современная намъ.

Слѣды первой Русской общественной жизни въ Тульскихъ поляхъ начались съ самобытности городской жизни. Черниговскіе выходцы, многіе удѣльные князья, гонимые Русскою борьбою за великое княженіе — приютились въ окопахъ Тульскихъ полей. Отсюда произошли города: Дѣдославль, Новосиль, Одоевъ, Бѣлевъ, Ростиславль, Кашира. Здѣсь создано и скрылось Тульское удѣльное княженіе. Въ послѣдствіи борьба поработанныхъ съ покорителями, невыносимое униженіе народнаго духа отъ Татаръ — произвели свои убѣжища. Отсюда города: Тула, Алексинъ, Гремлячевъ, Любутскъ, Крапивна, Веневъ, Епифань, Ефремовъ, Чернь. — Здѣсь развился второй отдѣлъ Русской общественной жизни, состарился и разрушился, а на развалинахъ образовалась новая Европейская жизнь.

Семейный феодализмъ, поддерживая въ продолженіи трехъ столѣтій Русскую борьбу за великое княженіе, произвелъ въ Русской землѣ городскую жизнь, совершенно противоположную западно-европейской. Семейная жизнь Русскихъ престольныхъ городовъ, сгаравшая въ раздорахъ княжескихъ, бѣжала въ глушь лѣсовъ, когда новый князь возвѣщалъ на пепелищахъ свое владычество, окапы-

вазась рвами, и подъ защитою стѣнь пріобрѣтала самобытность съ приходомъ князя или его воеводы. Великіе князья въ эти укрѣпленія отпращивали княжить своихъ дѣтей и братьевъ. Русскіе гибни въ этой системѣ правленія. Не любовь родительская создала на Руси систему удѣловъ, въ чемъ обвиняють Русскихъ князей наши историки XVIII, XIX столѣтія и первыхъ годовъ XIX: ихъ жалобы несправедливы. Обратимъ вниманіе на духъ того времени и на народность Русской земли. Переходы къ измѣненію системъ правленія не только на Руси, но и во всей Европѣ были слѣдствіемъ переворотовъ, и почти въ одно и то же время тождественны. Едва показались на земляхъ Славянскихъ Варяги, и уже явилась система политическаго быта—феодализмъ Варяжскій. Эта система, ливившаяся съ Рюрикомъ, соединилась съ Славянской народною, укрѣплялась борьбою, и постепенно угасала, когда начала проявляться самобытность Руси. Великій князь Владиміръ есть представитель новой системы правленія. Отъ первыхъ дней его княженія, до смерти Ярослава, готовился зародышь къ новому политическому быту. Тогда жизненные силы Русскихъ земель, сосредоточенныя въ Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ, приблизились къ развитію. Здѣсь видимъ необходимость перехода правленія къ феодализму семейному—системѣ Русскихъ удѣловъ. Не систему удѣловъ мы должны обвинять за бѣдствія; но представителей ея. Она въ свое время была необходима, ибо отъ нея же зависило уничтоженіе феодализма. Такъ для запада

Европы спасеніемъ были крестовые походы, а для Русской земли походы князей изъ удѣла въ удѣль. Бытіе Русскихъ удѣловъ продолжило Татарское ильженіе Русской земли, но и здѣсь не могло оно найти себѣ опоры. Княженіе зыбко лежало на лезвѣ Татарскаго меча. Когда дѣйствители общественной жизни приближались къ единству, тогда проявилось новое политическое бытіе — монархія. Великій князь Іоаннъ III есть первый изъ представителей Русскаго единодержавія, которымъ навсегда упрочилось благо Русской земли.

Тульскія поля, доставшіяся по раздѣлу Мстиславу, получили зародышъ городской жизни изъ Чернигова, въ то самое время, когда въ Русской землѣ семейный феодализмъ развилъ спетему удѣловъ до высочайшей степени. Сюда прибылъ князь Симеонъ, происходившій отъ крови Св. Михаила, князя Черниговскаго. Его пристанищемъ сдѣлался Новосиль, городокъ при рѣкѣ Зушѣ, гдѣ укрывались Русскіе люди. Съ прибытіемъ сего князя основались три Тульскія удѣльные княженія, существовавшія два столѣтія. Князья Новосильскіе намъ не всѣ извѣстны: записки современниковъ говорятъ о слѣдующихъ.

1. Симеонъ, извѣстный съ начала XIV столѣтія.
2. Александръ, убитый въ ордѣ въ 1326 году.
3. Романъ Симеоновичъ въ 1375 году.
4. Симеонъ Романовичъ въ 1402, 1403 годахъ.

Дѣти Новосильскаго князя Романа Симеоновича, гонимые вторженіемъ Татаръ, перешли въ Одоевъ,

и съ прибытіемъ этихъ князей начинается второй Тульскій удѣль. Изъ князей Одосвскихъ намъ извѣстны:

1. Георгій Романовичъ въ 1492—1494 годахъ.
2. Левъ Романовичъ,
3. Симсонъ Георгіевичъ, убитый въ 1473 году.
4. Ѳеодоръ Георгіевичъ въ 1492 году.
5. Ивашъ Георгіевичъ.
6. Василій Симсоновичъ въ 1492, 1502, 1507, 1513 годахъ.
7. Ивашъ Симсоновичъ Сухорукой въ 1492 и 1502 годахъ.
8. Петръ Симсоновичъ въ 1508 году.

Третій Тульскій удѣль начался съ прибытіемъ въ Бѣлевъ сына Нсѣ спльскаго князя Василя Романовича. Этотъ послѣдній удѣль пережили всѣ Русскіе удѣлы. Князья Бѣлевскіе:

1. Василій Романовичъ.
2. Михаилъ Васильевичъ въ 1495 году.
3. Андрей Васильевичъ въ 1513 году.
4. Иванъ Васильевичъ въ 1495 и 1513 годахъ.
5. Василій Васильевичъ.
6. Ѳеодоръ Михайловичъ.
7. Иванъ Ивановичъ въ 1566 году.

Политическое бытіе Тульскихъ удѣльныхъ князей совершило три переворота. Князья Новосильскіе удаленные отъ Чернигова, окруженные Татарами и Московскимъ княженіемъ, первые подвергались вліянію Московскихъ князей, а потомъ зависимо-

сти. Въ этомъ переворотѣ необходима должна была измѣниться система правленія. Набѣги Татаръ и ихъ защита Московскому князю совершенно уничтожали самобытность мелкихъ княженій. Московскій князь Симеонъ Иоанновичъ, пріобрѣталъ покупкою клочекъ земли въ Новосильскомъ княженіи, кажется, подчинилъ его первый своей системѣ. Дмитрій Иоанновичъ Донскій водилъ уже съ собою князей Новосильскихъ въ поле на своихъ враговъ. Второй переворотъ открылся для нихъ вторженіемъ Витовта въ Русскую землю. Литовцы завоевали Одоевъ, Бѣлевъ и Новосиль, и князья Тульскихъ удѣловъ повиновались Литовскимъ князьямъ продолженіи почти столѣтія. Въ это время возникали между ними семейныя распри. Князья Одоевскіе оспаривали право у своего дяди, сожгли Одоевъ, убили бабуку, и разграбили княжескую казну. Князья Бѣлевскіе губили другъ друга, братъ заставлялъ своего брата изъ выгодъ повиноваться Литвѣ или Москвѣ. Великій князь Василій Темный заточилъ двухъ Бѣлевскихъ князей на Волокъ, но послѣ снлъ опалу и возвратилъ имъ Бѣлевъ. Великій князь Иоаннъ III Васильевичъ освободилъ Тульскихъ удѣльныхъ князей отъ власти Литовцевъ. Съ сего времени начался третій переворотъ, рѣшившій удѣлы. Иоаннъ IV Грозный заточилъ Бѣлевскаго князя Иоанна Иоанновича въ Вологду, и въ 1566 году развѣзжалъ по Бѣлеву со всѣмъ дворомъ, какъ въ своей отчизнѣ. Инокъ Бѣлевскаго монастыря записали въ синодикѣ: «Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси но

жаловалъ и велѣлъ давать въ Спасской монастырь по три пуда по семи гривенокъ меду по Бѣлевскихъ Князей на всенедельныя службы. А Игумену съ братією Бѣлевскихъ Князей поминати въ соборѣ у Спаса вся дни, а на ихъ памяти и на представленья кормы по нихъ строити, и служити по нихъ соборити.» Тѣмъ кончилисъ Тульскія удѣльныя княженія.

Русскіе люди, прішедшіе жить на Тульскія поля, были основателями городовъ, гдѣ жизнь ихъ управляемая удѣльными князьями, получила все гражданскія права. Эти города суть:

Дядославль — нынѣ село Дѣдилово—основанный при рѣкѣ Шваронѣ, извѣстный съ 1147 года. На его развалинахъ князь Жижемскій въ 1554 году построилъ городъ Дѣдиловъ.

Новосиль — основанный при рѣкѣ Зушѣ, извѣстенъ съ 1155 года.

Одоевъ,—выстроенный при рѣкѣ Упѣ, извѣстенъ со времени прибытія князя своего.

Бѣлевъ,—населенный на берегу Оки, извѣстенъ съ прибытія своего князя.

Ростиславль,—основанный при рѣкѣ Окѣ, близъ устья рѣки Осетра, извѣстенъ съ 1152 года, нынѣ село отстоящее отъ Каширы въ 20 верстахъ. Здѣсь Рязанская удѣльная система имѣла своего

князя Ростислава Ярославича—принадлежащую къ особенной отрасли Русскихъ удѣловъ.

Кашира,—основанная при рѣкѣ Окѣ, известна съ 1356 года. Московскіе князья обратили сей городъ въ убижище Казанскимъ царямъ. Принцельцы управляли симъ городомъ около двухъ столѣтій. Городская жизнь отданная на прокормленіе Татарамъ должна была страдать, если обратимъ вниманіе на образъ жизни Казанскихъ Татаръ XV столѣтія, особенно на ихъ поступки въ Казани и Ливоніи. Татары очень понимали духъ народа: памятниками этого остались грамоты Казанскихъ царей въ Бѣлопесоцкой обители, существующей еще досель на берегу Оки, противъ Кашеры.

Вторая отрасль Русской общественной жизни устроилась на Тульскихъ поляхъ подъ униженіемъ народнаго духа, когда враждебный мечъ Русскихъ князей на развалинахъ одного удѣла создалъ другой, когда владычество Татаръ угрожало городамъ смертію, когда Русской бѣжало отъ плѣна Татарскаго, оставилъ родной пріютъ и ставилъ шалашъ свой въ глуши лѣсовъ. Образованіе этой городской жизни было независимо отъ Тульскихъ удѣльныхъ князей. Князья Московскіе и Татары управляли ея ходомъ. Рязанскіе князья, сначала ея властители, добровольно уступили свои права на землю Тульскую и людей. Литовцы и Поляки не касались и не входили въ семейное распоряженіе сихъ городовъ. Замѣчательно, что Тульская городская жизнь была

оплотомъ для Москвы, границею ея владѣній, сторожевою линіею Русской земли. Когда Баскаки сторожили изъ Тулы Московскихъ князей, люди другихъ городовъ были Татарскіа дружины изъ засѣкъ и засады. Многіе города одолжены были своимъ бытіемъ единственно воинскимъ станамъ. Образованіе такой городской жизни совершилось въ девяти Тульскихъ городахъ:

Тула, основанная при рѣкѣ Унѣ и рѣкѣ Тулицѣ, извѣстна съ 1147 года. Городъ, основанный Русскими, въ неизвѣстное время, пережившій много событий и переменъ. Былъ сначала убѣжищемъ Русскихъ, потомъ пріютомъ Татаръ, послѣ владѣніемъ Русскихъ, и защитою двухъ самозванцевъ. Тула удержала за собою старѣйшинство въ новой Европейской Русской жизни.

Алексинъ, основанный на берегу Оки, показателъ въ запискахъ современниковъ не ранѣ XIV столѣтія. Этотъ городъ былъ всегда во владѣніи Русскихъ, опустошался Татарами и Литовцами. Не смотря на всѣ топографическія выгоды Тульскіе жители не успѣли воспользоваться ими доселѣ. Здѣсь течетъ Ока не далѣе 30 верстъ отъ Уны, каналъ который бы могъ соединить рѣчками эти двѣ рѣчки, доставилъ бы неисчислимыя выгоды: онъ соединилъ бы Москву съ степными губерніями.

Гремлевъ, построенный въ неизвѣстное время на берегу рѣки Осетра, находится въ Вемевскомъ

уѣздѣ. Памятникомъ его остались церкви и селеніе.

Любутскъ, основанный при рѣкѣ Окѣ, былъ предметомъ спора Москвы съ Литвою. На его мѣстѣ нынѣ существуетъ село Алексинскаго уѣзда. Городъ Любутскъ извѣстенъ съ начала XIV столѣтія.

Кратисна, основанная при рѣкѣ Плавѣ, извѣстна съ 1771 года.

Всесвъ, застроенный при рѣкѣ Всевкѣ извѣстенъ съ 1483 года.

Еписпань, основанный на берегу Дона, встрѣчается въ военныхъ разрядахъ XV столѣтія.

Ефремовъ, основанный при рѣкѣ Красной Мечи, въ концѣ XV столѣтія, извѣстенъ по военнымъ разрядамъ.

Чернь, основанная при рѣкѣ Черни, извѣстенъ съ XV столѣтія.

Син два элемента городской жизни начавшіеся отдѣльно на Тульскихъ поляхъ, соединились вмѣстѣ въ началѣ XIV столѣтія, когда въ Русской землѣ восторжествовало единодержавіе. Съ этаго времени Русской жилъ подъ покровомъ одного царя, безопасно сел.лся съ своимъ семействомъ. Онъ не ожидалъ пришеца для расхищенія пажитей; царская дру-

жина сторожила его достоиніе; онъ не боялся меча удѣльныхъ князей: царское слово пререкало ему судъ и милость изъ устъ воеводы. Такъ распространялась старая общественная жизнь на Тульскихъ поляхъ, и только предъ своимъ разрушеніемъ увидѣла какое-то слабое подкрѣпленіе городской жизни. Стольникъ Демида Хомяковъ въ 1652 году построилъ городъ *Богородицкъ*, на монастырской землѣ Тульского Предтечева монастыря, въ тогдашнемъ Епифанскомъ уѣздѣ. Въ 1680 году сидѣлъ въ немъ на воеводствѣ воевода Жаденскій.

Городскую жизнь въ общественномъ образованіи Тульскихъ городовъ составляли три сословія: *люди духовные*, *Бояре* съ огромнымъ классомъ *Дворянъ*, *люди посадскіе*.

Люди духовные существовали отдѣльно въ городской жизни, не сливаясь съ другими сословіями. Облеченные высокимъ саномъ, они пріобрѣтали власть надъ умами и сердцами. Голосу ихъ все покорствовало, ибо онъ, исходя изъ чловѣка добродѣтельной жизни, казался, чѣмъ-то неземнымъ, невольно внушающимъ слабую волну мірянина. Іерархъ, вникъ, священникъ — былъ, въ одно и то же время, неутомимый судья совѣсти, другъ души, для котораго все было открыто. Но, при всемъ этомъ, высшая іерархія не могла имѣть владычества въ политическомъ быту, даже и въ то время, когда она возвысилась своею властію до осократіи.

Въ продолженіи шести столѣтій бытія старой Русской жизни Тульскихъ городовъ, высшая іерархія не имѣла участія въ общественномъ образованіи. Бѣлое духовенство, городское и сельское, зависѣло отъ окружныхъ епархій, а обителн отшельниковъ, имѣя свои права, принадлежали суду одного іерарха. Отсутствие этаго главнаго общественнаго дѣятеля составляетъ отличный характеръ Тульскихъ городовъ въ Русской землѣ. Въ 1681 году предполагали учредить въ Тулѣ епархію; но предложеніе неизвѣстно почему осталось безъ исполненія. Для мѣстопребыванія епископа назначалась Тула, а для содержанія его дома предоставлялось отъ Предтечева и Святодуховскаго монастырей 200 монастырскихъ крестьянскихъ дворовъ.

Духовенство Тульскихъ городовъ находилось подъ вѣденіемъ разныхъ іерарховъ. Въ 1622 году къ Коломенской епархіи принадлежали Тульскіе города: Кашира, Веневъ, Гремичевъ, Крапивна, Тула, Двдоловъ. Бѣлевъ, Одоевъ, Новосиль, Енифанъ еще съ 1614 года приписаны были къ митрополіи Сарской и Подонской. Въ 1667 году Енифанъ и Гремичевъ причислены были къ Рязанской митрополіи; Кашира же въ неизвѣстное время причислена къ Рязанской, опять была приписана къ Коломенской.

Власть іерарха надъ духовенствомъ заключалась въ правахъ, утверждаемыхъ царями въ жалованныхъ грамотахъ. Въ Тульскихъ архивахъ нѣз сихъ правъ сохранились слѣдующіе:

Архимандриты, игумены, монахи, протопопы, попы, діаконы, дячки, звонцы, понамари и весь причетъ церковный судить епископъ, или его приказные люди и десятильщики; царскіе же намѣстники и восводы, тіуны и приказные люди, не должны вступаться въ духовный святительской судъ, ни въ духовныхъ людей.

Церковныя дани, пошлнны, годовая десятина вносятся въ домовую казну архіерсея, отъ архимандрита до звонаря, вручал его посланному по приказанію.

Безъ знамени священникъ не долженъ вѣнчать никого, и вѣнчаныя пошлнны, собираемыя отъ знамень, по приказу епископскому, вносятся въ его казну.

Въ городахъ, селахъ—со всѣхъ церквей собирается дань, записывается въ денныя книги, и по нихъ священникъ съ причетомъ вносятъ окладъ въ казну епископскую.

Въ городахъ, селахъ церкви строятся и освещаются по благословенію епископа.

Русскіе духовные люди, управляемые епископомъ, состояли изъ блага духовенства, приходскихъ священниковъ съ причетомъ церковнымъ, и чернаго — архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, бѣльцовъ. Къ этому классу людей примыкала огромная масса людей: монастырскіе слуги и крестья-

не, совершенно подчиненные имъ, и жившіе независимо отъ свѣтской власти.

Внутреннее управление блага духовенства Тульскихъ городовъ совершалось поповскими старостами, епископскими десятниками, избираемыми изъ настоятелей монастырей, священниковъ соборныхъ церквей. Епископскій десятникъ, прїѣзжалъ въ городъ для надзора за духовенствомъ, жилъ въ особенномъ домѣ на отчестъ людей духовныхъ. Всѣ возникшіе споры въ сословіи духовенства они разбирали сами, или въ мѣстномъ судѣ съ поповскими старостами. Кромѣ того они имѣли еще строгій надзоръ за сбораніемъ епископской дани и пошлины съ людей духовныхъ. Въ 1649 году явился въ Тулу духовникъ царя Алексѣя Михайловича протопопъ Луклянь Кириловъ, и управлялъ духовенствомъ около двадцати лѣтъ. Явленіе рѣдкое въ тогдашнее время, оспоривавшее власть іерарха. Близкій къ царю онъ неходатайствовалъ многимъ церквамъ ружья земли и денежные оклады.

Къ сожалѣнію въ наше время не можемъ опредѣлить всѣхъ оброчныхъ статей, которыя наполняли домовую казну епископа епархіальнаго. Въ 1691 году митрополитъ Сарскій и Подонскій собиралъ съ Бѣлевскаго уѣзду десятиннаго дохода съ духовныхъ людей 260 рублей. Сумма въ тогдашнее время весьма значительная. Кромѣ того онъ получалъ съ 497 неженатыхъ холостяковъ, такъ называемыхъ тогда отроковъ, съ 44 полудвоеженцевъ, съ 34 двоеженцевъ, съ 3 троеженцевъ—76 рублей

и 2 алтына — годового оклада. Въ Епископскую казну съ церкви вносилоь казенной поименны 14 руб. и 16 алтынъ, свадебной или вѣнчаной 17 руб. 11 алтынъ и 2 деньги, за пени или штрафы 2 руб. 8 алтынъ и 2 деньги. Бѣлое духовенство, лишенное возможности промышлять всякимъ торгомъ, получало доходы отъ исправленія церковныхъ требъ, отъ жалованной царями ружной земли и окладныхъ денегъ. Въ 1660 году Тульской Успенской соборъ получалъ денежнаго оклада 46 руб. 25 алтынъ и 2 деньги, и имѣть 90 четвертей ружной земли. Между тѣмъ Бѣлевскій Преображенскій монастырь, надѣленный деревнями и крестьянами получалъ въ 1675 году только 25 руб. 3 алтына и 2 деньги. Въ 1657 году Тульскій женскій монастырь получалъ годоваго оклада 200 рублей.

Внутреннее управленіе Тульскаго чернаго духовенства совершалось по своимъ отдѣльнымъ правамъ. Настоятель обители, былъ ли онъ архимандритъ или игуменъ, управлялъ монастыремъ, иноками, слугами и крестьянами монастырскими. Изъяскаемъ права Тульскихъ монастырей изъ грамотъ, жалованныхъ царями: Иоанномъ IV Васильевичемъ, Василиемъ Иоанновичемъ Шуйскимъ и Михаиломъ Феодоровичемъ—монастырямъ Бѣлевскому и Веневу:

1. Монастырскіе слуги и крестьяне судятся настоятелями съ братьями во всехъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, татьбы съ поличнымъ, разбоя, которыми завѣдываютъ намѣстники и тиуны.

2. Прыведчики и доводчики поборовъ своихъ не смнотъ и въ дворы монастырскіе не въѣзжаютъ.

3. Въ смѣсномъ судѣ монастырскихъ крестьянъ судятъ игумень съ братіями вмѣстѣ съ намѣстникомъ и тиуномъ. По окончаніи дѣла—подсудимый правый ли онъ или виноватый—отпускается къ настоятелю; намѣстники и тиуны не вступаются въ него.

4. Если найдуть на монастырской землѣ убитаго, а по слѣдствію окажется, что убійца неизвѣстенъ, то брать только по 4 алтына съ монастырскихъ *слотреноговъ*; если же откроется убійца, то онъ выдается намѣстникамъ, а крестьянамъ въ томъ виры и продажи нѣтъ.

5. Крестьяне дѣлаютъ явку намѣстнику съ тиуномъ; когда же на монастырской землѣ: кто съ дерева убьется, въ водѣ утонетъ, или приплыветъ водою, или сгоритъ, или убьетъ самъ себя, или будетъ убитъ громомъ, и въ томъ имъ виры и продажи нѣтъ.

6. Дворцовые недѣльники въ монастырскіе крестьянскіе дворы могутъ только въѣзжать въ годъ въ три срока: на Рождество Христово, на Троицынъ день, или на Петровъ день, и на Семенъ день лѣтопроводца. Кромѣ сихъ сроковъ никто не долженъ въѣзжать съ зазывными грамотами, или наметывать срокъ. Нарушители лишаются иску.

7. Настоятель и братія судятся въ духовномъ дѣлѣ епархіальнымъ архіереемъ по соборному уложенію; въ гражданскихъ же дѣлахъ настоятель, братія, слуги и крестьяне монастырскіе принадлежатъ суду царскому.

8. Князья и воеводы съ ратными людьми въ монастырскихъ дворахъ, въ посады и деревняхъ, не получаютъ для себя ни постою, ни корму. Если же кто стоитъ волею на монастырскомъ дворѣ, то долженъ покупать кормъ для себя и лошадей, по цѣнѣ продаваемой монастырскими крестьянами.

9. Настоятель и братія, предъявляя царскую грамоту наместникамъ и тиунамъ, не платятъ ничего за явку.

10. Съ монастырскихъ вотчинъ не собирать никакихъ податей, денежныхъ поборовъ, казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ, и кормовъ съ сошныхъ людей. Онѣ только вносить ямскія деньги, и стрѣлецкіе хлѣбные запасы, а городовое и острожное дѣло исполняютъ по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ.

11. Епископы и десятиники кромѣ духовнаго дѣла ни въ чемъ не судятъ ни настоятеля съ братіями, ни ихъ слугъ и крестьянъ. Дворовъ десятиниковъ не ставятъ, и не даютъ для нихъ ни лошадей, ни кормовъ.

12. При продажѣ лошадей въ монастырскихъ вотчинъ ставятъ клеймы монастырскія, а волостнымъ и наместниковымъ людямъ въ томъ дѣла нѣтъ.

13. Монастырскіе люди и царскаго коня не кормятъ, сѣна не косятъ и не возятъ, наместниковыхъ и волостныхъ дворовъ не дѣлаютъ.

14. Болре, воеводы и ратные люди изъ монастырскихъ вотчинъ подводъ и проводниковъ не требуютъ.

15. Къ монастырскимъ людямъ никто незванный не долженъ ходить на пиры, браки, сватъбы и

иное. Незваный ссылается съ двора съ пенью; если же не слушается незваный, станетъ нить усильно, и буде случится при немъ какая нибудь гибель, то незваному платить за гибель вдвое, безъ суда и расправы.

16. За нарушение грамоты, за обиду, нанесенную настоятелю съ братіями, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ полагается царская опала.

Въ Тульскихъ городахъ обители мирныхъ отшельниковъ созидались съ ревностію. Восемнадцать монастырей поставлены были на Тульскихъ поляхъ, и шестъ тысячъ душъ крестьянъ, съ землями, лѣсами и рыбными ловлями поддерживали существованіе отшельниковъ. Указывая собою потомству на благоговѣніе предковъ къ вѣрѣ, они сохранили свою память въ событіяхъ отечественныхъ. Русскіе по обѣту переселились въ обители, созидали вновь монастыри, и дарили имъ имущества. Въ Татарское плѣненіе Русской земли, враги не касались въ нашей родинѣ однихъ только церквей и людей духовныхъ. Въ это время, когда зажиточные люди переселились съ своимъ имуществомъ въ монастыри, отрекались навсегда отъ міра, большая часть Русскихъ монастырей была основана. Въ Тульскихъ городахъ были тогда слѣдующіе монастыри:

1. Тульскій *Предтечевъ* мужескій монастырь, основанный въ городѣ Туль, на лѣвомъ берегу рѣки Упы въ 1555 году.

2. Тульскій *Јспенскій* женскій монастырь, основанный въ городѣ Туль, вначалѣ XVII столѣтія.

3. Тульская *Ильинская* мужская пустынь, построенная въ Тульскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Шатъ, въ неизвѣстное время.

4. Бѣлевскій *Преображенскій* мужскій монастырь, основанный въ городѣ Бѣлевѣ, при Окѣ, извѣстенъ съ XV столѣтія. Здѣсь погребались князья Бѣлевскіе.

5. Бѣлевскій *Крестовоздвиженскій* женскій монастырь, въ неизвѣстное время въ городѣ Бѣлевѣ, встрѣчается съ 1625 года.

6. Бѣлевская *Жибитская* мужская пустынь, основанная на берегу Оки, на дворцовой землѣ, въ 1585 году, старцами Макаріемъ и Онуфріемъ.

7. Одоевскій *Анастасовъ* мужскій монастырь, основанный на берегу рѣки Упы, въ двухъ верстахъ отъ Одоева, извѣстенъ съ 1566 года. Здѣсь погребались князья Одоевскіе и Воротынскіе.

8. Каширскій *Вълосецкій* мужскій монастырь, основанный на лѣвомъ берегу рѣки Оки, встрѣчается съ XV столѣтія.

9. Каширская *Соколовская* мужская пустынь, основанная при рѣкѣ Окѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1628 года.

10. Епифанскій *Тихвинскій* женскій монастырь, основанный въ неизвѣстное время, внутри города Епифани встрѣчается съ XVII столѣтія.

11. Ефремовская *Преображенская* мужская пустынь, построенная въ городѣ Ефремовѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

12. Новосильскій *Ильинскій* женскій монастырь, основанный въ неизвѣстное время, въ городѣ Новосиль, встрѣчается съ XVII столѣтія.

13. Новосильскій *Святодуховскій* мужескій монастырь, основанный при рѣкѣ Зушь, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVI столѣтіе.

14. Веневскій *Николаевскій* мужескій монастырь, основанный въ чертѣ Картасневской застройки, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1407 года.

15. Веневскій *Никольскій* мужескій монастырь, основанный внутри города Венева, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

16. Крапивенская *Троицкая* мужеская пустынь, основанная близъ города Крапивны, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ XVII столѣтія.

17. Епифанскій *Успенскій* мужескій монастырь, основанный въ Епифанскомъ уѣздѣ, на Оедосыномъ городищѣ, въ неизвѣстное время, встрѣчается съ 1624 года.

18. Алексинскій *Буныресь* мужескій монастырь, основанный въ неизвѣстное время; въ 12 верстахъ отъ города Алексина, встрѣчается съ XVII столѣтія.

И. САХАРОВЪ

ПОДРАЖАНИЕ ШЕНЬЕ.

Дорнда! я сплшу въ безмолвный мракъ лѣсовъ;
Съ уединеніемъ сдружится любовь.
Весь міръ какъ даръ пустой лежитъ передо мною;
Лишь тамъ любовникъ твой мечтастъ быть съ тобою,
Тамъ, въ одиночествѣ, коварную любл,
Богатъ на вымыслы, я счастливъ безъ тебл.
Надежда свѣтлая и сны воображенья
Являютъ сердцу тамъ волшебныя видѣнья.
Со мною снова ты; но пылкая любовь,
Забывъ и строгій взглядъ и звукъ холодныхъ словъ,
Любуясь дѣвою чувствительной и томной,
И ласкамъ пѣжности тогда лишь благосклонной,
Съ ней бродить по тропамъ заброшенныхъ дорогъ,
Нль укрывается въ пустынный уголокъ,
Куда ни дровосѣкъ, ни лучъ не проникаетъ,
Нли прекрасную въ объятл заключаетъ
Подъ сумракомъ тѣлымъ муравчатыхъ пещеръ.

Когдажъ у ногъ твоихъ безумный сусвѣрь
Встрѣчаетъ на яву твой взоръ неоцѣненный,
Въ замѣну сладкихъ сновъ находитъ обольщенный
Тоску всегдашнюю, мучительный обманъ,
Какой таинственный, всесильный талисманъ.
Скажи, Дорида, мнѣ, глаза твои скрываютъ?
Они лазурь небесъ и землю украшаютъ.
Лежишь ли ты въ селѣ на полевыхъ нвѣгахъ,
Иль въ пышномъ городѣ на шелковыхъ коврахъ,
Пастушка скромная, или гордая Армида,
Ты все владычица, ты все, ты все — Дорида;
А я лишь рабъ любви, поклонникъ вѣчный твой,
Плѣщенный призракомъ, отверженный тобой!

И. Бекъ.

ЭЛЕГИЯ.

Лишь ты одна смиришь мои желанья,
Лишь тамъ гдѣ ты святая тишина
Въ моей груди смѣляетъ гласъ роптанья
И въ горній міръ душа увлечена!
Лишь при тебѣ дневныя тревоженья
На поприщѣ враждующихъ страстей,
Стяжанья, споръ, всѣ помыслы людей
Миѣ кажутся достойными презрѣнья.
Склонясь къ устамъ, внимая звукъ рѣчей,
Гдѣ лести нѣтъ, но гдѣ любовью лестной
Твои слова и дышать и горлтъ,
У милыхъ ногъ владычицы прелестной,
Слагая цѣпь мучительныхъ утратъ,
Мгновенно я къ блаженству воскресаю,
Отзывный гласъ минувшаго ловлю,
Смиренный быть молвъ предпочитаю,
Горжусь собой, мечтаю и люблю.

Что нужды мнѣ тогда въ рукоплесканьяхъ
Толпы слѣпой зовущей изъ гробовъ
Безсмертный духъ земныхъ полубоговъ
Чья жизнь прошла въ невѣдомыхъ страданьяхъ?
Сравню ли я безплодный славы громъ
Мученьями и кровью искупленный
Съ мечтой любви тобою вдохновенной,
Обнявшей насъ таинственнымъ крыломъ?
Кто былъ любимъ, кто страстию взаимной
Украшивъ жизнь, на небо возлеталъ,
Тотъ жаждетъ ли потомственныхъ похвалъ,
Цвнть ли тотъ торжественные гимны?
Не часто-ли предъ идоломъ своимъ
Вселенная проклятья забывала,
И вмѣсто ихъ кумиру возсылала
Восторговъ кликъ, кадила чистый дымъ?
Не часто-ли поборникъ чистой славы,
Поверженный стрѣлами клеветы
Жалѣлъ о томъ что отдалъ въ судъ неправый
Своей души святѣйшія мечты?
Пускай же свѣтъ блистательнымъ подлогомъ
Надъ истиной смѣется неземной:
Но я храню безсмертія залогомъ
Обътъ любви, дарованный тобой!

И. Бекъ

ДВѢ СЛЕЗЫ.

Въ священный часъ, когда въ душѣ твоей
Рождаются мгновенные звуки,
И къ небесамъ ты воздѣвасшь руки
И со слезою молишь о ней,—

Въ тотъ часъ, она невидимо съ тобою,
Она не слышитъ—чувствуетъ твой гласъ. . . .
Ея слеза слнлась съ твоей слезою—
И Богъ-Отецъ благословляетъ васъ!

Ив. Панаевъ.

ПРОЩАНИЕ СЪ МОСКВОЙ.

(НАПИСАНО ВЪ 1830 ГОДУ.)

I.

Прощай, — Россіи голова,
Первопрестольная, родина,
Семисотлѣтняя Москва!..
Прощай столица боевая!..
Иконъ Спаса поклонись,
Предъ мрачной, тягостной разлукой,
Я можетъ быть въ послѣдній разъ
Гляжу — волнуемъ тайной мукой —
На этотъ древній, милый домъ
Гдѣ выросъ я, ... гдѣ сталъ учиться, ...
На этотъ храмъ — куда съ отцомъ
За Русь ходили мы молиться, ...
На дивный Кремль — гдѣ въ нѣдрѣ благъ

Я началъ молодость безъ пятны, ...
 Гдѣ каждый памятенъ мнѣ шагъ,
 И каждый камень мнѣ понятенъ! ...
 Ахъ много, много свѣтлыхъ думъ
 Волнуютъ душу мнѣ и умъ, ...
 Но сердцу—тяжко, грустно, больно, ...
 Темнить предчувствіе глаза,
 И въ нихъ жемчужится невольно
 Печали горькая слеза! ...

II

Какая нить воспоминаній
 Какал роскошь чудныхъ дѣлъ! ...
 Вездѣ и всюду наши грани! ...
 Вездѣ орелъ нашъ пролетѣлъ!
 Но здѣсь—гнѣздо ихъ; здѣсь—разсадникъ;
 Здѣсь пѣшій брался за копье,
 Здѣсь на коня садился всадникъ,
 Когда самъ знамя взявъ свое
 Царь всей Россіи, Царь Московской,
 На Ягеллоновъ кликалъ рать! ...
 Когда грозилъ Кремлю Жолковской
 И Кремль ходилъ его карать! ..
 И вотъ,—онъ весь передомною
 Въ красѣ торжественной своей,

Хранимый стражей вѣковою
Своихъ соборовъ и церквей!...
Вотъ онъ,—кивогъ Царя и царства,
Всего великаго купель!...
Вотъ—сердцевина Государства
И славы нашей колыбель!...
Вотъ Грановитая Палата
Великолѣпнѣмъ обѣлга,
Гдѣ вѣрный слову казака
И господину Атаману,
Иванъ Кольцо, отъ Ермака
Принесъ письмо Царю Ивану,
И славъ побѣдный свой шеломъ
Сибирью билъ ему челомъ!..
Вотъ полный красотою дикой
Свѣтъ-богатырь Иванъ Великой,
Великимъ созданный умомъ!...
Вотъ цѣлый полкъ Кремлевскихъ башень,
Надъ конми могучъ и страшень
Царилъ разумный Годуновъ!..
Вотъ обелскъ семи вѣковъ,
Дворецъ Князей и Государей,
Гдѣ имъ дивился Олсарій
И ихъ съ Европою сближалъ!...
Гдѣ, соникъ мнувшихъ поколѣній,
Въ борьбѣ гражданственныхъ волненій

Огрѣсь въ властвовать, и—паль . . .
 И гдѣ потомъ судьбу народа
 Два раза волею судьбы
 Спасли, безусый воевода,
 Да бородатый мѣщанинъ! . .

III.

Здѣсь, здѣсь въ Кремль, рекъ Петръ Россіи:
 «Цвѣти Россія! . . .» и цвѣтеть.
 Здѣсь, онъ умѣвъ постичь стихіи,
 Опредилъ время полеть,
 Срылъ горы, высунулъ болоты,
 Почтилъ науки алтаремъ,
 Установилъ полки и флаги,
 Сталъ патриархомъ и царемъ,
 Смирилъ мятежъ стрѣлцкой рати,
 Судьбѣ дерзнувъ взглянуть въ лицо,
 И бородами Русской знати
 Усылъ Красное Крыльцо! . . .
 Здѣсь Онъ сказалъ: «конецъ неволѣ!
 «Очеловѣчел мой народъ!
 «Иди, шагай къ высокой долѣ, . . .
 «И стань царемъ земли и водѣ! . . .»

IV.

Сказалъ, . . . и бысть! . . . но мчится время! . . .
Раздвинуть крылья новый вѣкъ,
И было здѣсь другое племя! . . .
И быть другой здѣсь человекъ! . . .
Тотъ—плотоядный Ангелъ брани,
Тотъ—современный Фараонъ,
Тотъ—загорѣвшій отъ сіяній
Своихъ безчисленныхъ коронъ! . . .
Тотъ—смуглый вождь, любовникъ славы,
Рукою паны величаво
Муропомазанный Алкидъ! . . .
Тотъ—полный дивною отвагой,
Тотъ—пригвоздившій гербъ свой шпагой
Къ челу Мемфисскихъ пирамидъ! . . .
Тотъ—вдохновенный подъ Маренгомъ
Огнемъ Тулонскихъ батарей! . . .
Тотъ—царь летавній по шеренгамъ
Съ послушной свитой царей! . . .
Онъ былъ здѣсь счастьемъ упоенный! . . .
Онъ проложилъ въ Россію путь,
И мыслить здѣсь, въ глазахъ вселенной
Попрять погами нашу грудь, . . .
Засѣять городъ нашъ ковылью!! . . .
Но Бородинское ядро

Обь Кремль ударясь, стало—пылью!...
 И Божьихъ храмовъ серебро
 Спилось—въ мечи, въ штыки и пики!...
 Русь превратилась въ бивакъ,
 Побѣды обычныхъ вторя клики!...
 Дохнулъ морозъ, взвился казакъ,
 И оба вмѣстѣ, дѣти чести,
 Подъема вихрь и лтаганъ,
 Воздвигли—въ память Русской мести
 Тебя, Березинской курганъ!...
 И сила быстрого удара
 Тѣснить врага понудный шагъ!...
 И отъ Кремлевскаго пожара
 Дымится Тюльерійской флагъ...
 Ура — Москвѣ!...

V.

А я, на долго
 Въ ряды полка,—въ враждебный край,
 Спѣшу отсель невольникъ долга
 И говорю тебѣ: «Прощай!...»
 Прощай и ты земля родная,
 Приютъ послѣдній мертвеца,
 Еще столь свѣжая,—святая
 Могила друга и отца!...

Прощай! . . . печально умиленный,
Вчера, въ Донскомъ монастырѣ,
Предъ милымъ гробомъ преклоненный
Я горько плакалъ на зарѣ! . . .
И слушать грустно убитый
Какъ совершалась литія,—
И какъ монахъ, старикъ маститый,
Скорбящей ризою покрытый,
Средь оуміама,— надъ тобой
Шелъ: — «Со святыми упокой!»
И долго я подъ игомъ горя,
Могильной пѣснѣ громко вторя,
Тебя безумно призывалъ! . . .
И думать слышать гласъ отрадный,—
А ты разрушенный и хладный
Изъ гроба мнѣ не отвѣчалъ! . . .

VI.

Пошелъ же! Ну, ямщикъ, валай! . . .
Неси меня къ Цевѣ гранитной,
Потомъ оттуда, въ вражій край,
Въ дымъ битвъ, въ вихрь жизни самобитной! . . .
Неси, присѣвъ на облучекъ,
Мой путь онаси и далеку! . . .
А я,— пока въ виду родилъ,—

Не отведу моих очей,
Съ ея соборовъ и церковей!...
И сонмы ихъ благословляя
Не перестану повторять:
Скажи Москва, мнѣ суждено ли
Увидѣть некогда, опять
Твой Кремль—нашъ Русской Капитолій? —
Скажи вернусь ли я домой?..
Паду ли вновь въ твои объятія!...
Или въ послѣдній разъ какъ брата
Мы обнимаемъ съ тобой?...

РАХМАНИНЪ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДЕНІЯ О С. ПЕТЕРБУРГѢ

*Изданы при Министерствѣ Внутреннихъ
Дѣлъ. С. П. Б. Въ Гуттенбергской типо-
графіи, 1856 г. Съ таблицами и 8 планами.*

Эта книга есть безсомнѣніа замѣчательнѣйшая изъ
всѣхъ вышедшихъ у насъ въ прошедшемъ году по ча-
сти Статистики. Она составлена г. Заблоцкимъ, од-
нимъ изъ немногихъ людей, съ постоянствомъ и
любовію подвизающихся на семъ трудномъ попри-
щѣ. Изданіемъ оной мы обязаны просвѣщенному
управленію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (*).

О ней было упомянуто въ одномъ или двухъ
періодическихъ изданіяхъ, а между тѣмъ при недо-

(*) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ новомъ учрежденіи своемъ—
Статистическомъ Отдѣленіи при Совѣтѣ Министра—столько подаетъ
прекрасныхъ надеждъ для науки. Связанное съ подобными учреждені-
ями въ губерніяхъ, и имѣя сотрудниковъ во всѣхъ концахъ Имперіи,
оно составляетъ центръ, куда должны стекаться всѣ разнообразныя свѣ-
дѣнія объ нашемъ отечествѣ.

статкѣ у насъ вообще произведеній важныхъ, пропущенныхъ истинными началами науки, она заслуживала бы кажется бѣльшаго вниманія со стороны журналистовъ. Не льзя однако при семъ случаѣ не замѣтить, что судьба статистическихъ работъ почти вездѣ одна и также; рѣдко онѣ вознаграждаются тѣмъ всеобщимъ, продолжительнымъ вниманіемъ, которымъ пользуются произведенія, относящіяся къ другимъ отраслямъ знаний. На статистическія свѣденія смотрятъ лишь со стороны практической; при оцѣнкѣ ихъ берутъ во вниманіе, кромѣ достовѣрности, современности, и Статистику вводятъ въ рамку календаря, какъ сдѣлалъ Ж. Б. Сей; а кто же заглядываетъ въ календари прошедшихъ годовъ? Тутъ преимущественно приводятъ въ доказательство измѣняемость статистическихъ фактовъ;— правда, значительная ихъ часть измѣняется безпрестанно потому что измѣляемся мы сами, измѣняются и предметы насъ окружающіе, связанные съ нами неразрывно, дѣйствующіе на насъ, и взаимно отъ насъ претерпѣвающіе измѣненія. Но въ каждой наукѣ находятся двѣ стороны, изъ которыхъ одна постоянна, другая безпрестанно измѣняется; обратителіе вниманіе на исторію естественныхъ наукъ, на исторію Исторіи; каждый день не только измѣняетъ понятія объ ихъ основныхъ законахъ, но вводитъ новыя предметы въ сферу ихъ дѣятельности. Настоящее состояніе каждой науки также можетъ быть названо календаремъ для будущихъ читателей.

Въ Статистикѣ напротивъ постоянная часть обширнѣе, ибо въ нее входятъ многіе предметы, которые или вовсе не измѣняются, или измѣняются, но чрезвычайно медленно, и, что всего важнѣе, существуютъ постоянныя законы для самыхъ сихъ измѣненій. Съ другой стороны не только внѣшнимъ успѣхамъ Статистики, но и внутреннему ея развитію препятствовало то, что для этой науки полагаютъ не только ненужнымъ, но даже бесполезнымъ свободное размышленіе, живую мысль, отвлеченіе, и считаютъ главнымъ предметомъ — искусство собрать и расположить факты, — почти тоже что начертить таблицы.

Герн, который съ такою тщательностію, съ такимъ трудолюбіемъ разобралъ десятилѣтніе отчеты Французскаго министерства юстиціи, въ своей «Пряветвенной Статистикѣ» говоритъ, что онъ избѣгалъ размышленія о причинахъ, *«pour ne pas nous écarter de l'objet de la Statistique qui, se bornant à resserrer les faits sous leur forme la plus concise n'en montre pas directement la liaison.»* Здѣсь очевидно авторъ смѣшивалъ средства съ цѣлю, которая ему, скажемъ откровенно, не ясно представлялась.

Далѣе Гернъ продолжаетъ: «никакой духъ системы не руководить нами; мы не искали опоры ни въ какой теоріи». Прекрасно первое, не совсѣмъ похвально второе. Что такое теорія? теорія излагаетъ начала, на основаніи которыхъ отдѣльныя свѣденія, факты, соединяются въ одно цѣло. Теорія не про-

изводить, не выдумывает фактов; а только предполагает, допускает их существование, предполагая в тоже время потребность соединить их в систему: таким образом теория приводит в порядок человеческие действия, обращая внимание на их точки соединения. Каким же образом отвергать пользу теории в Статистике? это все равно что не допускать возможности ее как науки? Знание фактов для Статистики есть необходимое, существенное дело; но не должно забывать, что 1) не лезя с усердием собирать факты, не имея личного сознания об идеях науки, и что без сего сознания исследователь не имел меры для оценки фактов, будет бродить ощупью между явлениями, и неизбежное их множество подавит его; 2) отдельный феномен, один какой либо факт, сам по себе не имеет большой важности; полную цену он получает тогда, когда смотрят на него, каким образом он, как член живого организма, соединяется с прочими членами. Но чтобы правильно объяснить какой нибудь факт, узнать тот закон, который в нем является, постигнуть его отношение к другим фактам, возвыситься до созерцания идеи, нужна теория или, если хотите, умозрение; оно нужно даже и для того, чтобы самому значению фактов дать ту естественную внутреннюю симметрию, которую мы называем *системой науки*.

И посмотрите, отъ чего мы такъ часто подъ названіемъ Статистики видимъ безсвязныя собранія

чиселъ, фактовъ, наименованій? отъ чего безъ разбора приписываемъ имя Статистики свѣденіямъ о Готтентотахъ и объ Англичанахъ? именно оттого, что теорію считаемъ враждебною фактамъ,—что сключоняя умозрѣніе, не объяснили себѣ идеи Статистики.

Общество человѣческое, а не человѣкъ какъ недѣлимое—вотъ поприще Статистики;—силы природы и силы самаго человѣчества, способствующія его развитію въ обществѣ—вотъ предметы ея изслѣдованій. Далеко ли мы ушли на этомъ великомъ поприщѣ? пока узнали только за непреложное, что силы природы вѣчны, неизмѣлемы, что напротивъ силы человѣческія то напрягаются, то ослабѣваютъ. Но мы не знаемъ еще законовъ этаго колебанія, какъ знаемъ законы магнитной стрѣлки, или напряженія электрометра. И потому намъ не должно быть односторонними, не должно пренебрегать и фактами, думая, что ихъ уже слишкомъ довольно, и безъ ихъ пособія заниматься только чистыми отвлеченіями. Правда, фактовъ не мало у насъ собрано,—но все ли они подвергнуты анализу, все ли они очищены огнемъ критики,—изучили ли мы все ихъ отношенія, распутали ли мы безчисленные нити, которыми этѣ всѣдневныя, важныя и мелкія событія жизни нашей перепутаны одиѣ съ другими? Статистика, не только въ смыслѣ науки, но въ смыслѣ знанія, — еще весьма юна; а между тѣмъ уже думаютъ ея рѣшить важнѣйшіе вопросы гражданственности! Давно ли стали появляться, и то въ немногихъ госу-

дарствахъ, отчеты судящихъ, и уже цифрами ихъ одинъ хотѣли рѣшительно поддерживать извѣстный софизмъ Жанъ Жака Руссо о вредномъ вліяніи просвѣщенія на нравственность народовъ; другіе гордятся, что они нашли мѣстабъ для измѣренія нравственности народной, въдумали отвѣчать на вопросъ Хаджи Бабы, умнѣ ли, добрѣ ли Французы Англичанъ, и во сколько разъ. Не смотря на то, настоящее состояніе статистическихъ знаній обезудженное безпристрастно, доказываетъ, что теперь въ рѣшеніи многихъ практическихъ, административныхъ вопросовъ, они приносятъ несомнѣнную пользу. Укажемъ только на изслѣдованія о народонаселеніи, — имъ государства облазны, кромѣ болѣе равномернаго, и слѣдовательно болѣе справедливаго распределенія общественныхъ пожертвованій, налоговъ, — прекраснѣйшимъ учрежденіемъ новѣйшихъ временъ — застрахованіемъ жизни человѣческой (*).

И такъ, руководимые любовью къ знанію, къ истинѣ, предчувствуя вышнюю, отвлеченную Статистику, будемъ внимательны къ эмпирической ея части, — будемъ признательны къ тѣмъ, которые посвя-

(*) На постоянномъ законѣ статистическихъ измѣненій основаны всѣ страховыя общества, которыя бы не могли существовать, еслибы Статистика не открыла возможности подчинить такъ называемую игру случая математическому вычисленію. — Такъ напримеръ, что на первый взглядъ кажется мнѣе поддержаннымъ вычисленію какъ пожары, происходящіе отъ столь многоразличныхъ причинъ? Спросите страховыя отъ огня общества: оны, опираясь на статистическія свѣдѣнія многихъ годовъ, скажутъ вамъ почти постоянное число пожаровъ, могущихъ случиться въ данномъ городѣ, при данныхъ обстоятельствахъ. Тоже должно замѣтить о Статистикѣ смертности, даже о Статистикѣ преступленийъ.

щаютъ труды свои на собраніе фактовъ, еще болѣе къ тѣмъ, которые стараются эти факты очистить, собрать однородные изъ нихъ, и указывать по возможности мысли, скрывающіяся подъ этими безчисленными рядами цифръ.

Во Франціи, въ 1819 году, изданы были въ первый разъ, префектомъ Сенскаго департамента, графомъ Шабролемъ: *Recherches Statistiques sur la ville de Paris*, — и эта книга имѣла большой успѣхъ: нынѣ первой ея части нельзя найти даже во Франціи. Мы не знаемъ, таковъ ли успѣхъ книги, изданной нашимъ правительствомъ, но не можемъ не замѣтить, что если Парижское изданіе богаче фактами, что и естественно при давно введенной тамъ административной отчетности, то «Статистическія Свѣденія о С. Петербургѣ» превосходятъ книгу Шаброля тѣмъ, что въ нихъ многочисленные факты уже сведены въ результаты ближайшіе; сему посвящено первое отдѣленіе, текстъ изданія; подробности же или *pièces justificatives* заключаются въ таблицахъ, составляющихъ особый томъ. А это дѣло не маловажное, какъ извѣстно всѣмъ, кто занимался статистическими работами, испытывать изучать огромныя нестрѣя таблицы, кто просиживалъ надъ ними по цѣлымъ днямъ, тщетно искавши жезла Монсева, который бы изъ этихъ мертвыхъ цифръ вызвалъ струю живою мысли.

Таблицы состоятъ изъ 98 номеровъ, и многія изъ нихъ расположены съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, напр. 53, 54, 55, 56, 57, 58 и другія.

Планы объясняют состояние столицы в разные периоды, начиная с 1705 года, когда на месте нынешней крепости были рыбачьи хижины, до настоящего времени.

Большая часть статей текста начинается историческими обзорными основами и постепенного устройства нашей великой столицы; сие обзорное основано на многочисленных правительственных актах, замеченных, как видно по ссылкам, не только из Полного Собрания Законов, но и из архивов Министерства, до ныне бывших неизвестными публике.

После взятия Нотеборга (Шлиссельбурга) и Ниеншанца, 16 Мая 1705 года, в праздник Св. Троицы, Великий Царь заложил земляную крепость при устье Невы, на о. *Енисари* (Залчьем), лежащем на большой Неве, пред другим большим островом *Койвисори* (Березовом), который покрыт был вязким болотом и потому представлял естественную защиту новой крепости, названной Санктпетербургом. До 1710 года все усилие Царя устремлялось лишь к тому, чтобы скорее воздвигнуть здесь крепкой военной постройкой и порт; но когда утвердился камень основания *Невского города*, как писал сам Петр с поля битвы под Полтавою, тогда немедленно состоялись повеления о постройке в С. Петербурге каменных домов, и о переселении туда высших государственных сановников, дворян, торговцев и про-

мыслениковъ. Тогда же начались дѣлательныя сношенія съ Германскими владѣніями для привлеченія иноземныхъ торговцевъ въ новый городъ, который уже назначался быть главнымъ складочнымъ мѣстомъ нашей заморской торговли, для развитія которой вскорѣ были начаты водныя сообщенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ. Потомъ постепенно учреждались вновь и переводились изъ Москвы высшія правительственныя мѣста, гражданскія и духовныя, и цѣлыми полками гвардіи заселялись особыя слободы. Положивъ основаніе общественнымъ зданіямъ столицы, Государь обратилъ вниманіе на ея окрестности пустыныя, болотистыя, безжизненныя какъ природныя обитатели Ингрии — и принялъ намѣреніе преобразовать ихъ. Ныня мѣста предоставилъ хозяйству Двора, многія раздалъ сановникамъ своимъ съ обязательствомъ заселить ихъ природными Русскими, и потомъ поселилъ огромныя слободы Своими собственными крестьянами, переведенными изъ внутреннихъ губерній. Все это безъ сомнѣнія совершалось нелегко. «Строеніе Петербурга было въ началѣ своемъ всеобщимъ поголовнымъ налогомъ, а жизнь въ новой столицѣ почти государственною службою: обязанные селиться въ столицѣ не только не могли жить въ другихъ мѣстахъ, но даже и отлучаться изъ города на долгое время было воспрещено. Однако успѣхи не вполне соответствовали усиліямъ Царя; за жителями Петербурга должно было посылать въ губерніи гонцовъ; немѣя противиться волѣ Государя, они строили дома и при малѣйшей возможности покидали ихъ. Мысль соз-

дать городъ на краю государства, въ странѣ совершенно дикой и безлюдной, избрать его мѣстопривлеченіемъ Двора и высшихъ властей, въ то время когда въ центрѣ Имперіи существовала столица, къ которой народъ привязанъ и долговременнымъ ходомъ дѣлъ, и направленіемъ промышленности, мысль эта не могла не казаться для современниковъ непонятною. Не многіе могли предвидѣть всѣ благотѣльные послѣдствія сего предпріятія, для приведенія котораго въ исполненіе требовались мѣры тѣмъ болѣе строгія, чѣмъ менѣе оно находило себѣ противниковъ, и которыя начали смягчаться не ранѣе царствованія Императрицы Елисаветы, когда жители столицы получили возможность располагать домами на полномъ правѣ собственности. Въ это время Адмиральтейская сторона, между Песвою и Фонтанкою, болѣе и болѣе застроивалась; здѣсь были воздвигнуты многія зданія общественныя, кромѣ того многіе изъ вельможъ построили также огромныя каменные дома и часть сія принимала постепенно болѣе правильный видъ. Императрица Екатерина II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, учредила особую комиссію для устройства столицы. Между многими мудрыми постановленіями сей Государыни, улучшившими внутреннюю администрацію, нельзя не отличить въ особенности тѣхъ, которыми дарованы новыя права среднему классу народа, и которыя такъ много способствовали къ развитію промышленности и торговой дѣятельности городовъ: сколько новыхъ городовъ явилось въ это царствованіе и какъ быстро богатыми и людьми города старыя, пользовав-

иіеся естественными выгодами мѣстности! Но на пути преусыбіяіа первое мѣсто занимать безъ сомнѣія Петербургъ.»

Но установленія жить и строиться въ Столицѣ уже не существовали, и между тѣмъ поселеніе быстро возростало; это было причиною новаго раздѣленія столицы (въ 1782 году) на девять частей: 1, 2 и 3 Адмиралтейскія, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборгскую. По свидѣтельству современниковъ, разсматривая Петербургъ въ царствованіе Екатерины, «нельзя было не удивляться нестротѣ и иротивоположностямъ: изъ великолѣннаго квартала вы вдругъ переноситесь въ дикой и сырой лѣсъ; рядомъ съ огромными палатами, и роскошными садами находите развалины, или пещелница, деревянныя, хижины или пустыри; но всего поразительнѣе то, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сѣи самыя мѣста нельзя узнать. Иногда вдругъ исчезаютъ цѣлыя ряды домовъ и вмѣсто ихъ являютя дворцы, каменныя палаты, еще неокончанныя и уже населенныя. Такимъ образомъ нѣкоторыя части города столь измѣняются что чрезъ нѣсколько лѣтъ не возможно ихъ узнать.» Все относящеся до устройства, распространенія столицы въ послѣдніе два царствованія — такъ живо, такъ свѣжо, такъ близко къ намъ, что излишне было бы здѣсь говорить объ этомъ. Мы окинули бѣгло рожденіе и постепенный возростъ С. Петербурга — сколько позволяетъ журнальная статья, — но читатели найдутъ въ разбираемой нами книгѣ подробности, факты имѣющіе историческій интересъ,

особенно отпослаться къ царствованію Петра I-го. Въ первой главѣ изложены естественныя свойства мѣстности, т. е. почва, воды и климатъ; главныя соображенія о семъ послѣднемъ основаны на десятилѣтнихъ наблюденіяхъ, съ 1825 по 1852. Изъ нихъ оказывается что средняя температура года въ С. Петербургѣ есть $+3, 53^{\circ}$ R; но она измѣняется въ разные годы отъ 0, 96° до 5° , 56 , такъ что maximum измѣненій средней годовой температуры простирается до $+4, 45^{\circ}$ т. е., болѣе средней температуры года. Климатъ С. Петербурга не смотря на главный свой характеръ—непостоянство, долженъ быть отнесенъ къ *последовательнымъ*, или какъ называется Гумбольтъ, къ *климатамъ острововъ* (climat des îles) и *западныхъ береговъ*, отличительная черта которыхъ состоитъ въ постепенномъ періодическомъ движеніи средней температуры мѣсяцевъ.

Но съ другой стороны отдаленность отъ прибрежій Западнаго океана, гдѣ собственно господствуютъ климаты последовательные, не умѣряетъ быстрыхъ переходовъ отъ тепла въ холодъ. Климатъ Петербурга измѣнился въ послѣднее столѣтіе существованія города. Сіе измѣненіе состоитъ въ уменьшеніи высшаго и низшаго стоянія ртути въ термометръ. Если въ послѣдніе годы не было столь жестокихъ зимъ, какова напр. была зима 1740 года (когда термометръ съ половины Января и до Марта по голгоно держался между -26° и 31°), то и сильныя жары лѣтомъ также сдѣлались рѣже. Однимъ словомъ крайніе предѣлы температуры сближаются и средняя

температура года возвышается: климатъ слѣдовательно дѣлается умереннѣе. Столь благотворную перемѣну должно приписать безъсомнѣнія, той же причинѣ, которая сдѣлала умереннѣйшимъ климатъ Западной Европы и Сѣверной Америки: увеличенію народонаселенія, уменьшенію лѣсовъ и осушенію болотъ; равнымъ образомъ разведеніе садовъ и огородовъ, осушеніе и застройка сырыхъ мѣстъ въ самомъ городѣ имѣли и продолжаютъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе климата.

Глава вторая посвящена описанію измѣненія и улучшенія мѣстности столицы; сюда же должно отнести и особое приложеніе объ осушеніи и воздѣлываніи окрестностей Петербурга и Царскаго-Села. Третья глава заключаетъ свѣдѣнія о пространствѣ города. Площадь ограниченная городскою чертою содержитъ въ себѣ 20,285,147 кв. сажень; или 81 квад. версту и 55,147 кв. сажень. По плану 1828 года каменнымъ строеніемъ была занята едва только $\frac{1}{5}$ сего пространства, именно 964,050 к. с.,—деревянными 899,122 к. с.; дворами 2,508,487 к. с.; прочее пространство находится подъ каналами и рѣками, площадями и плацъ-парадами, улицами, садами, лугами, огородами, пустыми мѣстами и кладбищами (см. таб. № 9.). При соображеніи общаго пространства столицы съ народонаселеніемъ, оказывается, что на каждого человѣка приходится около 43 квад. саж. Наиболѣе народонаселеніе стѣснено въ 3-й Адм. части, гдѣ на каждого человѣка приходится только 3 к. саж., наименѣе въ Каретной—263 кв. саж.

По точнѣйшимъ исчисленіямъ въ 1855 году оказалось домовъ въ С. Петербургѣ 7976 (2750 каменныхъ и 5246 деревянныхъ). Почти половина изъ сего числа принадлежала высшему сословію, т. е. дворянамъ и чиновникамъ, за тѣмъ купцамъ ($\frac{1}{3}$) и мещанамъ ($\frac{1}{3}$). Большая часть купеческихъ домовъ—каменные; напротивъ у чиновниковъ менѣе половины, а у мещанъ менѣе пятой доли домовъ каменныхъ.—Большая часть домовъ въ С. Петербургѣ такихъ въ которыхъ помещается отъ 5 до 50 (4071). Таблица № 10, заключающая извлеченіе изъ переписныхъ книгъ 1717 г. показываетъ, что въ сіе время было домовъ въ С. Петербургѣ 2,555. Въ 1788 году (таб. № 11) было уже 655 каменныхъ и 5167 деревянныхъ домовъ. Въ каменныхъ считается 15,625 комнаты или $21\frac{1}{2}$ комнаты въ каждомъ домѣ,—въ деревянныхъ 9,975 комнаты или $5\frac{1}{2}$ на каждый домъ. Въ это время въ столицѣ считалось до 185,000 жителей. Въ 1814 году Петербургъ имѣлъ 7,125 дома,—слѣдовательно въ теченіе 19 лѣтъ, съ 1814 по 1855, прибавилось 855 дома (549 кам. и 504 дерев.) Но сіи числа не означаютъ всей дѣятельности отваживающихся свои капиталы на постройки, ибо по достовернымъ свидѣніямъ извѣстно, что въ теченіе 6 только лѣтъ (1826—1851) въ Петербургѣ начато и окончено 568 каменныхъ и 494 деревянныхъ строеній, слѣд. по крайней мѣрѣ половина капиталовъ назначается на перестройки, распространенія или улучшенія. Дѣлительнѣйшія постройки новыхъ домовъ въ послѣднее время производились преимущественно въ частяхъ: Антейной, Московской и отчасти Васильевской.

Всѣ дома подлежащіе оцѣнкѣ (т. е. частныя и только нѣкоторыя общественныя) съ принадлежащими къ нимъ лавками, землями и разными пристройками, оцѣнены (въ 1855 году) въ 468,192,469 р. Число всѣхъ отдѣльныхъ собственности, вошедшихъ въ оцѣнку, простиралось до 8,549. Цѣннѣйшія собственности находятся въ 1-й и 2-й Адмиралтейской частяхъ. Дворянству принадлежало $\frac{2}{3}$ (3568) всего числа собственности, оцѣненныхъ свыше 63 мил. рублей; купечеству 2979—75 мил., мѣщанамъ 795—4,500,000 р. Въ 1822 году всѣхъ оцѣненныхъ собственности считалось 8,400, стоившихъ 154,506,570 р. Съ тѣхъ поръ цѣнность имуществъ, принадлежащихъ дворянамъ и чиновникамъ—увеличилась почти 10 мил., или 15%; цѣнность купеческихъ собственности увеличилась 7 мил. или 10%. Имущества принадлежащія духовенству, ни увеличились, ни уменьшились въ своей цѣнности. Имущества мѣщанскія уменьшились и въ числѣ, и въ цѣнности: въ 1822 году ихъ считалось 10,467, цѣною на 858,550 руб.

Переходимъ къ народонаселенію: сличая разные показанія, можно вывести слѣдующую довольно вѣроятную таблицу народонаселенія С. Петербурга, за разные годы: въ 1750 году—80,000 человекъ, въ 1765—150,555; въ 1770—158,782; въ 1775—158,565; въ 1780 — 174,778; въ 1784 — 192,446; въ 1789—217,948; въ 1800 — 220,208; въ 1805 — 271,457, въ 1812 — 308,474; въ 1814—355,715, въ 1817—365,958; въ 1819 — 344,619; въ 1829 — 424,741. Последнее изчисленіе относится къ началу 1833

года, когда считалось въ столицѣ 442, 890 человекъ обоюго пола. Высшее сословіе т. е. дворяне и чиновники (ихъ жены и дѣти) составляютъ болѣе $\frac{1}{10}$ части всего народонаселенія; однихъ служащихъ считалось до 15,528 человекъ.

Купцовъ было 9,003, въ томъ числѣ иногородныхъ 2,528. Изъ 33,003 человекъ мѣщанъ, считалось торгующихъ—только 2,062 человека; изъ этого можно вывести заключеніе о нѣкоторыхъ чертахъ Петербургской торговли: она не такъ мелочна, какъ наприм. Московская, гдѣ, по этому самому, сословіе мѣщанъ принимаетъ гораздо болѣе участія въ торговлѣ; тамъ $\frac{1}{2}$ мѣщанъ занимаютъ торговлею, тогда какъ въ Петербургѣ только $\frac{1}{5}$.— Самая значительнѣйшая часть народонаселенія столицы состоитъ изъ людей промышленниковъ безъискусвенною работою; сюда должно отнести большую часть мѣщанъ, дворовыхъ людей и крестьянъ.—Дворовыхъ людей считалось до 76,725 человекъ обоюго пола; но по числу ихъ нельзя еще заключать о числѣ слугъ: это можно сдѣлать только по числу дворовыхъ, живущихъ при домахъ своихъ господъ: такихъ считалось только треть: именно 25,704. Въ Москвѣ при господскихъ домахъ живетъ вдвое болѣе. Изъ числа дворовыхъ проживающихъ по паспортамъ (коихъ считалось болѣе 50,000), многіе не входятъ вовсе въ цѣхъ слугъ, занимаясь разными ремеслами, какъ то портнымъ, сапожнымъ и проч., притомъ значительная часть находится въ услуженіи у разношницевъ, купцевъ и иностранцевъ. Посему несправедли-

во замѣчаніе тѣхъ, которые говорятъ, что въ Петербургѣ приходится по девяти дворовыхъ на одного дворянина.—Почти половину народонаселенія составляютъ крестьяне разныхъ наименованій, въ томъ числѣ $\frac{2}{3}$ крѣпостныхъ. Нижніе воинскіе чины съ женами и дочерьми) составляютъ менѣе $\frac{1}{7}$ части всего народонаселенія.—Иностранцевъ всѣхъ вообще считалось 12,059; болѣе половины составляютъ Нѣмцы, за тѣмъ Французы, Англичане и Шведы. Почти половина иностранцевъ приѣзжаетъ для ремеслъ; путешественниковъ въ восемь лѣтъ (1825 — 1833) было 759 (686 муж. и 73 жен).—Путешествуютъ наиболѣе Англичане и Французы. Особенный характеръ населенія нашей столицы состоитъ въ чрезвычайномъ перевѣсѣ мужескаго пола надъ женскимъ. Вотъ отношенія въ разные годы: въ 1750 году на 100 женщинъ приходилось 140 мужчинъ; въ 1784 — 194; въ 1789—215; въ 1814—234; въ 1825 — 255; въ 1831—251. Изъ сего открывается, что отношеніе мужескаго пола къ женскому увеличивается съ увеличеніемъ народонаселенія; главная прибыль и убыль на счетъ мужчинъ.—

Глава «движеніе народонаселенія» (стр. 151—200) представляетъ множество интересныхъ фактовъ; въ ней разсматриваются: браки, рождающіеся, болѣзни и смертность. Въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ число браковъ увеличилось 19% или $\frac{1}{5}$, — слѣдъ все непропорціонально съ возрастаніемъ народонаселенія; въ періодъ съ 1764 по 1780 годъ приходился 1 бракъ на 126 жителей; нынѣ ровно вдвое менѣе, именно 1 на 255 человѣкъ.

Число рождающихся въ сей же періодъ времени увеличилось 67 на 100, или двумя третями; тогда одинъ рождающійся приходился на 31, теперь одинъ на 49 жителей. — Отношеніе общаго числа умирающихъ къ народонаселенію колебалось въ различные періоды времени, между 1:29 и 1:42. Въ періодъ между 1810—1820 оно было 1:34, между 1820—1830—1:42. Результатъ утѣшительный! можетъ быть онъ и не имѣетъ всей желаемой точности, но все сомнѣніе о благопріятности его исчезнуть, если вспомнить о тѣхъ обширныхъ успѣхахъ, какіе оказала у насъ медицина въ последнее тридцатилѣтіе, о тѣхъ попеченіяхъ, какія Правительство принимаетъ нынѣ къ сохраненію народнаго здоровья, открытіемъ новыхъ лечебницъ, распространеніемъ и улучшеніемъ прежнихъ! А улучшеніе мѣстности города развѣ мало значить въ этомъ отношеніи? Притомъ нѣтъ сомнѣнія, что и самый народъ содержитъ себя вообще съ большею опрятностію и даже довольствомъ нежели прежде, о дѣтяхъ печется тщательнѣе, и оттого смерть производитъ менѣе между ними опустошеній. Въ статьѣ о смертности заключаются выводы о скоропостижно умершихъ, насильственныхъ лишеніяхъ жизни и самоубійствахъ. Тутъ заключаются многіе матеріалы для Нравственной Статистики. Нельзя не быть благодарнымъ къ тѣмъ, которые извлекли изъ пыльных архивовъ, изъ полицейскихъ замѣтокъ, эти факты, изъ которыхъ надъ многими невольно задумается филантропъ - философъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: въ Мартѣ 1828 года 13 лѣтній дворовый мальчикъ повѣсилъ отъ тоски по родинѣ; 14 лѣтній ученикъ

аптекаря отравился, не могши перенести смерть матери, какъ онъ самъ писалъ къ отцу; крестьянка зарѣзалась, услышавши о кончинѣ сына, умершаго въ Москвѣ; дворовый человекъ покушался повѣситься отъ тоски по умершей женѣ; одинъ достаточный купецъ, хорошии семьянинъ, бросился въ воду, не могши перенести тоски по умершемъ братѣ, для разсѣленія которой онъ путешествовалъ цѣлый годъ въ чужихъ краяхъ. Не убѣждаютъ ли эти примѣры въ томъ, что человекъ можетъ изнемогнуть отъ самыхъ благороднѣйшихъ побужденій! Въ противоположность можно привести примѣръ страннаго, неизъяснимаго юмора, который иногда овладѣваетъ самоубійцами въ минуту преступленія (стр. 196.) У одного застрѣливавшагося чиновника нашли въ карманѣ бумагу слѣдующаго содержанія: «въ.....тскій Департаментъ, отъ коллежскаго секретаря..... рапортъ. Мнѣ паскучно жить на этомъ свѣтѣ, почему я и вознамѣрился отправиться на тотъ свѣтъ; о чемъ и имѣю честь довести.....тскому Департаменту.»

Въ отношеніи къ насильственнымъ лишеніямъ жизни, къ чести нашей столицы, должно сказать, что въ ней убійства случаются гораздо рѣже нежели въ другихъ большихъ городахъ Европы. Въ три года, 1831, 1832 и 1833 было убито 10 человекъ, — удушенъ 1, зарѣзано 6 чел., застрѣленъ 1 и умерло отъ побоевъ 2; всего 20 человекъ. Самая обыкновенная причина къ убійству—грабежъ; случаи, въ которыхъ замѣтна расчитанная злоба, весьма рѣдки.

Зная страсть нашего народа къ вину, мы должны удивляться рѣдкости убійствъ, совершаемыхъ въ пьяномъ видѣ; конечно ссоры въ такомъ случаѣ не рѣдки, но они рѣдко оканчиваются важными послѣдствіями. «Перебирая донесенія полиціи, сказано на стр. 190, послѣднихъ годовъ, мы встрѣтили не много случаевъ достойныхъ замѣчанія по своей странности:

«Два крестьянина, двоюродные братья, поссорясь между собою, сдѣлали драку и одинъ откусилъ у другаго кончикъ языка, а сей вырвалъ у своего противника часть бороды. — Двѣ дворовыя женщины поссорились между собою, и одна за упрекъ ее въ кражѣ шестка, окатила другую кипяткомъ. — Одинъ пьяный мужикъ ранилъ пожемъ другаго, за то что сей легъ спать на его койку. — Двѣ женщины пошли на богомолье въ Сергіеву пустынь; на обратномъ пути, подгуливши, сѣли отдохнуть у одной дачи на Петергофской дорогѣ, и начали цѣловаться, причемъ одна откусила у другой часть подбородка.»

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ продолжать далѣе извлеченія изъ *Статистическихъ свѣдѣній о С. Петербургѣ*; скажемъ только что книга сія, кромѣ богатыхъ матеріаловъ для соображеній мыслящаго читателя, многими своими статьями можетъ служить образцемъ статистическихъ работъ; въ ней въ первый разъ, на Русскомъ языкѣ, встрѣчаемъ графическій способъ изложенія важнѣйшихъ

результатовъ (см. таблицы, приложенныя къ стр. 23, 170, 172, 252),—а равнымъ образомъ изслѣдованія политико-арифметическія, каковы напр. глава о народонаселеніи, и два къ ней приложенія: о причинахъ неравнаго числа рожденій и зачатій въ разные мѣсяцы года, и о вліяніи времени года на силу болѣзней въ С. Петербургѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Полная Россійская азбука, составленная по новейшей методѣ. А. К.—М. въ тип. Смирнова.

Россійская Христоматія, или отборныя сочиненія Отечественныхъ Писателей. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи и Министер. Внутрен. Дѣлъ.

Дѣтскія игры, подарокъ послушнымъ малюткамъ. Съ 6 картинками. Переводъ съ Французскаго. М. въ тип. Степанова.

Частная Реторика, Н. Кочанскаго. Изданіе 4-е С. П. Б. въ тип. Министер. Внутрен. Дѣлъ.

Взглядъ на старинную Русскую Поэзію. М. въ тип. Смирнова.

Стихи Е. Бернета. С. П. Б. въ тип. Ситгирева.

СТИХОТВОРЕНІЯ Константина Бахтурина. С. П. Б. въ тип. Праца и К^о.

Опытъ въ стихахъ пятнадцатилѣтней дѣвицы Елисаветы Шаховой. Писано въ 1836 году. С. П. Б. въ тип. Вилгебера.

СТИХОТВОРЕНІЯ Виктора Кашасва. М. въ тип. Кириллова.

Народныя Русскія Пѣсни, собранныя М. М.— М. въ тип. Смирнова.

Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ книжкахъ. М. въ тип. Кириллова.

Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Новое исправленное изданіе братьевъ Кузнецовыхъ. М. въ тип. Смирнова.

Поэтическіе очерки Украины, Одессы и Крыма, письма въ стихахъ къ графу В. П. З.....у, Ивана Борозды. М. въ тип. Селивановскаго.

Колдунъ и его дѣти. Старинная Русская сказка. Соч. К. Мартынова. С. П. Б. въ тип. Вилгебера.

Энциклопедическій Лексиконъ. Томъ девятый. С. П. Б. въ тип. А. Плюшара.

Повѣсти и рассказы Петра Суморокова. часть четвертая М. въ тип. Степанова.

Провидѣніе, или событіе 18 вѣка. Соч. П. Штевена. 4 части С. П. Б. въ тип. Воробьева.

Никласъ, Медвѣжья Лана, Атаманъ контрабандистовъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Фридриха II. Историческій романъ. Сочиненіе Р. Зотова. 3 части С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Михаилъ Новгородскій, или нарушенная клятва. Россійско-Историческій Романъ въ трехъ частяхъ. Сочиненіе Н. Зряхова. М. въ тип. Смирнова.

Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Часть I Сановники, управлявшіе дѣлами, до учрежденія званія Канцлеровъ. Часть II Канцлеры. Часть III Вице-канцлеры. Соч. А. Терещенко. С. П. Б. въ тип. вдовы Байковой и въ тип. Имп. Рос. Академія.

Статистика Европейскихъ Государствъ, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Заслужнаго Профессора Е. Зябловскаго. 2 части. Второе изданіе, исправленное. Изданіемъ Ильи Глазунова. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Алгебра Лефевра де Фюрси, съ дополненіями переводчика. Часть I второй отдѣлъ и часть II отдѣлъ первый С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Ви. Стражи.

Ручная Математическая Энциклопедія. Книжка XIV. Предварительный курсъ Астрономіи. М. въ Университет. тип.

Военный Энциклопедический Лексиконъ.
Часть первая. Книжка вторая. С. П. Б.

Рисунки Санктпетербургской Флоры, съ краткимъ описаніемъ ея растеній, заключающихъ въ себя свѣдѣнія о классахъ и отрядахъ ихъ, по Линнеевой системѣ, о мѣсторожденіи, времени цвѣтенія, продолженіи жизни, о полезныхъ или вредныхъ свойствахъ, и употребленіи въ обществѣ: издаваемые К. Левиннымъ. Книжка 4-я и 5-я. С. П. Б. въ тип. Смирдина и Глазунова и К^о.

Новѣйшій свекловично-сахарный заводчикъ, или наставленіе, какимъ образомъ разводить и сохранять отъ порчи свекловицу, и проч. Сочиненіе Самуэля Людербурга. Переводъ съ 12 изданія. М. въ тип. Кириллова.

Выставка Костромской губерніи. М. въ тип. Селивановскаго.

Выставка издѣлій Рязанской Губерніи. М. въ тип. Селивановскаго.

Каталогъ книгъ, продающихся въ книжной лавкѣ Кс. Ал. Полеваго, М. въ тип. Степанова.

Постепенныя занятія въ переводахъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій, изданныя Докт. Ф. Кистеромъ. Третье исправленное изданіе. М. въ Университет. тип.

Систематическій выборъ мелкихъ статей и отрывковъ въ прозѣ и стихахъ изъ сочиненій Нѣмец-

КНИЖЬ КЛАССИКОВЪ , составленный Карломъ Гакс. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

РАЗСКАЗЫ моего отца. Тетрадь для юношества. Соч. Пушкарева, Второе изданіе. С. П. Б. въ тип. Отд. Корп. Внутр. Стражн.

РУЧНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КНИГА. Составленная Л. Свѣгиревымъ. С. П. Б. въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражн.

АРХИТЕКТУРА для сельскихъ и деревенскихъ жителей, или наставленіе недостаточнымъ помѣщикамъ, какъ прочно строить дома и крестьянскіа жилища матеріалами дешевыми, находящимися у нихъ почти подъ руками. М. въ тип. Смирнова.

СКАЗКА о мельникѣ колдунѣ Федотѣ , о хлопотливой старухѣ, о двухъ Жидкахъ, и о двухъ батракахъ. Соч. Е. Алпаинова. С. П. Б. въ тип. Неймана и К°.

ТИТУЛЯРНЫЕ СОВѢТНИКИ въ домашнемъ быту. Водсвилъ въ одномъ дѣйствіи О. Копп. С. П. Б. въ тип. Греча.

ЧИНОВНИКЪ по особымъ порученіямъ. Водсвилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Каратыгина. С. П. Б. въ тип. Плюшара.

ЛИНА АРФА. Пер. съ Французскаго Людмилы К ой. С. П. Б. въ тип. Крайя.

АДЕЛЬ. С. П. Б. въ тип. Гинце.

Димитрій Донской. Историческій Романъ. 3 части. Сочиненіе М..... Д..... М. въ тип. Смирнова.

Борисъ Годуновъ, и Россія въ XVII столѣтїи. Романъ полу-историческій. Сочиненіе М—Р—К—. 3 части. М. въ тип. Смирнова.

Карантинъ въ Ахіоло, или сонъ и предчувствіе. Восниая быль, взятая изъ писемъ Русскаго офицера въ Турецкую кампанію 1828 и 1829 годовъ. Составленная Н... А... К.... М. въ тип. Степанова.

Малороссійская Васильковская повѣсть: Твердовскій. Сочиненіе Степана Карпенка, М. въ тип. Кирилова.

Малороссійская повѣсть: Плачевная участь древняго Василькова. Сочиненіе Степана Карпенка. М. въ тип. Кирилова.

Рѣчи, произнесенныя въ разныя времена Директоромъ Клеванской Гимназіи, Иваномъ Кулжинскимъ. М. въ Университет. тип.

Исторія царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, А. А. Лесфорта. 2 части. М. въ тип. Селивановскаго.

Первое тридцатилѣтіе Исторіи города Одессы, 1783—1823. Соч. Одесскаго жителя А. Скальковскаго. Одесса, въ городской тип.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя П. Сахаровымъ. Часть первая. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Гуттенберговой.

Сказанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собранныя П. Сахаровымъ. Часть 5-я Книга 2-я С. П. Б. въ тип. Гуттенберговой.

Лекція Профессора Погодина, по Герену, о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. 2 части М. въ Университет. тип.

Сокращеніе Истории Среднихъ вѣковъ Соч. М. де Мишеля. Переводъ съ 4-го изданія, исправленнаго и дополненнаго генеалогическими таблицами. 2 части С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Записки Герцогини Абрантесъ, или историческія воспоминанія о Панадсонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ, переведенныя съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XIV. М. въ тип. Семена.

Всеобщая Географія, для начальнаго преподаванія составленная по Гольтье, Бальби и Мальть-Бруну В. Бардовскимъ. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Краткая Географія для дѣтей, изданная по руководству Г-на Статскаго Совѣтника и Кавалера И. А. Гейма. Десятое изданіе. М. въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. языковъ.

Воспоминанія о Сициліи, А. Черткова. 2 части. М. въ тип. Семена.

Лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ Морскомъ Корпусѣ Академикомъ Остроградскимъ. Составлены Корп. Кораб. Инж. Кап. С. Бурачкомъ и Лейтенантомъ С. Зеленымъ. Первый годъ, (начаты 16 Октября 1856). С. П. Б. въ тип. Вишгебера.

Начальныя основанія счетоводства, для хозяевъ, торговцевъ и промышленниковъ вообще, П. Цветаева. М. въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. языковъ.

Руководство къ содержанію и размноженію камелій, изданное Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Егоромъ Классеномъ, Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ М. въ тип. Семена.

Указатель естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній, находящихся на Рязанской Губернской выставкѣ, 1857 года. М. въ тип. Селивановскаго.

Описаніе выставки произведеній Владимірской губерніи 1857 года. М. въ тип. Семена.

Военно-походная Медицина въ пяти частяхъ. Сочиненіе Доктора Медицины и Хирурга, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Акима Чаруковскаго. Печатаво, по Высочайшему повелѣнію, издвигеніемъ Правительства. С. П. Б. въ тип. Воробьева.

Три статьи о Гомеопатии. Переводъ съ французскаго, съ дополненіемъ объ успѣхахъ гомеопатическаго леченія въ Россіи. С. П. Б. въ тип. Сибирева.

Книга адресовъ С. Петербурга на 1857 годъ. Изданная съ разрѣшенія и одобренія С. Петербургскаго г. Военнаго Генераль-Губернатора, Карломъ Инстремомъ. С. П. Б. въ тип. III Отд. Соб. Е. И. В. Канцелярн.

Объ учрежденіи привилегированнаго заведенія для производства уничтожающаго зловоніе порошка и земледобрытельнаго тука. С. П. Б. въ тип. Греча.

Грамматика, для начального обученія дѣтей первоначальному употребленію Русскаго языка. Составлена Зосимою Воробьевымъ. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала Общеплез. свѣденій.

Генрихъ и Марія или осиротѣвшія дѣти. Трогательная и правдоучительная исторія для дѣтей обоего пола отъ 8 до 12 лѣтъ. Съ Нѣмецкаго перевелъ Мартинъ Кедровъ. М. въ тип. Евреннова.

Нѣмецкая словесность. Изъ книги Вольфганга Менцеля. Часть 1. С. П. Б. въ тип. Плюшара.

Мой калянь. Стихотворенія П. Громова. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточ. языковъ

Ксантиппа. Экспромтъ: С. П. Б. въ Морско гни.

Иванушка дурачокъ. Русская сказка въ частяхъ С. П. Б. въ тип. Имп. Академіи наукъ.

Родственники, или покойникъ-то не умеръ. Водевилъ въ 1 дѣйстви. Соч. Актера П. Григорьева младшаго. С. П. Б. въ тип. Греча.

Лорнетъ, или правда глаза колетъ, фантастической водевилъ, перев. съ французскаго. С. П. Б. въ тип. Бенкена.

Римъ и Кароагенъ, трагедія въ пяти дѣйствиахъ. Т. м. ф. а. С. П. Б. въ тип. Гинце.

Норма. Лирическая трагедія въ 2 дѣйствиахъ; слова Феликса Романи, музыка соч. Беллини. Переводъ съ Итальянскаго С. П. Б. въ тип. Глазунова и К^о.

Эмигрантъ съ краткимъ описаніемъ Американской войны, Луизіаны и Французской революціи. 2 части П. . . . С. С. П. Б. въ тип. Сычева.

Неправдоподобные рассказы Чичерове дель К. о. часть 1 Бимбанъ, Часть II Фодоръ Петровичъ Каталкинъ, Часть III Несчастливцы. С. П. Б. въ Гуттенберговой тип.

Поэтъ и Актриса. Соч. Павла Попова. М. въ тип. Евремова.

Фортуна и Промысль, или встрѣча съ погубителемъ;—пожалуй Русскій, только опять не историческій и не нравственно-сатирический романъ въ частяхъ, или картина свѣтскихъ современныхъ нравовъ, раздѣленная на 4 части, а части на сцены. Соч. Н. А. К. го. М. въ тип. Евремова.

Сцены изъ жизни Испанцевъ. Соч. Герцогини Абрантесъ, переводъ съ Французскаго П. Б. М. въ тип. Евреннова.

День въ Батавіи. Фантастич. сказка. Соч. Маркиза Делагранжа. С. П. Б. въ тип. Греча.

Пичюла, соч. Сентина. Перевелъ съ Французскаго А. П. Ж. С. П. Б. въ тип. Конторы Журнала общеплез. свѣдсній.

Аделина Мовбрай, соч. Мистрисъ Опи. Перев. съ Франц. Ни — лай Гра — вскій. 3 части. М. въ тип. Степанова.

Ръчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московской 1-й Гимназіи, 1837 года Сентября 13 дня. М. въ тип. Университетской.

Краткій Катихизисъ Русскаго народа. Соч. Е...ны М...вы К...ой. С. П. Б. въ тип. Вингсбера.

Очеркъ Исторіи Философіи по Рейнгольду, сдѣланный О. Надсиднымъ. С. П. Б. въ тип. Департамента Внѣшней Торговли.

Правила семейныя, четвертое изданіе. С. П. Б. въ тип. Иверсена.

Подарокъ дочери-невѣстѣ въ число приданнаго. С. П. Б. въ тип. Глазунова и К°.

Записки Морскаго Офицера въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ. Въ 4 частяхъ. Второе изданіе. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Академіи.

Очерки Іерусалима и Святыхъ окрестностей, Вифлесама, Вифаніи, Іордана, Пустыни Св. Іоанна, монастыря Св. Саввы, Хеврона и проч. Изъ перепісани о Востокъ Мишѣ и Пужулѣ А. Т. С. П. Б. въ тип. Греча.

Гимназическій курсъ чистой Математики, содержащій въ себѣ Ариметику, Основаніе Алгебры и Геометріи, прямолинейную Тригонометрію и Коническія сѣченія, составленъ Профессоромъ Перевощиковымъ. М. въ тип. Семсва.

Курсъ практической Механики. Часть первая. С. П. Б. въ тип. Вингебера.

Расчисленіе о металлахъ по горной части, составленныя Н. Перцевымъ. С. П. Б. въ тип. Глазунова.

Учебныя руководства для военныхъ заведеній. Тактика. Часть первая, заключающая въ себѣ Тактику чистую. Составилъ Б-ръ Н. В. Медемъ. С. П. Б. въ тип. II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Военная Географія Европы въ таблицахъ. Сочиненіе Франца Рудторфера. Переведена съ Нѣм-ц-

каго по соизволенію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Въ переводѣ исправленъ и дополненъ Н. О. Штукенбергомъ. Двѣ тетради. С. П. Б. въ тип. Виттсберга.

Чудеса премудрости Божіей въ природѣ или краткое объясненіе некоторыхъ явленій въ физическомъ мірѣ, не для ученыхъ, а для учащихся, въ вопросахъ и отвѣтахъ: I О воздухѣ. II О водѣ, III О свѣтѣ, и IV Объ огнѣ. С. П. Б. въ тип. Греча.

Извѣстіе о мѣстонахожденіи грифитовъ въ Орловской губерніи, и географическій взглядъ на почву сей губерніи. Соч. Дѣйств. Члена Минералог. Общества въ С. Петербургѣ, Штабъ-Инкаръ П. П. Брыкова. Издано онымъ Обществомъ. С. П. Б. въ тип. Греча.

Плодовитая оранжерея, или искусствовоспитывать и разводить въ обыкновенныхъ цвѣточныхъ горшкахъ яблони, груши, сливы, вишни, абрикосы, персики, миндаль и т. д. по руководству Профессора Дилля. Соч. Карла Фридрига Рихтера. М. въ тип. Кирилова.

Памятная книга сельскаго хозяйства или Хозяйственный Мѣсяцесловъ, содержащій въ себѣ указаніе распредѣленія сельскихъ работъ въ послѣдовательномъ порядкѣ по временамъ года, по многолѣтнему опыту. Составленный Борономъ Карломъ Фогтъ-Виттенгеймомъ. С. П. Б. въ тип. Экспедиціи Заготовленіе Государственныхъ бумагъ

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ неоднократно говорили болѣе или менѣе неосповательно, болѣе или менѣе неприлично о написанной мною, но еще не напечатанной, біографіи фонъ Визина. Донынѣ по двумъ причинамъ не отвѣчалъ я ни слова на сіи неумѣстные отзывы. Во первыхъ потому, что я узнавала случайно, стороною и часто поздно о журнальныхъ вылазкахъ противъ меня, ибо я давно уже не читаю нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, припавъ съ лѣтами за правило беречь глаза и время. Во вторыхъ потому, что отвѣчать значитъ входить въ разговоръ, а съ лѣтами научился я другому правилу, что никогда не должно вступать въ разговоръ съ тѣми, которые говорятъ неосновательно и неприлично.

Но нынѣ узнавъ, что въ Москвѣ готовится новое изданіе сочиненій фонъ Визина, и что нѣкоторые ожидаютъ при немъ и составленную мною біографію почитаю обязанностію своею, для объясненія истины, сказать нѣсколько словъ о настоящемъ поло-

женіи спорнаго дѣла. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по просьбѣ покойнаго Платона Петровича Бекетова, получившаго отъ наследниковъ фонъ Визина право издать полныя сочиненія его, обѣщать я ему написать упомянутую біографію. Въ послѣдствіи времени П. П. Бекетовъ передалъ право свое Московскому книгопродавцу Салаеву, которому подтвердилъ я обѣщаніе, мною однажды данное. Но это обѣщаніе не было ни срочнымъ, ни досажнымъ обязательствомъ ни предъ публикою, ни предъ издателемъ. Трудъ мой былъ безкорыстный и независимый. Я твердо знаю, и дай Богъ всемъ знать это также твердо какъ и я, что взявъ съ публички напередъ деньги за обѣщанную книгу, должно поставить ей книгу въ срокъ, или возвратитъ деньги. Но я совершенно въ иномъ положеніи. Я ни съ кого денегъ не брать: слѣдовательно я полный и безответственный хозяинъ моей рукописи. Біографія нѣсколько лѣтъ тому уже написана, около двухъ лѣтъ уже одобрена Ценсурою, а когда выйдетъ она въ свѣтъ, не знаю: когда мнѣ вздумается, — вотъ одно мое условіе. Если же г. Салаевъ, какъ слышно, передалъ свое изданіе другому книгопродавцу, то ни въ какомъ случаѣ передача сія не можетъ относиться до моего труда, который остается моею собственностію безраздѣльною. Наконецъ довожу до свидѣнія не журналовъ и не книгопродавцевъ, но подписчиковъ на первое изданіе сочиненій фонъ Визина, что когда напечатана будетъ біографія, то лица, коимъ имена означены въ спискѣ приложенномъ къ упомянутому изданію, получать ее отъ меня безъ

денежно. Не полагаю, что подписчики очень дорожат трудомъ моимъ: и не думаю иыиѣшнимъ обѣщаніемъ успокоить заботливое ихъ терпѣніе, вѣроятно и безъ того довольно спокойное: сочиненія фонъ Визина и безъ моей придачи имѣють въ себѣ достаточную цѣну. Но питая безкорыстную любовь къ книжному дѣлу и къ успѣхамъ сей умственной промышленности въ Россіи, не хочу я, хоть бы и неволью и совершенно невинно нарушить случайнымъ примѣромъ своимъ довѣренность, которую потребители должны имѣть къ обѣщаніямъ производителей. Довѣренность сія къ сожалѣнію всехъ благомыслящихъ людей и такъ уже въ нашъ не золотой, но денежный вѣкъ, слишкомъ часто потрясаема съ тѣхъ поръ, что литература не что иное, какъ новая вѣтвь внутренней торговли.

К. В. Ваземскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Появленіе седьмой части Современника было задержано обстоятельствами, болышею частію независящими отъ Редакціи, къ числу которыхъ между прочимъ принадлежитъ и несвоевременный выходъ 5-й части, естественно повлекшій за собою замедленіе остальныхъ книжекъ, особенно по причинѣ рисунковъ въ нихъ помѣщенныхъ. Сверхъ того Редакція почла долгомъ удовлетворить желанію особъ находившихся или во внутреннихъ губерніяхъ имперіи или внѣ оной, и хотѣвшихъ почтить память поэта, оплакиваемого Россіею, участіемъ въ основанномъ имъ журналѣ. Редакція получивъ статьи сихъ особъ недавно, признала за лучшее издать оба послѣдніе тома вдругъ; такимъ образомъ 8-й томъ выйдетъ черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за седьмымъ. Читатели замѣтятъ что вышедшіе въ 1837 году книжки содержать въ себѣ до двухъ сотъ страницъ болѣе назначеннаго.

О продолженіи Современника.

Журналь «Современникъ» будетъ издаваться и въ будущемъ 1838 году. Продолженіе его остается соотвѣтственно плану первыхъ двухъ годовъ, то есть, каждыя три мѣсяца выйдетъ одинъ томъ въ 20 печатныхъ листовъ, а въ годъ четыре тома.

Подписная цѣна 25 руб. ассигн. въ годъ; за пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ, здѣсь, въ С. Петербургъ, прибавляется 5 руб. Для полученія журнала можно адресоваться: въ газетную экспедицію, или въ книжный магазинъ А. Ф. Смирдина, или прямо къ издателю его, дѣйствительному Статскому Совѣтнику Петру Александровичу Плетневу, живущему у Обухова моста въ домъ Тайной Совѣтницы Сухаревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стран.</i>
1. Галубъ. <i>А. Пушкина.</i>	1.
2. Местъ. <i>Г. Е. Р.</i>	47.
3. Перевѣздъ черезъ Яйлу на южномъ березъ Тавриды. <i>А. Подолинскаго.</i>	87.
4. Юность души. <i>А. Лаголова.</i>	102.
5. Улей. <i>Д. Струйскаго.</i>	105.
6. Надежда-Ангель. <i>Шевырева.</i>	106.
7. Элегія <i>В. Туманскаго.</i>	139.
8. Элегія. <i>А. Лаголова.</i>	141.
9. Органъ. <i>Авдотьи Глинки.</i>	142.
10. Ангель. <i>Феодора Глинки.</i>	146.
11. Самоубійца. <i>Д. Струйскаго.</i>	180.
12. Сцены изъ трагедіи: «князья Щуйскіе». <i>П. Ободовскаго.</i>	181.
13. Имя милое Россіи. <i>В. Туманскаго.</i>	195.
14. Молитва. <i>Е. Гребенки.</i>	221.
15. Грусть. <i>М. де-Ларю.</i>	223.
16. Буря. <i>М. де-Ларю.</i>	230.
17. Къ Языкопу	262.
18. Баллада	264.
19. Зеленый цвѣтъ. <i>П. Ершова.</i>	291.
20. Кольцо съ бирюзною <i>П. Ершова.</i>	293.
21. Подражаніе Шенле. <i>П. Бска.</i>	326.
22. Элегія. <i>П. Бска.</i>	328.
23. Двѣ слезы. <i>П. Панасва.</i>	330.
24. Прощаніе съ Москвою. <i>Рахманнаго.</i>	331.

ПРОЗА.

1. Графъ Калиостро. *М. Загоскина*. 17.
2. Краткое начертаніе теоріи паровыхъ машинъ. *Кн. Коллокаго*. 51.
3. Солдатскій портретъ. *В. Луиискаго*. 108.
4. Свѣтскій человекъ, дипломатъ, литераторъ, воинъ. *Т. Космакратова*. 148.
5. Лѣтопись села Горохина. *А. Пушкина*. 197.
6. Воспоминанія о Бессарабіи. 226.
7. Три письма о Томбовской выставкѣ. *Я. Караман-скаго*. 267.
8. Общественное образованіе Тульской губерніи. *И. Сахирова*. 295.
9. Разборъ книги: Статистическія свѣденія о С. Петербургѣ. 359.
10. Новыя книги. 260.
11. Объясненіе. *Кн. Вяземскаго*. 373.
12. Отъ Редакціи. 376.
13. О продолженіи Современника. —

На стр. 78 строкъ 8-й сверху, слѣдуетъ читать и г,
вмѣсто U·V.
